

Д
АЛЬНИЙ
ВОСТОК
В

9

1976

Сахалинский пейзаж

Фото В. Н. Журавлева

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

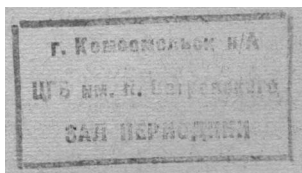
- Вячеслав Пушкин** — НОВЫЕ СТИХИ: «ВСЕ МЕНЬШЕ ХОДИТ В ДОМ
ГОСТЕЙ...», «В БАЛАГАНЕ ИЗ БЕРЕЗ...», «ДОСТАТОЧНО ВЕСЕН...»,
«ЕДУТ СВАДЬБЫ...». ДЕД, ПЕСНЯ, ВАНЯ 3
- Алексей Коротаев** СЕЛЬСКИЕ КАРТИНКИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ. ЛЕТ-
НИЙ ДОЖДЬ, СЕНОКОС, СОН ТРАКТОРИСТА, НАЧАЛО ЗИМЫ, стихи 7
- Вячеслав Горбачев** — ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ, роман. Продолжение 9

ЛИТЕРАТОРЫ КДВО

- Борис Репин** - «ЗНАЮ, МНОГОЕ ПРОСТИТСЯ...», «БЬЕТ ПУЛЕМЕТ —
НЕ ПОДНЯТЬ ГОЛОВЫ...», МИНОМЕТ, СОЛДАТСКАЯ ДОРОГА, ЗА-
КАТ, стихи 67
- Андрей Никаноров** — ПОИСК, повесть 69
- Виталий Туфанов** — «ВСЕ РЕЗЧЕ ЗВЕЗД НАКРАПЫ...»: **Евгений Ав-
дюшин** — «ЖИВЕМ В ОЖИДАНИИ «СХВАТКИ»...»; **Борис Бимбад** —
«С МОЕЙ ВОЕННОЮ СУДЬБОЮ », стихи 101

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Виталий Туманов** — ТЕПЛООЗЕРСКИЕ ЦЕМЕНТНИКИ, очерк 103
- Арнольд Пушкарь** — СОЛДАТЫ БАМа, очерк 109
- Виктор Светиков** — МОИ СОСЛУЖИВЦЫ, очерк 113
- Людмила Сапрыгина** — ОСТРОВ ШУМШУ ПОМНИТ ВСЕ, очерк 117

СЕНТЯБРЬ • 1976

ИЗ ПРОШЛОГО

А. П. Окладников — УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ПРИМОРЬЕ И ПРИАМУРЬЕ)	122
---	-----

ЗА РУБЕЖОМ

Е. Казеннов ПУТЬ БАНКРОТОВ	127
---	-----

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Б. П. Полевой — ЭТНОГРАФ С. ПОНЯТОВСКИЙ О В. К. АРСЕНЬЕВЕ	130
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Вольпе — ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА	136
О. Журавина — СВЕТЛАЯ ДАЛЬ ЗОВЕТ	141
М. Чапаров — КОНЕЦ «ЧЕРТОВОЙ ПАСТИ»	142
В. Ефименко — ИМПЕРИЯ «ТРЕХ БРИЛЛИАНТОВ»	143
П. Татарников — АКТУАЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ	145
Н. Наволочкин — ЛИНИЯ ОПАСНОСТИ	146
КНИГИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ О ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ	149
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	151

ДЕЛА И ЛЮДИ

В. Балабанов — А. И. КУЛИБИН — ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР И ПОЭТ	152
КОРОТКО О РАЗНОМ	157

Главный редактор **Н.М. РОГАЛЬ**

Редакционная коллегия:

**В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ.**

Ответственный секретарь **К. С. ОВЕЧКИН.**

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Лызова*. Корректор *А. Е. Москвитин*.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., № 80. Телефон 33-13-68

Подписано к печати 23/VIII 1976 г. ВЛ 00278.
Бумага 70X108¹/₁₆. 14 усл. печ. л., 15,48 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 539. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«Дальний Восток», 1976

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Все меньше ходит в дом гостей,
Все меньше в доме новостей.
Одни свои заботы.
Освободился от сует.
Дом-кабинет,
В котором нет
Помехи для работы.

Встаю до первых петухов,
В час созревания стихов.
И с хрустом мну рубашу.
Иду в работу не спеша.
Чтоб шла со мной моя душа,
Не суетясь, на плаху.

Я вас пугаю?
Вовсе нет.
Весна, работа, кабинет —
Удел моей горячки.
Я в этом утреннем часу
Блуждаю, как шатун в лесу,
Очнувшийся от спячки.

* * *

В балагане из берез,
Зачарованный и грустный.
Ты частушки пел всерьез
Снегу, идущему густо.

Снегом занята страна.
Шел он словно не в охотку,
Но была легка, стройна
И свежа его походка...

Это шел незябкий снег —
Тополинный пух в июне.
Пар валил от желтых слег,
Вытесанных накануне.

Мы кроили потолок,
Ладили крыльцо и сени.
И коняга наш волок
Слеги по снегам осенним.

В балагане из берез.
Слаженном единым махом.
Жил букетик тубероз
Мальчиком и вертопрахом.

Вячеслав ПУШКИН

Ах, топор!
Верна рука.
Все продумано и просто.
Словно букли парика.
Кучерявилась береста.

Как играли топоры!
Балалаечно да лихо.
А на ссадинах коры
Густо проступала лимфа—

Мальчик, дядя, вертопрах,
Что тебе ночами снится?
Небосиняя синица
Иль журавушка в руках?

Балаганчик из берез.
Где ты пел свои частушки,
Иль промокшие от слез.
Деревенские подушки?

* * *

Достаточно весен —
Казалось
Мне вьюжно, зимней порой...
Но оттепель снова касалась
Меня, —
Словно мартовский рой,

Худой по весне
И не мёдный.
Но все-таки, видишь, живой.
Гудел, до ожога холодный.
Над вешней моей головой.

Кричали голодные пчелы
Спросонья о близкой весне.
И яблоком свежепеченым
Являлось мне солнце во сне

Как сладок был яблочный привкус.
Как саднило ночью во рту!
Какой-то мистический искус —
Слова говорить поутру,
Пока и легка и свободна
Душа от дневной суеты.
И солнце гудит первородно.
Спасая от немоты.

Рокочет баском развеселым
Ручей, обалдевший от сна.
Омшаник покинули пчелы.
Хорошая будет весна.

* * *

Едут свадьбы,
Мчатся свадьбы
В алых лентах на такси!
Вот бы встать
И заорать бы
Средь дороги:
— Пригласи!
Но какое свадьбам дело
До женатого меня,
Если жить им надоело
Без крылатого коня.

ДЕД

А. Межирову

Какие лодки ладил дед!
Всегда тверез и ясен,
В рубаху грубую одет
И туго подпоясан.

Он выходил на стылый двор,
Закуривал протяжно
И, сплюнув под ноги, топор
Вонзал в подрубок влажный.

Дед плоскодонок не любил,
Считал их флотом щуплым.
Он килевые мастерил,
И называл их "шлюпы".

Он флот надежный возводил.
Рубил, как избы рубят.
Он ремесло свое любил.
Как мать родную любят.

Дед шурил острые глаза.
Глядел на лодку хмуро.
Когда, покинув полоза,
Врезалось в грудь Амура

Дитя, горячее, как крик.
И остывало в пене.
И становился вдруг старик
Моложе и степенней.

Он знал законы ремесла
И соблюдал их строго...
Как руки деда — два весла
У дедова порога.

ПЕСНЯ

(из поэмы)

I

Выходила моя мама
За сосновый за порог.
Выносила моя мама
Берестяный туесок.
Молодая-молодая
В синий-синий лес густой
Шла. тихонько напевая:
«Ненаглядный, милый мой...»

Шла по заячьей тропинке
С каплей солнца на виске.
Земляничнок кровинки
Остывали в туеске...

Мама полное лукошко
Оставляла в кедраче.
Серебрилась, словно брошка.
Паутинка на плече.

Мама спелые ромашки
Из густой травы брала.
Колокольчики и кашки —
И венок себе плела.

Молодая-молодая
На своей тропе домой
Шла. тихонько напевая:
«Ненаглядный, милый мой...»

2

Помню навечно, — как будто завещано, —
Как над Аляской
Легка, словно дым,
Пела великая русская женщина
Голосом русским, до боли грудным

Было все это!
И в предновогодие
Вся экспедиция наша пила
Голос Обуховой —
Родины, Родины...
А над Аляскою
Песня плыла:
«Нет, не тебя так пылко я люблю.
Не для тебя красы моей блистанье...»

И наш смурной радист,
Джазист и выпивоха.
Неважный семьянин,
Но чародей ключа,

Вдруг пуговку рванул
На вороте:
— Не плохо!
Во тетка выдаёт!..
А это песня... чья?

...А пожилой рыбак.
Минутно затуманясь,
Вдруг плечи опустил.
Как будто оробел.
Но выпрямился и —
(Российской песни завязь) —
С неслышной хрипотцой
Тихонечко запел:

«Соловей мой, соловейка.
Птица малая лесная.
У тебя ль, у малой птахи,
Незаменные три песни...»

Он пел, как поют у предела...
Когда уже поздно жалеть.
Что в жизни чего-то не сделал,
А только бы песню допеть.

А только б услышали люди
Последнюю песню его.
Споет и умрет — и не будет
Уже ничего, ничего.

Неверное дело — ручаться.
Но я поручиться могу:
Такое услышишь не часто,
Забудешь едва ль на веку.

3

А я сейчас за двадцать тысяч верст.
На очень зыбкой теплой параллели.
Штормит. И океанский ветер черств.
И брызги — наподобие шрапнели.

Ты знаешь, мам,
Судьба у рыбака
С цыганской кочевою долей схожа.

Сегодня ты в Аляске,
Завтра можешь,
Коль скажут,
За экватор дать крюка.

А дома, говорят, метут снега.
А здесь, поверишь, палубы России
Полфевраля секли дожди косые
И подмосковьем пахнули слегка...

Там выходит моя мама
За сосновый за порог
И выносит моя мама
Берестяный туесок

Молодая-молодая
В синий-синий лес густой.
Тихо-тихо напевая:
«Ненаглядный милый мой...»

ВАНЯ

Секретарь райкома — за шофера,
Истово колеса несут нас.
И командировочные шоры
Постепенно опадают с глаз.
Носит нас по сахалинским далям,
Падают листки календаря.
Ставит точку тормозной педалью
Кирзовый сапог секретаря.
Покряхтел. Откинул дверку.
Вылез:
— Припозднились, братцы, мы чуток.
Щелкнул фонарем —
Прошил навывлет
Тьму
 крутую, словно кипяток.
Выхватил из ночи мшелый угол,
Бревна (верно, каждое в обхват),
И на бревнах сети, как кольчуга.
Ночь. Двадцатый век. Патриархат.
— Эх, соснем!
А что осталось спать нам?
По становью буйно бродит храп.
Телевизионное распытье
Сторожит в ночи рыбацкий храм.
Душно в храме.
В храме словно в бане.

Кто-то,
Распознав секретаря,
Бормотнул спросонья:
Ужин, Ваня,
Там, в сенях...
Никак опять в моря?...
Мы в дому.
Мы просто прихожане.
Хлеб да соль,
Картошка да икра.
В избах испокон неуважаема
В чинопочитание игра.

А наутро, над зарею алой,
Мы брели к заливу по росе.
Уходил туман и запоздало
Путался в прибрежной полосе.

Бригадир вышагивал привычно
И на море даже не глядел,
Словно бригадир сегодня лично
Не имел к нему особых дел.
Рокотал раскатисто и свойски,
Чуть оборотясь к секретарю:
— За поэтов ты, Иван, не бойся,
Все в ажуре будет, говорю.
В лучшем виде их тебе доставим, —
И в улыбке зубы обнажал, —
Обижать культурный фронт не станем.
Я ж тебя ни в жисть не обижал...

Валко разворачивался сейнер.
Три гудка — до вечера, причал!
Газик от вчерашней пыли серый,
Трижды нам прощально прокричал
И пошел отмеривать дорогу.
Лихо выходя на виражи.
Ну, спасибо, Ваня, за подмогу.
Руль держи-и-и!

Алексей КОРОТАЕВ

СЕЛЬСКИЕ КАРТИНКИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот и снова я в отчем краю,
Вновь готов я бродить до рассвета.
По едва различимым приметам
Я родные места узнаю.

Вот горластый петух на заборе.
Старый дом с журавлем во дворе.
Заросли, обмелели озера,
Где с двухстволкой бродил на заре.

Нарядились березки в сережки,
Примеряют нарядный убор.
Те же с детства знакомые стежки
Из цветов вышивают узор.

Утонула околица в звонах.
С огородной гряды у плетня
Лупоглазый и рыжий подсолнух
С любопытством глядит на меня.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Опустила ветви белая береза,
Клонится под ветром и роняет слезы.
На дорогу вышел дождик спозаранку
И пошел по крышам отбивать морзянку.
В темные дубравы шлет тире и точки,
По полям и травам вышивает строчки.
На овсы, на жито щедро плещет небо.
От земли омытой пахнет свежим хлебом.

СЕНОКОС

Солнце жарит все сильнее
Шапки сизых ковылей.
Загорают ребятишки
Без отрыва от граблей.
В голубом сиянье дня
Песни, смех и беготня,
Дробный перестук моторов
И косилок трескотня.
А бригада косарей
Сено косит — все скорей! —
Ароматное такое,
Хоть заваривай да пей!
Тут минутка дорога...
Опустеют вдруг луга.
Встанут строем на просторе
Крутобокие стога.
Жаркий выдался денек,

Но прибрали сено в срок.
В теплый вечер возле речки
Загорелся огонек.
Котелок над огоньком.
Тает пар над котелком
После радостной работы, —
Ох, хорош кулеш с дымком!
Смолк в траве веселый звон,
Под открытым небом крепок
На душистом сене сон.

СОН ТРАКТОРИСТА

На меже, под тихий шепот ив,
На траву ладони уронив.
Тракторист уснул у полосы,
А над ним качаются овсы.
Поработав ночью за двоих.
Пахарь притомился и затих.
И земля ему, как пух, мягка.
Вместо одеяла — облака.
И веселый ветер верховой
Охраняет пахаря покой.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Побелели тропки и дорожки.
В эту ночь зима в село вошла
И дома по самые окошки
Закидала снегом, замела.

Нарядила в белые шубенки
Стылую черемуху в саду.
И с утра проказники-мальчонки
Режут лед коньками на пруду.

Но дороге, вдоль продрогших улиц,
Застилая дымом горизонт,
В мастерские с поля потянулись
Тракторы трудяги на ремонт.

Отдохнуть и им пора настала.
В поле ни былинки не видать.
Вся земля пушистым одеялом
До весны укрылась тихо спать.

Возжаевка,
Амурская область

ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ

РОМАН

IV

Тогда, на трассе, когда Басов с Бородулиным вышли из теплушки, шоферы нетерпеливо ожидали около: ни для кого не секрет, какой вопрос решался. Видно, собирались постоять за своего,— брехнул же кто-то, что в вертолете новый начальник колонны сидит, ждет, чем дело кончится. И не успел Басов спросить их с открытой усмешкой, что скажете, орлы, довольны? — как самому ему вопрос под ребро:

— Признаете нас?..

— Куда денешься! — Никита развел руками. И после шуток добавил:— Отряд ваш действовал продуманно, четко. Поборол временную депрессию...

— Под влиянием компрессии!.. — подсказали под руку.

— Да, — Басов понимающе кивнул на реплику и рассмеялся. Он поймал себя на мысли, что не только ему, но и ребятам нравится напористость Бородулина. Что ж, хватка у него сибирская, барахсанская. Отправляя Иванецкого обратно, Бородулин взял на себя всю ответственность: считает, ему по силам, — тем интереснее работать с таким!

— Держитесь тут!.. — Никита с чувством пожал Алексею руку, и это было как обещание поддержки.

Он забрал письма, и, прощаясь, сам ощутил, как дорог отсюда, с безымянной точки на трассе, их поселок с привычным гомоном на вечерних улицах, со светом в окнах, лязгом бульдозеров и назойливой, до звона в ушах, частой дробью отбойных молотков на скалах, с ревом Порога, к которому быстро привыкаешь и не замечаешь потом... Здесь ничего этого нет, и тоскливо, и тянет туда, как к родному дому. И с такого настроения он подумал: дернуть бы с ними стопочку! А то и насовсем остаться!..

Пока пилоты прогревали двигатель, Басов сел к Гиттаулину в машину, за руль, попробовал сам пробить несколько метров трассы. Неумело — видать непривычного человека — дергал рычаг скорости, газовал не попадая, и смуглый Гиттаулин, на лице которого агатовым блеском сверкали быстрые росомашьи глаза, откровенно, вздохнул, хохотал над Никитой, смеялись и шоферы, обступившие машину. И, когда Басов вылез из кабины, они вразной хвалили его, но он на насмешку не обижался. «А что, — недоверчиво повторял он про себя вслед за ними, — и ничего!.. Пойдет дело, только потренироваться немножко...» — и сказал вслух:

— Остался бы, да больно форварды у вас сильные, не догоню.

...Опять вертолет набирал высоту, опять побалтывало, и Никита, прильнув лбом к холодному стеклу иллюминатора, старался не думать об Иванецком. Тошно...

Укутанный в два тулупа, Иванецкий боком съезжает с сиденья, вытягивает далеко ноги, чтобы дотянуться до сапог Басова носком теплых унтаек, сшитых из оленьей шкуры. Никита чувствует, как блуждает по его лицу виноватый, заискивающий взгляд Иванецкого, и кажется ему, что он равнодушен сейчас к Иванецкому и потому справедлив. Задача была в пределах нормальных человеческих возможностей... Он не находит смягчающих обстоятельств, и ему хорошо, приятно от своей твердости.

Встав, Никита по лесенке втиснулся через узкий люк в пилотский отсек, а сам думал, что Иванецкий, наверное, глазами пятки лижет. А виноват кто? Сам, сам — не нужно было посылать Иванецкого!..

— Бросьте хмуриться, Никита Леонтьевич! — прокричал командир экипажа. — И так темно от туч.

Басов беспомощно улыбнулся.

— Вы мне люк не откроете? — спросил он.

— Зачем?!

— Да мешок с добром бросить!..

— Без парашюта?

— Ага-а...

— О-о, это мы можем, — засмеялся пилот, и напарнику: — Давай, Сеня, ты мастер по колчам возить!

— Можем... — подтвердил тот, ловчее берясь за ручки штурвала.

Вертолет норовисто рыскнул сначала вверх, вниз, вправо и запрыгал, как мяч на резине, по синусоиде. Басов, замирая сердцем, ликуя: «Вниз! Еще вниз!.. Хоть так попугать, не жалко и треснуться...» Но вспомнил и застыдился, что там страдает не виноватая ни в чем докторша... Попросил:

— Хватит... Вертолет жалко.

А вечером, проведив Алимущкина с обратным рейсом на Большую Землю, Басов признал у себя на совещании по зимнику:

— Иванецкий... подвел, не выдержал.

Он не хотел говорить о нем, не решил еще, как быть дальше, и Гаврила Пантелеймонович, разумник, выручил Никиту вопросом:

— А какое же твое мнение теперь, Никита Леонтьевич, о Бородулине?

— Да такое же, как и твое, Гаврила Пантелеймонович! Что Бородулин самозванец — это пока не беда, мириться можно. Главное, конечно, — сущность человека. По замашкам он или артист, или анархист — сразу не разобрал, но колонну проведет, не сомневаюсь.

— Провести-то проведет, — повторил Силин. — А сколько у них машин теперь, одиннадцать или двенадцать?

— Двенадцать.

— Дюжина... А останется, дай бог, пять или шесть... Что нам от этого?

— Машины есть и на устье. Расконсервируем. А от Бородулина нужен зимник, трасса!

— Нас так и не подключишь?! — заранее обижаясь на Никиту за отказ, спросил Коростылев, имея в виду себя и Анку.

— Подключу! — засмеялся Никита. — С завтрашнего дня начинайте строить мост на Сиговом ручье. У Гаврилы Пантелеймоновича есть на этот счет идея... Вот и давайте! Чтобы к возвращению колонны мост был готов.

После совещания Силин задержался у Басова. Насупив жиденькие, углом к переносице, брови, Гаврила Пантелеймонович сосредоточенно курил, будто и разговор весь кончен, докурит сейчас и пойдет, но, аккуратно стряхивая с папироски пепел, поглядывал на Никиту:

скажет тот еще что или нет!.. Басов же и про сигареты забыл. Сидел несколько минут задумчивый, отрешенный, потом порывисто встал и, зажав руки под мышкой, заходил по кабинету.

— Не маячь, чего забегал-то!.. — бросил с укором Силин.

Никита уловил в его голосе упрек, похожий и на утешение. Глаза у Силина спокойные, все понимающие, — ему не надо было ничего объяснять, и, может быть, поэтому Никита заговорил о том, как неприятно было смотреть на Иванецкого в вертолете.

— Каждый должен отвечать за себя! — будто убеждая Силина, сказал Басов. — Почему же я о нем думаю?..

— Должность такая, — не настаивая, вздохнул Силин. — Не ты один, все друг за дружку думаем.

«Вообще-то человек начинает оглядываться ближе к финишу, — думал Гаврила Пантелеймонович. — Когда сам впереди — тогда, как на гонках, головой вертеть некогда...» Ставя свою жизнь против басовской, Гаврила Пантелеймонович не испытывал разочарования, — как должное принимал он ту непреодолимую уже никогда разницу между ними, что определялась не должностями, не званиями, не положением на служебной лестнице и даже не возрастом, а чем-то более значительным, из чего складывается представление не столько о личности человека, сколько о сущности самой жизни. Это было неизбежно, как то, что на смену отличным автомобилям двадцатых годов АМО пришли машины семидесятых — ЗИЛы, МАЗы, КраЗы... Их и сравнивать невозможно... И он сказал:

— Машину, наверное, легче переделать, чем человека, а тоже трудно. Так что не отчаивайся, прибьется куда-нибудь твой Иванецкий.

— А вот он сейчас придет, — Никита посмотрел на часы. Было восемь. — Побудь немного...

— За свидетеля?! Нет уж, я пойду.

Иванецкий, однако, появился прежде, чем он собрался. В лице его Силин заметил что-то необычное и не вдруг понял, что тот сбрил свои курчавые бакенбарды с бородкой. Басову отвечал невпопад, вяло и к каждой фразе добавлял: «Виноват, виноват... Так получилось...»

— Коленки подкосились... — бросил насмешливо Силин. — Серьезная болезнь.

— Что делать будем? — спросил наконец Басов.

— Я на любой участок согласен... Или заявление напишу, по собственному...

— На участок! — взрывается Никита. — Ведь вы безответственный человек.

— Да, кажется...

— Вам и работа нужна безответственная! А где ее взять?.

Опять молчание в ответ.

— Скажи, Иванецкий, ты считаешь себя трусом?

— Да, — тот покорно вздохнул. — Наверное, я слабый...

— И думаешь работать?! — как будто удивился Никита.

— Да кто его возьмет к себе?! За него ж отвечать надо, — нахмурился Силин.

— В том-то и дело, — вздохнул Никита. — Я буду отвечать.

Иванецкий сморщился, посмотрел на Басова, покачал головой:

— Подведу... Я теперь за себя не ручаюсь.

— А вот видишь?! — Никита показал кулак. — Я тебе так подведу... при закрытых дверях.

— Гнать его, — посоветовал Силин. — Больше тут ничего не придумаешь. Он же не сообщает, что ты ему говоришь.

— Идите, Иванецкий, — отпустил Никита. — завтра придете.

Силин сказал обиженно:

— Зря торопишься, Никита Леонтьевич... Ты уж на нем обжегся, так подождет бы Алимущкина. Одному такие вещи нельзя решать.

— А я и Не один... — устало отшутился Никита. — Назначу инженером по технике безопасности, подчиняться будет мне, значит, и спрос с меня. Противно... — вдруг передернул он плечами. — А Алимущкину скажу, что это ты меня надоумил... Если что — с обоих стружку снимет, ты готовься, Гаврила Пантелеймонович, готовься.

Конечно же, Басов не рассчитывал на снисходительность Алимущкина, но на понимание его надеялся. Оба хорошо знали, что на Севере карьеру пробивают не языком, тут надо головой работать, руками. И простить на Севере можно многое, только не трусость. И когда Алимущкин, спустя несколько дней после возвращения, пришел к Никите и, сычом глядя на чего, сказал:

— Я об Иванецком...

Басов упавшим голосом уточнил:

— Зачем не отправил на Ривьеру?..

— Да.

— Да может, он и парень ничего. Поставил его на технику безопасности — ходит, лается!

— Знаю, куда ты его поставил... Только ходит он не сам, а по твоей указке. Люди смеются: ты ему ноги переставляешь...

— Есть такой грех, натаскиваю помаленьку... А ты, Алимущкин. — («Алимущкин» — у Басова крайняя степень раздражения!) ждешь, чтобы я признался в ошибке?! Изволь, не застрахован. Но пойми, кому охота с таким кантарем возиться!

Нет, не поняли они друг друга. У Алимущкина стоял перед глазами не Иванецкий, стройный, подтянутый и даже какой-то шегольской, а до несурзости петушистый снабженец из министерства, тонконосый, в очках, с пронзительными из-под них глазами. Попал он к нему с Тихоном Светозаровичем, надо было поинтересоваться ходом поставок. Человек был сначала как человек, а открыл папку с документацией и сделался таким официальным, что и лицо стало похоже на гербовую бумагу, и золотые дужки очков потускнели, а главное — нос. Он как будто еще более утончился и вытянулся. Этот нос тыкал наугад в смету и спрашивал, зачем вам то, зачем это... И ведь в его функции это не входило, но он — «работал». Спросит и галочку ставит, спросит — а нос опять галочку... Тихон Светозарович слушал, слушал да и говорит:

— Уважаемый, вы как полагаете, откуда берется электричество?

— Из розетки!

— Ну так и оставьте нам одни розетки! Что же вы голову морочите?

Потом, уже на улице, Тихон Светозарович засмеялся:

— А я бы ему, ей-богу, нос отрезал!

— Он у них стажер, — объяснил Алимущкин.

— Так неужели его этому учат?! Да хоть и не учат, сам станет крючкотвором — у него талант!

Они заспорили. Алимущкин склонялся к тому, что надо перевоспитывать таких, влиять на них. а Тихон Светозарович спокойно:

— Влияйте сверху вниз да в шею, пока дойдет глину месить, и нечего смотреть, что у него печать на лбу. У других и в дипломах, а проку нет.

Он вдруг остановился, лукаво сощурился:

— Обратите внимание, Петр Евсеевич, в партийных документах

сказано, что необходимо создавать атмосферу нетерпимости вокруг лодырей, пьяниц, прогульщиков и им подобных... Этот гусь, у которого мы сейчас были, гонял лодыря на наших глазах! А сколько их таких,— вздохнул он, — которые неспособны и не хотят вести дело, работать не хотят, лишь отсиживаются на службе... Нетерпимость, — Малышев даже рукой взмахнул, подчеркивая категоричность своего суждения,— происходит от ясного понятия: не терпеть рядом. И не человека, заметьте,— от одного человека избавиться не сложно, — а явление, вместе с комплексом причин, вызывающих его. Партия выбирает очень точные слова, но в том беда, что в текучке мы иногда приушевеваем их резкость. Сами тупим оружие прежде, чем оно устареет. Больно мы отходчивы, мягки, а они пользуются нашей слабостью, приспособляются, выжидают.

...Что-то все же было общее между тем снабженцем и Иванецким. Но сейчас Алимешкин спросил Басова о другом:

— Ты помнишь, конечно, как пришли к нам первые караваны с баржами?

Еще бы не помнить! Первые грузы, первые двести человек пополнения... Небывалый грохот поднялся над Анивой. На буксирах и бардах орут динамики, эхо стонет в скалах, и у них, порядком одичавших за эти месяцы, раскалывается голова.

В полный голос, усиленный динамиками, с буксира спрашивают:

— Поселенцы, у вас тут какой-нибудь причал есть?!

Коростылев ладони рупором и голосом почти такой же силы в ответ:

— Иди за угол, покажу.

Из динамиков — «Эх, так твою раззтак!..» — поперхнулись, и опять музыка, и ржание двухсот глоток. Потом гораздо ласковой:

— Чалку примете?..

— Примем! — Басов Коростылеву: — Вася, а ну, прими!

Вася на лету ловит выброску, вытягивает трос, начинает наматывать его на локоть. В динамике испуганно:

— Э-э, паря, не балуй!.. — и угрожающе: — А то обратно поверну сейчас!

Нос передней баржи рыскает по течению — близко Порог; Никита торопит ребят. Они подтягивают чалки и заводят их на обломки охальника. Швартовка идет неторопливая, с переругиванием, как водится у речников. Никита тиснул за плечи Алимешкина, засмеялся:

— Сожрут нас эти головорезы...

Причала не было, не успели построить. Но при такой тьме народа

уже не проблема. Все сгрузится — и тракторы, и машины, и бурильные станки — есть куда! У десантников через топи проложена лежневка — кольцевая дорога, радиус — триста метров. Вязали ее впри-тык. ствол к стволу, да если бы один круг, а то три, плашмя, один на один... С этой дороги, как со стартовой, можно идти на скалы и в сопку, где быть городу.

Кроме лежневки, единственный домик, балок, где останутся они, первостроители, пока не сдадут бараки. Есть еще склады, баня, кух-

ня, даже административный корпус — прорабка, правда, крохотная. И это на пустынном берегу, где пару месяцев назад не было следов не то что разумной, а и неразумной деятельности человека. Чем вроде хвалиться?! Стрoения некрасивы, неказисты, как в допотопные времена, но это база, уже способная обеспечить начало работ.

И вот стояли они тогда, Басов и Алимешкин, на берегу, смотрели на все это. существующее и уже как бы и перестающее существовать, и думали совсем не так возвышенно, как следовало бы думать им, по-

корителям Севера... Басов словно прицеливался к тому, что еще предстоит сделать, а у Алимущкина почти невольно вырвалось:

— Знаешь, я радуюсь и буду радоваться громадьи наших планов. Лишне говорить, что не пожалею сил... Но я строитель, я человек, и я, может быть, азартный человек, и мне грустно. И по Москве помню, и здесь... Люблю ералаш, что окружает строительные площадки. Нравится, когда кран поднимает блоки, плиты, машины сваливают раствор, бульдозер ножом, причесывает площадку... Сверкает сварка, дымит мусор в костре, запах смолы, олифы, гудрона... Все гудит, и земля, кажется, дышит под тобой, а чем ближе сдача объекта — ходишь хмурый, понурый, как будто больной. Смотришь, как подкрашивают фасад, и некуда деть руки. Куда их сунуть.

Из техники, не считая лопат, кувалды да топоров, у них было всего два мощнейших агрегата, и те — бензопилы «Дружба». И не бог весть что сотворили, а кажется, что прокрутили несколько эпох... С вершины скалы глянуть — так это уже стройка. Кроме лежневки есть просека, которая через седловину сопок ведет в долину. Место там удобное, закрытое от ветров. По склонам тайгу и кустарник специально не трогали, — хоть рябчиков из окна бей. И Порог не слышен. Ребята опасались, что не уложатся в срок, а сделали — никто не удивился. Чему, собственно? Трудной работе?! Привыкли. Да и не могло быть такого, чтобы пришли грузы, прибыли люди, а они оказались не готовы встретить их.

Приглядываясь к новичкам, торопящимся с узлами, баулами на берег, Алимущкин спросил Никиту:

— Как думаешь, что они о нас скажут?

Басов удивленно вскинул брови:

— Скажут: наворочали, а нам разгребать!

— Циник ты, Никита. Ничего возвышенного в тебе нет.

— Нет, Алимущкин, — Никита был явно в мажоре и серьезных тем не признавал, — они скажут, что это легенда, и спросят, где тут очередь на памятники, которые мы оставим потомкам. Им же сейчас жрать подавай и баню!

— Ну ладно, если спросят, я скажу, чтобы за тобой очередь занимали.

— С этой целью, — подхватил он, — и начнем завтра рыть котлован под фундамент бетонно-растворного.

— Завтра?! Сперва надо разгрузить баржи.

— Правильно, парторг... — И он хлопнул в ладоши, подзывая новоселов. — Внимание, товарищи!

Они столпились возле, гомон утих.

— Я, — представился Басов, — начальник правого берега. Поздравляю вас с прибытием на Аниву! Торжественная часть закончена. Объявляю дальнейший распорядок: час — на обед и устройство. Прошу разбиться по палаткам, выбрать бригадиров, бригадиры со списками — ко мне. После обеда, форма одежда рабочая, все — на выгрузку барж. Оплата аккордная.

Обождав, пока они отойдут, спросил:

— Не одобряешь такое знакомство?

— Ничего, посмотрим...

— Тогда митинг остается за тобой. Но только вечером, после выгрузки... Баржи, баржи сейчас задавят нас.

...И вот теперь Алимущкин спрашивал Басова:

— А ты не помнишь, не было среди новичков, что приходили на баржах и разгружали свои караваны в ночь, в дождь, в любую погоду-непогоду, не было среди них Иванецкого?

— Нет, — твердо сказал Басов. — Я помню, как он прилетел, самолетом.

— А ты помнишь, чтобы он хоть раз сказал: «Клянусь баржой!..» — как в первый год даже мы с тобой говорили, потому что баржи эти сидели у нас вот тут! — И он постучал себя ребром ладони по шее. — Потому что, черт возьми, была же какая-то романтика в той адской работе! Помнишь, как после разгрузки, у костра, когда разливали кулеш, наш Снегирек говорил: «Клянусь баржой, но я перекрою Аниву!..» А бригада хором повторяла за ним: «Клянусь баржой!..»

— Ну, Иванецкий не из тех, которые клянутся, — заметил Басов.

— А ведь он был тогда, — вздохнул Алимуткин. — И не один, которые молчали, ухмылялись себе под нос: вроде они выше этого! Смывались постепенно, один за одним. Из тех, которые не любят на глазах, под контролем масс, — усмехнулся он. — Им бы самим руководить, контролировать... И — чтоб было за чью спину спрятаться.

— Понял тебя... Но землекопом я его не пошлю.

— Ты решай, решай... Властный человек.

«Уколот!..» — недовольно подумал Басов. А мало ли дел, в которых самому надо разбираться, решать, вершить, будто ты един, как бог, в трех лицах, — законодатель, блюститель законов и сам же, порой, и нарушитель их. Люди часто смотрят на тебя, как на истину в конечной инстанции. Тебе жалуются, на тебя — далеко идти надо... А ты требуешь, чтобы они выполняли твои приказы, и выполняют, но не заблуждайся, не ты возводишь плотину (плотина ведь не проект!), а они, их руками, нервами, волей, их трудом! Каждый волен распоряжаться собой, и ты тоже, но совесть... Пусть она, — спроси, — и она ответит тебе, что все, что есть в тебе доброго и святого не от родины ли. не от людей?! И если так все, если нелегкую ношу взвалил ты на плечи, то не в том ли и счастье, что тебе выпала эта доля.

— Иначе партком?! — спросил Никита.

— Да, и очень серьезный.

Помолчали несколько минут.

— Хорошо, — согласился Никита. — Найду место, где и ему придется засучить рукава. Рядовым инженером БРИЗа. Пусть разворачивается... Тут ему ни спать, ни зевать не дадут.

* * *

А трасса шла трудно.

Заманчивая прямая, проведенная на карте от Барахсана до устья Анивы, давно искривилась. Бородулинская колонна пробивала путь по верхам, по увалам, осторожно переползая с сопки на сопку, оставляя за собой извилистый след. Изредка машины останавливались. Бородулин на заднице съезжал из кабины в снег, бултыхался в нем и ржал, натирая и без того красную морду. Потом, стукнув сапогом по баллону, — тулуп вечно нараспашку, шапка в пол-уха — шел вдоль колонны, вытряхивая парней, как щенков, на мороз, — кого за ногу, кого за рукав, а попадалось ухо — так и за ухо, и приговаривал:

— Кончай дрыхнуть за баранкой, тетери! Я вам покажу веселую жизнь.

Прибодрился, повеселел после отъезда Иванецкого комиссар отряда. Он перебрался из теплушки в кабину к Бородулину, и тот, понимая, каково человеку без машины, уступал ему иногда руль, если дорога казалась сносной, но сам глаз не смыкал, сидел рядом с Виктором точно на иголках, подсказывал.

— Не возникай, Леша, — с робкой, виноватой улыбкой просил Снегирев и миролюбиво добавлял: — Подреми пока, я, в случае чего, разбужу.

— Держи прямей, газ сбрось! — бросал Бородулин.

Обоим становилось неловко. То, что каждый держал при себе, обнаруживалось в этом рыке, они обижались, но молчали. В принципе Бородулин, конечно, прав, думал Виктор, стараясь не показывать раздражения. На таком морозе железо ломается от плевка, теряет обычную прочность. Малейший толчок — и жди: где-нибудь хрустнет, как кость... А что говорить, если ты на ровном, как скатерть, льду, припорошенном снегом, с ходу наскочил на сушенец — пузырь, запечатанный тонкой ледяной пленкой, продавил ее скатами и сидишь в яме. Хочешь не хочешь, а надо газовать, выдираться из сушенца — рывком, качками, рискуя заклинить мотор или оборвать тягу, и она, проклятая, рвется, как надкушенная резина. Бородулин не виноват, еще бы мог и он напороться на сушенец, на такой же, как ты, а то и поглубже, да и он проваливался не раз, но выползал целый, невредимый — и сам, и машина — вот что главное. Он прав: не в тяге дело, если калган не варит, если в башке тяга разболтана... И все-таки обидно, что Бородуля перед ним заламывает шапку. Не стоит, такое преимущество в любой момент может лопнуть.

И не утешало Снегирева, что не один он остался без машины, хотя новичков на трассе не было. Силин знал, кого отбирал в отряд, только гоняли ребята до тундры по асфальту да по бетонке. Кто из деревни, как Бородулин, из армии — эти держались на бездорожье бойчей, а городские, как сам Витя, еле-еле.

Трудно сидеть сычом рядом с другом, с которым по душам не поговоришь. Но, когда тебе двадцать лет, когда ты только-только на взлете, часто кажется, что и себя, и мир с его великими и малыми проблемами ты знаешь лучше других, а если чего не знаешь, так того, может, просто не существует?! Ребята охотно откликаются на его шутку, подтягивают песню, они мечтают так же, как мечтали, бывало, первокурсники в брезентовой палатке у Порога, и кажется Виктору, что недавние неудачи сделали ребят ближе, родней, они как будто сердцем прилепились один возле другого, и так же, как все уверены в нем, так он, после Иванецкого, уверен в каждом: ни один не струсит, не оставит в беде товарища. И грезились, что, начиная с этой трассы, он, Снегирь-Снегирев, не принадлежит себе. Быть может, пройдут годы, и суждено ему стать комиссаром отряда не в двадцать, а в сотни, тысячи человек! И не сомневался ни на минуту, что ради чих пожертвует всем, даже жизнью. Жаль только, что никто не догадывается о величии его помыслов, и Петр Евсеевич Алимускин не видит, каким он держится молодцом.

Молчанка наскучила Бородулину:

— Комиссару без машины скучнее, а, Витя?! Или сподручнее?.. — усмехнулся он. Но Снегирев не улыбнулся.

Бородулин в сердцах сплюнул: мне, что ли, больше твоего надо?! Да плетись он в хвосте колонны, не следил бы, как кошка, за каждым, — лишь бы не отставали. А тут и назад, и вперед, — голова, как на шарнирах, ходит. Прохлаждаться некогда. Он на горбу рад перетаскивать свой ЗИЛ через любую колдобину, старицу, сушенец. Тем паче Снегирь понимать должен, как важно начальнику отряда не лишиться своих колес; сам же говорил, что машины сейчас, как личное оружие. И сгоряча чуть не напомнил Снегиреву его слова, но пожалел — лежачих не бьют.

— Сядешь после привала вместо Ромки, — сказал Алексей.

Бородулин берег свою удачу. Был уверен, пока сам за рулем — ничего не случится, и потому хоть и укачивало, кидало в угарной теплоте в дрему, он кулаками продирает глаза, а надо — так и спички подложил бы под веки вместо распорок, но баранку уступать не собирался.

Когда подкрепились горячим кофе, Алексей ласково потрепал Гиттаулина по шее — он заметил, что тот податлив на ласку, и, опустив ему на плечо руку, спросил:

— Хочешь, Рома, со мной прокатиться?.. А то, вижу, серчаешь на Бородулю, затер, не дают дороги!

— Ты прокатишь... — недоверчиво протянул тот и засмеялся, польщенный. Вспомнил, что Бородулин всегда отличал его перед другими, и не зря. Наивно спросил:

— А машину бросить, да?!

— Брось, Рома, конечно! — в тон ему Бородулин, — Пусть Снегирев подберет, а то почернел комиссар без работы.

— Ты думаешь, я такой, мозги набекрень, да?! — огрызнулся Гиттаулин.

— Пойдем, пойдем, не придуривайся! Потолкуем. С ветерком тебя прокачу!

Это обещание Роман воспринял равнодушно. Всю дорогу только и делаешь, что укрываешься от проклятого ветра, который с легкой руки самого Гиттаулина трассовики окрестили «нордвиком». На стоянке нордвик тянул обычно с севера, тянул, как из трубы, но в голой тундре север оказывался почему-то всегда с правого борта: как бы ни поворачивали машины, как бы ни изменялся маршрут, нордвик непременно дул в правую дверцу. Если поленился, абы как подоткнул войлоком щели, не обил им всю кабину — тепла не жди, и тулуп не спасет. Когда и ветра-то не было, каждая крохотная дырка, даже как от иголки, обрастала хрупкими ворсинками инея — мороз выдавливал из кабины тепло. У Бородулина жарко в кабине, и Роман, сняв шапку, с чувством знатока похвалил:

— У тебя хорошо, нордвика нету.

— У меня «Беломор» есть, Рома! — подмигнул Бородулин и подсунул к нему пачку папирос, валявшуюся на сиденье.

Они закурили, испытывая друг к другу признательность и симпатию, которая, раз возникнув, и вовемя угаданная, легко переходит у мужчин в дружбу. Роман, проведя расческой по черным, вороненого блеска волосам, отозвавшимся электрическим треском, улыбнулся Бородулину краешком тонких губ и, подавшись вперед, молча следил за тундрой, бледным полотном стлавшейся под колеса. Он старался понять, каким чутьем или зрением, по каким приметам угадывает Алексей путь, с лихой небрежностью ведя машину по малозаснеженным местам. Но, сколько ни пялил глаза, так и не заметил ничего примечательного. Однако же было что-то важное, что знал и понимал в этой дороге один Бородулин, иначе бы ползли они, как черепахи... От обиды, гневом ослепившей глаза, — как можно смотреть и не видеть, видеть и не понимать?! — Роман зажмурился, ругая свои плохие глаза, и просидел так несколько времени, будто решая загадку. Немного успокоившись, он почувствовал, что дорога укачивает, и тут же чуткое ухо уловило надсадный подвыв в моторе. Роман взглянул на Бородулина — тот искоса резанул его быстрым, лукаво смеющимся взглядом и слегка переложил руль. Роман опять прикрыл глаза... Ага, мотор снова начинает завывать, и — точно! — Бородуля отворачивает. Ведь так все просто: глубже снег — больше нагрузка на колесо, значит, надо брать в сторону! Поняв разгадку, Роман не выдержал:

— Ты по чем дорогу угадываешь, а?!

— По цвету, — снисходительно сказал Бородулин.

По цвету? По какому цвету?! Снег везде одинаковый, серый, как старый больничный халат, байковый и давно застиранный. Только снег еще отсвечивает на гривах синевато-фиолетистым соком — это блеск подмерзшей слюды, на которую давит и отражается в ней то серая, то дымчатая густота неба. И зачем Бородулин обманывает его, — никакого цвета на снегу нет!

— Да не-ет, — Бородулин воспринял его обиду с улыбкой, — ты приглядиись... Вот видишь, слева — там обрыв и снега больше: тени густые, почти черные, а справа — беленькая полоска — горбик. Если хочешь — свернем, только дифер откапывать ты будешь... Согласен?! — И добавил для убедительности: — Я секреты за пазухой не держу.

— Зачем откапывать, зачем дифер?! Езжай прямо, дорога есть! — татараторил Ромка и вдруг сам понял: — Ты идешь по прижиму?!

— Точно, прижим! Как догадался? — спросил Бородулин. — Неужели цвет разобрал?.. Тут острый глаз нужен, привычка, как у охотника, чтобы прицелился и — бац! — в ухо...

Прижим — есть такое понятие на дорогах Севера, когда трасса прижимается одной колеей к скалам, а с другой стороны зависает над пропастью. На таких дорогах попал на раскат или тормознул не вовремя, машина — юзом, тогда не зевай, выпрыгивай, а то загремишь с ней в последнем своем сальто-мортале. Это уж какая нужда заставляет водителя ползти на прижим! Обычно находится объезд, поэтому и среди старых шоферов не всякий слышал о прижимах. Роман Гиттаулин знал, и Бородулину это нравилось, выходит, не ошибся он в татарине. Правда, сейчас они шли скорей осередышем, чем прижимом. Их сжимали не горы, не скалы, а глубокие овраги, по вершку меж которыми вел Бородулин колонну. Забурись они в овраг — беды особой не случится, но поковыряться придется изрядно.

— Значит, по цвету угадал? — повторил свой вопрос Бородулин.

— По голосу! Я думал, ты слушаешь, как мотор ревет.

— С тобой не пропадешь!.. — засмеялся Алексей.

— С тобой тоже...

Бородулин взял чуть в сторону, и в боковое зеркальце Гиттаулину стали видны тяжелые, неповоротливые туши других машин; привычно светились, мигали на них подфарники, и Роман был рад за свою — комиссар тоже показывал на ней высший пилотаж, не отставал ни на шаг.

— Ты зачем все время влево берешь, зачем? Нам — запад нужно, а запад на правой руке.

— Тут лучше дорога, объедем, — успокоил Алексей. — Ты в Ба-рахсан надолго?

— Насовсем — это надолго или нет?!

— Ничего, срок приличный, — согласился Бородулин, забирая еще круче. — Ты шофер только?

— Я с пионеров в технике, — торжественно, как со сцены, произнес Роман. — Был авиамодельный кружок в Казани у нас — ходил, кружок юных трактористов — ходил, кружок пения — ходил, потом бросил кружок, ходил на свалку, собирал старые части для мотоцикла. Такой конь получился — с трамплина можно прыгать!.. Гиттаулин стал бы на нем первый гонщик, честное слово!

— И что?..

— Мне автоинспектор талон на него не дал.

— А мотоцикл... конфисковали?!

— Да. Чтобы, говорит, не взорвался...

— Потом армия? — спросил Бородулин, как о само собой разумеющемся.

Ромка кивнул:

— На тягаче «сигары» таскал! А ты?

— Я тоже таскал, — уклончиво ответил Бородулин.

— Мне много денег нужно, — пожаловался Роман. — Мне сказали: ты комсомол, а в Барахсане трудная работа, там длинный рубль платят... — и вздохнул: — Обманули! Рубль совсем не длинный, обыкновенный.

— Чудак! Тебе километрами, что ли, мерить?

— Не-ет, мне друг рассказывал, чуваш, длинный рубль вот такой! — он развел руками на полметра. — Ему раз дали такой...

— Да зачем тебе-то? — засмеялся Алексей.

— О-о! Это секрет. Я скажу тебе, только ты меня не продавай, а то кипеж будет, стыдно будет.

— Ну-у!..

— Дома есть у меня красивая девушка. Самая красивая. А раз самая, значит, большой калым нужен. Только одних халатов сколько.

— А денег?!

— Тоже много. Сколько дашь! Пять — пять, а можно восемь, но десять тысяч лучше. Как думаешь, я успею заработать, пока ГЭС строится?!

Бородулин свистнул.

— Бедно вы живете! Если б мы такой калым платили за своих девок, до пенсии без штанов бы ходили! А ты — ГЭС... Ты, Рома, лучше бросай свою, — сказал он убежденно. — За такие деньги гарем купить можно.

— Моя девушка самая красивая, — обиделся Роман. — И не в деньгах счастье.

— Мы тебе лучше найдем, и без калыма. Магарыч поставишь?!

— Нет, Бородуля. Моя — самая-самая...

— Лопух ты, Рома, вот что, — пожалел Бородулин. — Зачем же так деньгами сорить?! А выкрасть ее нельзя?!

— Обязательно! Сперва плати — потом кради.

— Да что у вас порядки такие несоветские! — и пообещал: — Ладно, ты пока молчок об этом. Вот трассу пройдем — что-нибудь придумаем. Это я тебе говорю, Бородулин. А Бородулин на ветер слов не бросает, запомни!

— А что ты сделаешь?!

— Есть одна идеяка... Держись за меня, не пропадешь.

Петляет дорога. Взгорки, подъемы, пологие спуски... Прямо, налево, опять поворот... Роман смотрит в зеркальце и видит, что колонна сзади остановилась. Снегирев дважды включил и выключил фары — просит Бородулина остановиться, и тот, кажется, видел сигнал, но шел, не снижая скорости.

— Стоп, он просит стоп! — заволновался Гиттаулин, уже решив, что неладное случилось с его машиной. — Надо остановиться. Бородуля, стоп же, стоп! — и сам потянулся к рычагу коробки передач.

— Нельзя, — оборвал Бородулин и шлепнул Гиттаулина по руке. — Не суйся! Видишь — хороший спуск... Дернемся, потом так застрянем, что ночь пузом пахать будешь. А мы его с ходу протараним.

За машиной Снегирева останавливались и другие. Водители видели, что Бородулин уходил, не снижая скорости, и это значило для каждого из них и для всей колонны — «делай, как я». Выходит, бросают теперь гиттаулинскую машину. Еще одну... Жаль. Половину трассы прошла, как заговоренная, — ни поломки, ни царапинки! И черты-

хались, прикидывая, с какой стороны удобнее взять на обезд, и не могли не подойти к Снегиреву, чтобы пожалковать с ним, и каждый подумал, как о себе, какими глазами посмотрит комиссар на Ромку. Но что-то не было видно ни Снегирева, ни самого Гиттаулина, и это показалось странным, потому что так машины свои не бросают... Трое парней в высоких унтах, проваливаясь в снег, обошли крытый брезентом кузов, забарабанили кулаками по дверце.

— Эй, есть ктонибудь?..

Послышались возня, бормотание; потом дверца открылась, и Снегирев неуклюже выполз из кабины.

— Комиссар, ты что?! — обступили они его.

— Что-что! — досадливо отмахнулся он, — дырки вон конопатил! Проклятый нордвик весь бок просифонил... Да еще по одному делу... — и зашел за капот.

— Тоже, нашел время... Для такого дела, раз приспичило — надо бутылку припасать... — заржали ребята и пошли, чтобы за кузовом остановиться за тем же.

Машина Гиттаулина была в полном порядке. Отчего же остановился тогда Снегирев, отчего сгнал Бородулину? Все время, пока он сидел за рулем, бородулинский след упорно уводил влево, и вот последний крутой поворот со спуском — тоже влево — поразил Виктора внезапной догадкой. Он резко затормозил. Зная, что фары его машины на повороте хорошо заметны Бородулину, помигал ими, требуя остановки, но бесполезно... Какой случай! Виктор растерянно опустил голову на баранку. Всего несколько секунд у него, чтобы проверить себя и решиться на последнюю, может быть, в этом рейсе возможность доказать всем, что он, а не Бородулин должен вести отряд... Он не знал и не хотел знать, совершил Бородулин нечаянную ошибку или умышленно отклонился в сторону, но было очевидно, что по бровке какого-то ручья они резко свернули на юг, изменив направление. Ручей петлял все реже, и, значит, устье его уже близко, — такова примета. Так и человек спрямляет свою дорогу перед целью. Снегирев прикинул: если ручей упрется в Аниву, они окажутся где-то на середине пути к складам. Он не задумался, чем хорошо это для них или плохо, он лишь почувствовал, что Бородулин снова умаляет его своим самоуправством на глазах отряда. Проучить бы его разок: дать газ, включить сцепление, переложить руль вправо и — увести колонну за собой...

Но не так это просто — переложить руль. Может, на одно мгновение дольше, чем следовало, думал Виктор об этом своем желании отстранить Бородулина по-бородулински, и были все сто шансов на успех. Только казались они Виктору нечестными, словно он не инициативу брал в свои руки — вынужденно, необходимо, а собирался и дождался-таки момента подсидеть Бородулина, и от этой мысли стыдливо вспыхнули щеки. А по кабине уже бацали кулаками, и он вылез наружу, размялся, крикнул «орлам» не в меру бодряческим голосом:

— Пospешай, поспешай, ребята! Надо догонять Бородулина.

Ему ответили хохотом. Но смеялись уже над Гиттаулиным. Тот на ходу выскочил из бородулинской машины и, запыхавшись, бежал назад. От переживаний на лице его было такое искреннее отчаяние, такое раскаяние в своей давешней доброте, — зачем доверил машину Снегирию! — что нельзя было не пошутить над перепугавшимся за машину шофером:

— Хана, Ромка! — крикнули мужики. — Оттаскивай свой кадиллак...

Ромка ударил оземь шапкой.

— Т-так и знал!

Снегирев спокойно спросил:

— Антифризом, что ли, заправился, нордвик тебя не берет?

— Цела?!—по голосу догадался тот и обхватил руками капот, погладил нежно урчащее железо. — Умница... хорошенькая моя.

— Садись, Роман, все в порядке!.. — вздохнул Виктор, сам пошел по пробитой колее.

— Куда ты?! — остановил его Гиттаулин. — Бородуля без остановки шпарит, теперь пока бензин в баках не кончится... Вместе догонять будем!..

На бородулинском спуске Роман прибавил скорость. Машина шла чутко, мотор пел, обороты набирал без рывков, и Роману казалось, что ЗИЛ узнал своего хозяина. Хорошо!.. Он совсем успокоился, замурлыкал от радости что-то свое, татарское. Теперь он, как и Бородулин, различал цвет снега: слева от колеи тень густая, справа бледней, — по границе между ними надо держать руль. И оттого что он знал этот маленький дорожный секрет, радость распирала ему грудь, он не мог не поделиться ею хотя бы со Снегиревым, однако, опасаясь попасть впросак — ведь Бородулин мог уже все рассказать Виктору,— Роман с осторожностью поинтересовался:

— Ты знаешь, почему Бородуля туда завернул?

— Догадываюсь, — хмуро ответил Виктор.

— Не-ет, — торжествовал Гиттаулин, — комиссар знать должен! Ты понимай маневр командира... Он снег под собой видит, понял?!

Роман включил дальний свет. Желтоватые лучи-щупальца набегали на снег, изуродованный глубокими протекторами и цепями бородулинской машины. Точно приюхиваясь к этому следу, лучи торопливо прыгали по заусенцам колеи, а Роман, привстав и почти лежа на баранке грудью, чтобы не выбивало ее из рук, когда на поворотах задевал он скатами бровку, рвал, не жалея, мотор, и скоро приблизился к ним, замерцал впереди прыгающей тенью задний борт бородулинского ЗИЛа. Какое-то время обе машины шли словно в одной упряжке. Снегирев опять посигналил фарами. Бородулин прибавил скорость. Его машина, будто мотор у нее оказался двужильным, буксуя, визжа, содрогаясь тяжелым корпусом от рывков, стала уползать вперед. «Осатанелый человек, — подумал Виктор, — гонка только забавляет его». Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, не слушая Гиттаулина. Что же делать?!

— Останавливай, Рома!.. — вдруг решил он. — Увидит — сам остановится.

И впрямь через сотню метров Бородулин притормозил. С крутого высокого берега перед ним открылась заснеженная Анива. Противоположный берег, мягкий, холмистый, полого уходил вдаль, а вблизи, под обрывом, ровный лед дразнил как будто бесхлопотной и приятной дальше дорогой. Бородулин вылез на крыло: справа и слева берег топорщился обрывистыми складками. После монотонного однообразия тундры горы, изрезанные острыми выступами, казались неожиданными здесь, будто кто наотмашь поработал тут гигантским топором, рассекая камень. И, когда подтянулась вся колонна, выстроилась в кильватер за машиной своего командира. Бородулин, оглянувшись назад, понял, что ЗИЛы попали в ловушку. Впереди — обрыв, с боков — глубокие и слишком крутые овраги, чтобы не перевернуться, вздумай они спускаться на лед, назад — по лезвию ножа — тоже дороги нет.

И все, кто подходил к берегу, тоже видели это и удивлялись, как смогли они так забуриться?

Прокричав что-то неразборчивое с высоты, Бородулин сиганул в снег, зареготал, кого-то из подошедших толкнул в бок, свалил подножкой, затеял кучу-малу, чтобы побарахтались мужики по привычке, разогнали застоявшуюся кровь, а сам уже вылез, выбрался в сторонку и сразу к гиттаулинской машине, в которой сидел понурый, сумрачный Снегирев. Алексей постучал по стеклу:

— Гей, комиссар, теща блины приготовила!

Тот нехотя открыл дверцу, повернулся вполоборота к Алексею, спросил:

— Что, Бородулин, Анива?..

— Она.

— Скоро ты до нее добрался.

Бородулин уловил угрозу в его голосе. Не понравилось.

— Не лезь в бутылку, паря! — сказал резко. — Я зайчатину не уважаю.

— Быстро решаешь... За всех! Торопишься. — Снегирев стал вылезать из кабины.

— А ты как думал? — вспылil Бородулин, но убавил голос. — Это по твоей части, комиссар: один за всех... Я упирался не ради себя, можно бы и догадаться. Теперь ты должен. Двигай другую часть лозунга — чтоб все за одного! Самое страшное — разброд. Вот опомнятся — начнется нытье. Я-то их обратаю, но мне сейчас не с руки.

— Ты же храбрей всех...

— Не набивай цену, комиссар! — Бородулин развернул плечи, загородил путь. Выразительно поиграл кулаком по ладони и вполголоса уже добавил, потому что к ним подходили: — Я видел бешеных людей, а тут дикое место, каждый себе хозяин. Запомни... А славой потом поделимся. Чтоб все вот так было! — И сжал пятерню.

Снегирев нахмурился, промолчал.

Вслушиваясь в голоса подходивших, вглядываясь в их лица, он не заметил пока особой тревоги. Мужики устали — верно, но смеются над Гиттаулиным, а тот рассказывает о гонке за Бородулей. Но... и слушают Романа, и смеются рассеянно. Что-то часто поглядывают на Аниву.

Виктор сам подошел к берегу. Ноги пристыли к скале. Повертел шеей, словно поеживаясь на ветру, но нигде не увидел хоть маломальски пригодного спуска на лед. Волосы поднялись под шапкой,— обрыв! Повезло, называется, как везет только в левых рейсах... Что же выходит: назад теперь?! А как?!

— Красота, комиссар?! — за спиной у него встал Бородулин.

— Эскалатор...

— Точно! Местечко ничего, особенно для любителей острых ощущений.

Сбился возле них в кучу народ, разом заговорило несколько человек. Того гляди: бока намнут. Но пока упрекают: за прямую линию на карте, за то, что расстояние сокращали, по верхам перли — по "бородулинским», и за скалы, и за то, что от колонны удрал, в общем — за все сразу, заодно и за пучо: ишь, стоит, трясет им, как будто ничего не случилось. Для ревизии самый подходящий момент: только ребра считать!..

У кого нервы послабее, тот бы уже озираться начал. А Бородулин стоит, полами тулупа похлопывает, посмеивается. Но вот надоело, чуть пригасил улыбку, огрызнулся:

— А вы думали, белый медведь дорожку нам укатает, да?!

— А то ты!..

— Я...

И они опять загалдели, мат посыпался уже с переборчиком, Бородулин освободил руки из карманов, но Снегирев опередил его:

— Кончай баланду травить! На морозе... — прикрикнул он. — Все собрались? Айда в теплушку!

Вытащив из тулупа ракетницу, подул в стол,— (все-таки оружие, чтоб все видели!) — вложил патрон с зеленой головкой, выстрелил. Зеленая ракета — сигнал общего сбора.

Молча шли они, комиссар и командир, позади отряда. Все эти дни пути, и особенно те, когда Бородулин повел колонну, давали им немало возможностей сойтись, чтобы лучше узнать и понять друг друга. Бородулин командовал, а больше, пожалуй, тянул за собой колонну, как ломовая лошадь, зная: где прошел сам — пройдут и другие, не отстанут и не пожалуются на усталость. Так бы они и до устья дошли, если бы не эта проклятая петля... Подзатынул ее Бородулин, а виноват он, товарищ комиссар Снегирев.

— Выкрутишься?! — рывком спросил Виктор Бородулина.

— Как пить дать, — усмехнулся тот.

Сerpантинная колея дороги, по которой пробились сюда, была слишком узка, чтобы развернуть колонну. Ближе к Аниве вершок стал острее, уже, крутые овраги сжали его, и теперь, глядя в их снежную глубину, оставалось удивиться везучести, а и уверенности Бородулина, с какой он пропахал по самому острию складки. Черт с ним, пусть бы они потеряли сутки, только бы вывернуть назад!.. Но как?! А Бородулин еще и издевается: все о'кэй! Грубость, мат-перемат, даже кулак — что угодно мог ожидать Виктор от Бородулина, ничему, пожалуй, не удивился бы, да и шоферня — народ пуганый, не сдрейфят, но такого удивительного равнодушия, почти презрения к ним, к себе, Снегирев не ожидал. «Вот гад, — чуть не выругался он, — как я его сразу не раскусил!..»

Они собрались в третьей, по счету от головы, машине, где в клетушке, обитой двойным войлоком и фанерой, почти круглые сутки дымила буржуйка. Посередине кузова скобами приколочен стол. На боковой стенке, под лампочкой-двенадцативольтовой висела Комиссарова радость и гордость — путевая стенгазета с шаржем на лучшего водителя трассы, — физиономия была весьма похожа на гиттаулинскую. Здесь пахло по-домашнему щами и кашей, и никогда не выключалась на столе батарейная «Спидола», а если и выключалась, то ее сменяла тонкострунная балалайка рыжего, как огонь, повара Толи Червоненко, — и все это было нужно и уместно тут, где коротали недолгое время отдыха усталые трассовики.

И вот друг перед другом налицо — восемнадцать человек, рослых, здоровых, измученных дорогой и надеждой, и впервые сердитых, обиженных на Бородулина.

— У тебя кипятик кончился? — недовольно спросил Бородулин примолкнувшего Червоненку. — Живо...

Червоненко с его вечной склонностью к шуткам, прибауткам, хохмочкам, за что, собственно, и попал в отряд как человек не шоферской специальности, прищелкнул языком, словно каблуками, повернулся направо, крутнулся налево, чем-то звякнул, чем-то брякнул — и все это в мгновение ока, и вот уже и кружки, и полуведерный белый чайник, и большая эмалированная миска с горкой пиленого сахара явились сами собой на столе. Толя стряхнул вафельным полотенцем воображаемую пыль, перевесил полотенце через согнутую в локте руку, как салфетку, и выгнулся в почтительном ожидании — заправский офи-

— Чай готов, извольте кушать! — доложил он смиренным, носа-

женным табаком голосом, но тут же осклабился в белозубой, во весь рот улыбке. Подскочил к Бородулину, помогая ему стянуть за рукав тяжелый полушубок, сам приговаривал: — Снял я с барина пальто...

— Какой он барин, — раздался чей-то раздраженный голос от печки — Он теперь Иван Сусанин.

Бородулин воткнул в жестянку из-под консервов папиросу, пододвинул к себе с кипятком кружку, бросил туда несколько кусков сахара, задребезжал ложечкой.

Его усталое, будто задреманное лицо, припухшие, неподвижные веки, тяжело ссутуленные покатые плечи и вся его поза человека, крайне изнуренного, замерзшего, безвольно дотрагивающегося мальцами до горячей кружки, — все выражало равнодушие и скуку смертную. Он, казалось, отсутствовал здесь, но Снегирев знал. Бородулин не такой человек, чтобы внезапно размагнититься. Другое дело, что так вот и кошка прижимривает глаз, делая вид, будто не замечает высушившегося из норы мышонка, — караулит момент. Бородулин давал людям время расслабиться, выговориться, вылить злость, и уж, наверное, был у него план, иначе бы не слушал он с безмятежностью, как гудят, подзуживают друг друга мужики, перебивают ему да и комиссару косточки.

Опорожнив одну кружку, Бородулин кивнул, чтобы Червоненко налил еще, — тот исполнил, а сам кротко посмотрел на говорунов.

— И вы пейте, пейте!.. Чайком полезно побаловаться. — сказал это с намеком в голосе и опять замолчал.

Снегирев уловил за этой безобидной фразой нечто большее. Ему, комиссару, нечего было сказать ребятам, нечего предложить им, а Бородулин смутно, расплывчато, но уже обещал что-то. И Виктор вспылил:

— Слышал, как народ высказался? Сусаниным назвали!..

— Остряки, — равнодушно согласился Бородулин и вздохнул: — Не по Сеньке шапка.

— А чего ж ты тогда собрал нас, чего маринуешь?! — спросил визгливый, вечно взвинченный Остряков, замыкающий колонну.

Бородулин чуть повел бровью в его сторону:

— Надо же вам силы собрать! Впереди час трудный...

— Час?! — Снегирев готов задохнуться от такой наглости. — Час!.. Да нам суток не хватит, чтобы вывернуться.

Бородулин отставил кружку, поковырял спичкой в зубах, закурил. Все наконец замолчали, никто не решался лезть на него первым, задираться.

— Ну-у?! — Бородулин полуобернулся, чтобы взглянуть: никто там не затевает ничего? — Раз не скулят, значит, ждут команды...

— Народ безмолствует! — с актерским превосходством заметил Червоненко.

Бородулин секанул по нему взглядом, и тот сразу шмыгнул куда-то, растаял, растворился, хотя и деваться было вроде некуда.

— Кто, — властно спросил Бородулин. — рыбаки? Есть такие?!

— Да, есть, — робко отозвались двое или трое, — а что?

— На Енисей, ходили?! Ходили... Ну-ка вспомните, какой у Анивы правый берег?.. Кручи, террасы, обрывы... Так?! Кто с ночевкой ходил — почему останавливались на левом, на песочке-бережочке?..

Это правда, крут и обрывист правый берег. Не одни рыбаки помнили, — стоило только напомнить! В Барахсан пополнение прибывало в основном летом, и от устья до Порога поднимались на баржах, так что на берега насмотрелись. И рыбаки любили эти знакомые, облюбованные глазом места. Обычно они собирались обозами по три-че-

тыре лодки, спускались по Аниве ниже Сигового ручья, а когда выпадало подряд несколько выходных дней — ходили и на устье, до Енисея. Тут теплоходы гудели до самого ледостава, чаще встречались по берегам люди. От таких встреч — с долгими разговорами у костра, с наваристой рыбацкой ухой, с глотком чистого спирта — пропадало ощущение одиночества и оторванности Барахсана от большого мира. Хватало всем и рыбы, и места, хотя десятки костров горели по ночам на левобережье Анивы. Кипела в котелках и ведрах уха, орали бессонные транзисторы, и тоненько, отрывисто раззванивали колокольчики на донках. Левый берег приветлив. Тут к любому мысочку причалишь, встречались и пологие отмели, кое-где с песочком, а главное, что левый покрыт непроглядными чащами тальника, который шел на костры. Правый берег буйно зарастал в лето травами и красновато-зеленым мхом. Со стороны красиво, а подойдешь на лодке — пристать негде: камень на камне; и ловить там можно было только с борта. В омутах под скалами стояли жирные таймени, попадались среди них и такие, что срывали лодку вместе с якорем, и приходилось обрубать снасть, чтобы не перевернуться, если таймень затаскивал в улова — глубокие крутящиеся воронки.

Приятно вспомнить зимой о рыбалке, но к чему сейчас это?!

— А к тому, — объясняет Бородулин, — чтоб вы не гудели. Правый берег весь такой — начиная от Сигового. Если бы мы обождали дома недельки две, могли и сразу спуститься на лед по Сиговому, а потом газовать до устья. Но тундра промерзает раньше, вот и надеялись выиграть время, да еще по прямой, будь она не ладна! Меряли километрами, а тундра не бумага, мерять надо временем. По прямой до устья сотня с гаком — дней пять или шесть пути, а тут — за два дня все прочешем. Вот потому я и повернул на Аниву... И. думаю, правильно!

— Нет! — после паузы, ответил за всех Снегирев, — От Порога до Сигового Анива никогда не замерзает из-за бурунов. И по Сиговому ты не спустишься, не поднимешься. Профиль не тот.

— Вы бы сперва между собой сговорились, уважаемые хорошие! — съязвил Остриков. — А после бы народ баламутили.

— Заткнись, — лениво осадил его Бородулин, объяснил Снегиреву: — Сиговый под Барахсаном промерзает, слабовато, правда... Если подсказать Басову, они там утрамбуют русло снегом или наморозят лед. Вот тебе и въезд и выезд на трассу.

— Ты уверен, что тут нас Анива выдержит?

— Тут-то, да при таких морозах?! — хмыкнул Бородулин.

— Я лед не пробовал... — нахмурился Виктор.

— Дак иди проруби. Дайте ему пешню!

Снегирев покраснел.

— Я прорублю, — примирительно сказал он, — а вот как ты спустишься?

— Просто!

— Шею не сломишь?!

— Не сломлю, и вам никому не позволю, — и Бородулин, теперь в самом деле злой, встал, расправил плечи, потянулся, — Ну, братва, пошли прыгать! Назад все равно ходу нет.

Толя Червоненко подскочил к нему с нагретым возле печи полубком, поинтересовался:

— Высота метров шесть... Командир, парашюты будут?!

— А как же, вот они! — Бородулин треснул его по заднице. И уже серьезно: — Дело добровольное. Все машины могу спустить сам. Никого не заставляю.

И вышел из теплушки. Никто не шевельнулся.

— Пошли, что ли, глянем?! — проканючил Остряков.

— Айда, ребята! — подхватил Гиттаулин и к Червоненке: — А ты на чем прыгать будешь?!

— На парашюте, как сказал командир, — нашелся тот.

И все же Снегирев вышел за Бородулиным первым.

— Прыгать надо всем или никому, — придержал он распахнутую дверь. — Одному нельзя.

А мы уже прыгаем! — хохотнул Гиттаулин, вываливаясь из теплушки.

Бородулин промерил расстояние до обрыва и, включив мотор, медленно накатывал колею для разбега. «Орлы» его стояли над обрывом, заглядывали вниз, прикидывая, сколько раз перевернется ЗИЛ командира и что делать, если прыжок не удастся. А если удастся?! Это ж и самим надо! Дав им наглядеться как следует, а может, ему опротивело их безделье, Бородулин высунулся из кабины, заорал:

— Вы, что, зенками приперлись хлопать или работать? А ну марш по машинам! Сдать колонну на двести метров! Мне же с вами разгону нет, черти... — И ругался он так, как будто каждый день ему приходилось прыгать с таких обрывов.

Но вот уже укатано, утрамбовано метров семьдесят, а то и все сто. Алексей попробовал с места рывком, взять вторую скорость — тянет. В последний раз остановился на дальнем рубеже, закурил.

Подошел Снегирев:

— Слушай, Бородулин, может, не будем рисковать. Спустим тебя на тросах, расчалим как следует и...

— Машина не коза, ее на веревке не спустишь!

Помолчали.

— Ты, комиссар, не переживай зря. Если гробануть, все подтвердят — сам я... Да не будет ничего, не бойся! Я на своем веку с мостов попрыгал.

— Ты обожди, — попросил Виктор, — мы на всякий случай спустимся вниз с лопатами, только канат прихватим.

— Валяйте! Да сбоку спускайтесь, дорожку мне не портите. — И вздохнул.

Снегирев и с ним еще четверо водителей, обмотавшись веревками, спустились по обрывистой кромке в русло ручья. Утопая по грудь в снегу, выгребли на Аниву. Потопали валенками по льду, постучали лопатами — железобетон, не лед.

Бородулин поманил Гиттаулина:

— Ну, Роман, ты второй или?..

— Второй, Бородуля, а хочешь — первый!

— Тогда разгон побольше бери. И не бойся, ты же на мотоцикле прыгал!

Захлопнув рывком дверцу, Бородулин дал газу. Мотор надсадно взвыл, но почти сразу же, набрав обороты, заработал спокойно. Машина, будто чувствуя, что ей предстоит короткий, может быть, последний пробег, выкладывалась, как и человек, полностью — все в ее железном чреве напряглось в чрезвычайном усилии, и она рванулась к обрыву, увеличивая скорость, пружиня и слегка задирая нос, и вот уже передние колеса, лишённые привычной опоры, со свистом вспоролли замороженный воздух. Еще какое-то мгновение она шла по инерции прямо, и, когда ей уже ничего не оставалось, кроме как рухнуть капотом вниз, — в этот момент Бородулин до упора надавил на педаль газа. Задние колеса как будто подтолкнули ее, и со стороны видно было, как машина дернулась в воздухе, чуть подалась назад и, подми-

ная снег, взвихривая его в тучу, стала зарываться в сугроб, а колеса еще крутились, ревели, сверкали накатанными до блеска цепями, выбрасывая из-под себя снежные перья, — будто это шнековый снегоочиститель работал там на полную мощность, — и все это длилось доли мгновения, пока, наконец ударившись обо что-то твердое, о камень или о лед, подпрыгнули передние скаты и с ними вся кабина, и кузов трянуло, как лодку на боковой волне. Тут многим подумалось, не одному Снегиреву, что Бородулин перевернется, но уже и задний мост пахал снег, и опора была теперь под всеми колесами, и никто уже не обращал внимания на бородулинские зигзаги, и толпа в дюжину луженых мужицких глоток визжала наверху от восторга.

Оглушенный полетом, его скоротечностью, мелькнувшей и куда-то пропавшей мыслью — "Неужели это и есть риск?!" — Бородулин не слышал криков, он даже не видел белого света. Снежная муть окутала стекла. Но, уже чувствуя под собой твердь, он выключил зажигание, потянулся открыть дверцу — та не поддалась. Что такое, неужели загудел?!

И, когда осел, рассеялся снежный вихрь, и стало тихо кругом, и с тревогой все подумали, что с Бородулиным? — над рекой раздался металлический скрежет, словно по живому рванули железо. Дверца бородулинской кабины, сорванная с петель, отвалилась, и он с проклятиями вылез в проем, вытирая щеку, — ссадина, что ли?! Плюнул сквозь зубы, злобно саданул по дверце ногой.

— Вот собака — заклинило!

Но, увидев, оценив сразу наметанным глазом, что дверца — пустяк. остальное ведь все в порядке, он приложил ладонь к губам, крикнул наверх, в гору:

— Э-гей, вы там!.. Упирайтесь покрепче ногами, лопатками... А то высадит, как пробку из бочки!

Сам тут же опять в кабину, и заскрипела, заскрежетала его верная колымага с оторванной дверцей — скорее дать дорогу другим.

...Минут через пять, соблюдая привычный для колонны порядок, внизу уже был Гиттаулин. Везучий шофер отделался, как всегда, легче всех — ни царапинки! Бородулин тиснул его, как медведь зайца, махнул рукой остальным:

— Давайте, черти, чего рот разинули!

За Гиттаулиным — вторая, третья, пятая... Когда шлепнулась, как лепешка на стол, одиннадцатая машина, из-под колес уже сыпались искры. Пуховую подстилку давно разбили. Хорошо бы теперь новую холею, да ведь осталась одна машина. Замешкался там Остряков, может быть, догадался, примеривается, где новую развилку себе накачать?!

— Ты, что?! — насмешливо крикнул Гиттаулин, будто на крючок поймал Острякова, когда тот высунулся над обрывом и тут же было нырнул обратно. — Чего дергаешься, как поплавок! Газуй, щепки соберем после.

Засмеялась, теперь весело, беззаботно бравая шоферня. Каждый норовит грудь колесом выгнуть, — Бородулин беззлобно прищипнул на них. Позвал сам:

— Остряко-ов?!

Тот помешкал, но на край скалы вышел. Развел руками:

— Мотор барахлит что-то, не пойму...

— Ты вот что: боишься — так и скажи, — строго велел Бородулин. — Это не шутка. У тебя зрение, кажись, слабовато?

— Да не боюсь я, а не могу. Дрожит все, — признался он. — Я так машину не удержу.

— Ладно, покури пока там, — вздохнул Бородулин. Надо было самому взбираться на скалу.

— Давай я пойду, — вызвался Снегирев.

— И я, командыр? Я готов!.. — встал перед ним Гиттаулин.

Алексей не любил пытаться одну удачу дважды. Дурость, конечно, предрассудок, ведь так же, как и он прыгнули остальные. А теперь и вовсе, когда дело сделано, оно кажется пустяком. И если бы не лезть еще в эту проклятую гору!.. Так что, может, их послать?! Снегиря?! Уж комиссар на радостях постарается! На радостях он горяч... А Ромка вот молодец — железные нервы! Как сказал — «За тобой, командыр!» — так и сделал. Прыгнул, еще и пыль не осела. И с благодарностью к Гиттаулину, подумал о себе: «Первым-то хорошо, когда за тобой другие. Выходит, мало пройти, надо еще так хвостом вильнуть, чтобы за тобой побежали... Собачья же это должность — распоряжаться людьми. — решил он. — Если на этот раз пронесет — не возьмусь больше. Ни кнутом, ни пряником не заманишь. Привезу экскаватор, Ромку с собой заберу — подменным, и баста!»

И глаза Бородулина уже приказали Гиттаулину: иди! — оставалось только повторить это вслух, и он уже поднял руку, чтобы махнуть ею — «Дуй, Ромка, да с ветерком!» — Но Снегирев, предугадавший решение в этом резком рывке руки к плечу, перехватил Бородулина за локоть. Он схватил его цепко, вызываясь посмотреть в глаза, словно знал все, о чем думал сейчас Бородулин, и, сцепившись со Снегиревым взглядом, Бородулин понял, что когда трусит в отряде хоть один человек, он не может, не имеет права отказать комиссару встать на его место. Рука Бородулина вяло опустилась.

— Э-э-а! — безвольно вырвалось у него. — Кидайте жребий, сами решайте!

Достал из кармана гривенник, опустил Снегиреву в ладонь. Тот подбросил монету с пальца, поймал на лету в кулак.

— Моя рэшка, твой орел! — торопливо выкрикнул Гиттаулин, наклоняясь к самой ладони Виктора. Сверху, через плечо, заглядывал Бородулин. Думал, что должен выпасть орел. Сам не играл на рэшку.

— Рэшка!..

Молча проводили они Гиттаулина взглядом. Роман взбирался на скалу, цепляясь за канат, кинутый Остряковым.

— Да-а, два орла не бывает, — пожалел Бородулин.

— Что ж, — Снегирев задумчиво повертел и спрятал монету в карман, — это последний жребий, который я проиграл.

И столько грусти послышалось в его голосе, что Бородулин, со смешком протянувший было руку за своим гривенником, раздумал и полез за папиросами.

— У тебя не жребий, — сказал он равнодушно. — У тебя судьба, ее не объедешь... Не попрешь на нее, — как будто угадал он давешние мысли Снегирева, и Виктор зарделся.

— Ты бы мог дать мне это право, — ответил он с укором. — Для меня это, может быть, подвиг.

— Эх, Снегиречек. Витя-а-а... — перекосясь, как от зубной боли Бородулин. — У нас с тобой самая дрянная работа, а ты... Смотри, не скажи ребятам, а то они тебе такую эпопею устроят! Подвиги после будут, когда в Барахсан вернемся. Вот тогда качай, расписывай, вербуй себе добровольцев, а сейчас нам еще на устье так придется повкалывать. что и без красивых слов тошно будет.

— Тебе легко говорить...

— А у тебя, что, на языке гиря?! — усмехнулся Бородулин

— Ты не издевайся, — улыбнулся Снегирев. — Я понимаю, дело

не в словах, но все-таки первым пошел на риск ты! И не ради спортивного интереса — скажем так. Тогда — чего ради?!

Опершись широкой спиной о борт машины, Бородулин запахнул тулуп. Подумал, повертел в пальцах окуроч, зло откинул его с ногтя.

— Иди-ка ты, комиссар, со своей культурой в массы... Я хочу жить просто, по-обыкновенному.

— Как «просто»?!

— Чтоб не приглядывались ко мне да не принохивались. Я чернорабочий. по договору работаю, по найму. Вот ваши условия, вот — мои. Сделали, рассчитались — баста! В остальном я сам себе хозяин. Я. брат, это давно понял.

— Шикарно устроился.

— Не за твоей спиной. И не шей мне ничего, комиссар! Я знаю, где мое, где чужое.

— А совесть?! Или ее ты в расчет не принимаешь?..

— Совесть?! — Бородулин как-то поскущел, весь запахнулся в тулуп, — Совесть, Витя, — это особый детонатор в каждом человеке. Ты, не зная секрета, не суйся — ни с разговором, ни с голыми руками — голову оторвет! — И вдруг добавил ненужное уже, лишнее, но обидное, только чтобы досадить Виктору: — Ты, небось, завидуешь, что зимник у меня в кармане. А с Иванецким вы бы знаешь, где еще телепались!

— Вот-вот, — засмеялся Виктор, сам удивляясь тому, что бородулинские слова не задели его всерьез. — Только что в жожаки вырвался, а уже сорваться боишься. Не созрел еще, значит. А горки есть круче этой... — Он кивнул на сопку, к обрыву которой подбирался, урчал где-то там наверху, набирая скорость, гиттаулинский ЗИЛ.

Бородулин, будто он сделал свое дело и последние слова Виктора к нему не относились, или потому, что гул ЗИЛа напомнил ему пережитое самим, но еще не выплеснувшись из груди радость победы, — он, как бы опьяненный ею, простил Виктору его запальчивость, распахнул полушубок и, смеясь, накрыл Снегирева полкой. От неожиданности тот не успел выскользнуть из его лап. А когда наконец выпустил, сказал примирительно:

— Наша где ни пропадала! Рванул — лишь бы лошадь вынесла... — И он погладил ладонью холодное, сизовато-синее крыло ЗИЛа.

В это время вынырнул над скалой передок машины, и почти в тот самый момент, когда передние колеса должны были оторваться от скальника — самую малость оставалось им до отрыва, — Роман чуть переложил руль, ЗИЛ резко вильнул и боком, едва не завалившись, пропорол снег рядом с накатанной колеей. Сильно трянуло кузов, там громынуло и чудом не выкинуло в снег небрежно принятовленные бочки из-под горячего. Залепленную снегом кабину, подножки пришлось откапывать, но Ромка вылез довольный, потирая набитую скулу, и черные, как пиявки, брови извивались на его лице, передавая боль и восторг, может быть, больший от второго прыжка, чем от первого.

— Почему поздно руль вывернул?

— Нарочно, а что?! Смотри, как красиво расписался...

— Я те покажу: расписываться, — погрозил Бородулин. — Расписываться в загсе будешь... — И поднес к его трепещущим ноздрям свой кулачище. Роман дурашливо оскалился.

— Молодец, молодец, — заступился Снегирев. — Рассчитал точно, прыгнул удачно. Можем следовать дальше!

«Спасибо, признал наконец», — усмехнулся про себя Бородулин, Но ему понравилось, что комиссар на этот раз не промолчал, — один

ругать должен, другой нахваливать, чтобы стимул у людей был. Машин ему было не жаль. Железные, разбилась бы какая — туда и дорога, их новых-то девать некуда. Для того штампуют.

Чувствуя, как пар от дыхания морозными иглами стягивает кожу, Бородулин ладонью огреб иней, покрывший белыми травинками губы, и прислушался. В тишине раздавались непонятные шорохи. Морозный воздух, будто застекленевший над тундрой до подзвездной тишины, был плотным и тугим, — казалось, что его можно зажать в горсти или раздвинуть руками, как стекловату. Там, где слетали с обрыва машины, образовалась воздушная пустота, яма, и в нее теперь с песочным шорохом проседали смерзшиеся столбы воздуха. Чудилось, что кто-то огромный тяжело вздыхает над горсткой людей, собравшихся возле бородулинской машины. И сразу неуютно сделалось возле скал, ощерившихся черными клыками, с которых опадая снег. А тут еще вдруг резкий и протяжный звук, похожий на винтовочный выстрел, рванулся меж берегов, эхо со звоном качнуло его к скалам и отбросило, как волну, вдаль, к противоположному берегу. Люди удивленно запрокинули головы, глядя на скалы, на хмурую глушь серого неба, ища разгадку, — может быть, это сорвался камень или реактивный взял звуковой барьер, но все было недвижимо и тихо, и тогда они догадались, что это треснул, не выдержав сотрясения, лед.

Минута или две прошли в ожидании — тишина оставалась по-прежнему спокойной, но тревога не проходила, пока наконец успокоился сам воздух, и стало слышно, как приглушенно урчат на малых оборотах моторы машин. От этого знакомого, привычного шума будто повеяло теплом.

Остряков, теперь смелый, намотав на локоть веревку, улюлюкая, съехал с горы. Окунулся с макушкой в снег, но выбрался и, добежав до Бородулина и товарищей, неестественно громко воскликнул:

— Братцы, это же лед рушится... Во как рвануло!

— Салют в твою честь, — бросил лениво Бородулин и отвернулся, добавив: — Заткни фонтан, а то на материк вернешься — слова в запасе не останется.

— Небось останется, — обиделся Остряков, но благоразумно умолк.

По той полупрезрительной интонации, с какой разговаривал Бородулин, все поняли, что командир берет незадачливого прыгуна под свою опеку. И никто не подумал, что в положении Острякова мог оказаться каждый из них, даже сейчас. Возбужденный этой мыслью, а может, чувством ответственности за судьбу доверившихся ему людей, чувством, которого он не знал раньше, Алексей Бородулин поспешил успокоить и Острякова, и остальных:

— Чепуха! Анива слегка детонирует от прыжков... По-настоящему лед если рвется, то на базах, раз за разом, а вода бы фонтаном хлынула. На этом льду, — он притопнул для убедительности каленым, как сапог, валенком, — мы, считай, на трассе Москва — Симферополь!

— Перекур бы устроить, — попросил кто-то.

— С дремотой... — поддержало несколько человек.

— Давай-ка по машинам, орлы! Сперва растянем колонну — дистанция от головного двадцать — двадцать пять метров, потом, — махнул рукой, — сбор в кают-компанию.

И поискал глазами:

— Червоненко?!

Съездившийся от холода под чьим-то тулупом, в который укутался с головой, потому что впопыхах выскочил из машины всего на минуту и без шапки, Червоненко закрывал теперь уши красными, как у

гуся, руками. Услышав бородулинский зов, проявил высшую, на какую только способен, сообразительность. Не спрашивая, что нужно Бородуле, лихо козырнул ему:

— Будет исполнено, командир!

— По сто пятьдесят, не больше, — крикнул ему вдогонку Алексей. — Так, комиссар?

Снегирев, равнодушный к этому делу, молча согласился.

* * *

Опавшие темные круги под глазами на молодом лице выдавали усталость Снегирева. После прыжка на лед, казавшегося невозможным, а теперь открывшим прямую дорогу к устью, он чувствовал непонятную опустошенность в себе, хотя понимал радость ребят. Самое страшное позади. Они великодушны сейчас, никто даже не задирает Острикова. Что ж. этот день они еще не раз вспомнят, и трассу, и Бородулина с его трамплином, — из были когда-нибудь это станет легендой. С тех пор как машина его осталась замерзать в тундре, Виктор стыдился их упреков. Другие преодолевали торосы, прижимы, сушенцы, — ему больше приходилось работать штыковой лопатой, и он остервенело пробивал ею смерзшийся снег, и проклетия и ругань его были так же не умелы, как искренности.

— Трудовой подвиг, — смеялись ребята, показывая на его окровавленные ладони.

А ему, раз и навсегда, кажется, поделившему мир на два лагеря. на два цвета, не приходило в голову, что чувство облегчения, отрады. смешанное и с горечью, какое испытывали его товарищи, празднуя "приземление" на Аниву, может быть радостнее достижения конечной цели. Их зимник — только начало большой работы, и не просто будет вывезти с устья все грузы — до последнего ящика, до последней гайки, болта, заклепки! Ему хотелось сейчас наперед предусмотреть все неприятности, а вместо этого, лезло в голову, как после отъезда Иванецкого он подошел к Бородулину с развернутой картой, спросил:

— Ну, командир, какой дорогой пойдем?

И командир, не удостоив вниманием ни карту, ни рассуждения, приготовленные Виктором, спокойно ответил:

— Поворотов много, а дорог — одна...

Теперь эта фраза не казалась ему случайной; он находил в ней смысл, не понятый им раньше. Ведь не только на трассе, но так и в жизни: поворотов много, а дорог — одна! И кто-то идет впереди, кому-то ты мешаешь, кто-то тебе... Где взять уверенность, что ты не заступил путь другому?! И каким же должен быть тогда человек, за которым идут тысячи, миллионы?..

Отказавшись от спирта, Снегирев вышел из теплушки, прислушиваясь, как странно скрипит под ногами снег, точно крахмал в стеклянной банке. За стеной слышались неразборчивые голоса хмельных от усталости и полярного пайка парней. Откуда-то издалека почудился ему тонкий, как комариный писк, звон колокольчиков. «Мерещится... Не рано ли галлюцинации начались?! Надо скорей в машину...»

— Снегирев, ты ж не пил, а хмельной вроде?! — добродушно

встретил его Бородулин. Сам на вид как стеклышко — тоже не пил, хотя... кружка перевернута.

— На улице колокольчик звенит. — растерянно признался Виктор — Я и уши снегом тер. а он все равно звенит. Показалось, или

что?...

Ребята понимающе рассмеялись. Простили как шутку.

— Гиттаулин, — нарочито приказал Бородулин. — Чего ты ерзаешь за столом, сходи-ка... Послушай.

— А почему я?! — обиделся тот.

— Ты же, как рысь, ночью видишь.

— Гм!.. — только и сказал Ромка, но пошел.

Через минуту вернулся.

— Звенит, — подтвердил он бесстрастно.

— Есть еще охотники убедиться? — посмотрел на хохочущих парней Бородулин. — Вот черти, придется самому идти. Ладно, бушуйте тут, — снисходительно разрешил им. — Скоро тронемся.

И по этим последним, брошенным скороговоркой словам, Снегирев понял, что Бородулин тоже не отдыхал тут, думал, как им дальше, и решил поторопиться.

Потрескивали поленья в печи, тусклые лампочки-двенадцативольтовки светили над столом и за печкой, где размещалось кухонное хозяйство Червоненки. Гримасничая, подмигивая, дурашливо шикая друг на друга, покуривая «Приму», разомлевшие от ужина шоферы с любопытством поглядывали на Гиттаулина и Снегирева, подозревая их в сговоре. Не иначе как и Бородулин вернется — подтвердит звон. Ишь, озорует там на разные голоса! То своим, то потише — как будто бабьим голоском, но слов не разобрать.

Войдя, Бородулин весело посмотрел на Снегирева и растерянное изумление было в его голосе:

— Не то бог местный пожаловал, на пирушку, не то чукча! Твердит, как заведенный: «Леса советы, леса советы...» А оленей, — продолжал он недоуменно, — почему-то к моей машине привязал, к передку, — и, осуждая, покачал головой. — Никто по местному не кумекает?!

— Я! — подскочил Червоненко. — Могу хоть с марсианского перевести.

— Иди ты со своим Марсом! Может, Гиттаулин. а?

Ромка глупо улыбался.

У Снегирева, когда Бородулин повторил со знакомой интонацией: «Леса советы, леса советы», как от чего-то давнего, дорогого, сладко кольнуло сердце.

— Правда?! — спросил он.

— Вот Фома, когда ты мне верить станешь!

— Это Вантуляку, хозяин тундры... — И вскочил, отыскивая шапку, куда-то запропастившуюся.

Упрямый Червоненко, не поддаваясь розыгрышу, прятал шапку за спиной, сам спрашивал:

— Хозяин с бубенцами, шаман, что ли?!

— Сам ты шаман, — улыбнулся Снегирев, заметив наконец, где шапка.

А с улицы кто-то неуверенно поскребся в дверь. Ребята примолкли, но кто-то уже втискивался внутрь с облаком морозного пара, вполне похожий на человека — приземистый, о двух ногах, руки в растопырку, одет не в тулуп, не в шубу — вроде как медвежья шкура была на нем, а лицо укутано пышным меховым капюшоном, заиндевелым. Быстро оттаяли и засверкали бруснично первые капли, и стали видны веселые раскосые глаза гостя. Он радостно кивал во все стороны головой, степенно кланялся, приговаривал:

— Лёса советы, о, лёса советы, Барахсан, Барахсан!..

— Вантуляку, ты?! — подошел к старику Снегирев и протянул обе руки.

— Однако, я, Вантуляку, — улыбнулся нганасан. — А ты кто?!

— Не узнаешь? А Барахсан помнишь? Аниву, Порог?! Леса Басов помнишь?! Анка помнишь?! — невольно сбился он на назывную речь, чтобы быть понятным старику. — Я — Витя, Снегирев — десант, десант! — кричал он в лицо старику, а сам распахивал на груди тулуп, будто только это и мешало старику узнать его.

Вантуляку согласно кивал, улыбался. Послушно дал обступившим его парням стянуть с себя парку и, не упуская из виду Снегирева, вполголоса, словно про себя, повторял за ним:

— Лёса Басов помню, лёса Анка помню, лёса Анива тоже помню, и десанта помню... Однако, ты!.. — он ткнул пальцем в Снегирева. — Зачем кричать, зачем пугать тундра, я тебя и так помню... Ты цок-цок — кино! — и неожиданно с уморительной точностью принял позу Снегирева с фотоаппаратом в руках. — Ты — Витя, так, однако, да?!

— Та-ак, — обрадовался Виктор и объяснил всем: — Мы с ним с первого десанта знакомы. Он тогда название нам подарил, городу... А когда фотографировался с нами, все говорил: «Кино, кино...»

Вантуляку уже посадили за стол. Не перебивая рассказчика, он отламывал от ломтя хлеба щепотками мякиш, пробовал мороженую телятину и колбасный фарш, поглаживал поллитровую алюминиевую кружку с дымящимся чаем, которую спроворил Червоненко. Он все пробовал, но словно стеснялся чего-то, не начинал есть и, поняв наконец, что гостеприимным хозяевам подсказать надо, громко втянул в себя винный воздух, сердито обрушился на Снегирева:

— Давай кино, Витя. Ты говорила — кино будет!

— Да в Барахсане, — попробовал объяснить Снегирев, но старик не слушал:

— Ай-яй-яй!.. Кина нету, спирта нету... Давай спирт; спирт, однако, есть!

И ребята все похватались за животы. Ну, дает старик, молодец.

С ходу быка за рога!

Червоненко, которому бородулинский взгляд был как затрещина, мигом исполнил.

— Барахсан, Барахсан, — лизнув теперь из другой кружки, похвалил Вантуляку. Добавил в спирт кипятку, слегка раскрутил кружку и опрокинул в себя. А выпив, долго и изумленно мычал, потом по-русски широко утерся рукавом.

— Вот это «северное сияние»! — причмокнул от восторга Толя. Старик, не донеся кусок мяса до рта, принялся вдруг объяснять:

— Вантуляку с Вачуга, однако, бежит. И оленики шибко бегут. И холод не отстает, тоже шибко бежит. Мороз, как коча, хи-и-итрый, — лукаво сощурился старик. — Где иголлка прошла — там коча пройдет, где коча пройдет — там мороз пройдет. В парку зайдет, в кость сядет, а Вантуляку, однако, поет! Раз поет, два поет — слова кончаются, а мороз не уходит. Вантуляку зубами стучит, мороз тоже стучит. Тогда, однако, и Вантуляку хи-и-итрый. Он бац — стакан, а мороз — пши-и-и, однако, и нету... Молодец Вантуляку! Так, однако, лёса Витя?!

— Ешь, ешь, Вантуляку, — согласился Виктор.

Подшучивая над стариком, парни предложили ему добираться до устья Анивы вместе, — спирта у них еще много, целая канистра! Вантуляку с достоинством возразил:

— Оленка кормить — спирт не надо. Оленка кормить, однако, ягель ищи, трава ищи, руби снег копытом, — и вздохнул: — Однако несущему жизнь тяжело зимой.

Каждый охотник в тундре на много километров вокруг знает своих соплеменников, и чукчи, долганы, одулы знают Вантуляку и род

его. Теперь они отправляются на охоту бригадами, за пушниной к ним прилетает вертолет, и, может быть, только Вантуляку по-прежнему любит одиночество. Оттого встреча с человеком в тундре — для него праздник, сокращающий дни разлуки. Молодые не всегда понимают это, а когда душа уже чувствует холод долины мрака, из которой чет обратной дороги, тогда невольно скрываешь от молодых тугутов свою зависть к ним, оставляя без внимания их насмешки, как лай паршивой собаки, — со временем, однако, и собака умнеет. Вантуляку мог бы сказать все это быстроглазым лёса, но, подумал он, так же, как трава не растет на камне, так и слова не коренятся в душе, если человек не испил чашу страданий.

Видя, что Вантуляку впал в раздумье, Снегирев сложил за печкой несколько тулупов, предложил старику отдохнуть.

Роман Гиттаулин, молча наблюдавший за нганасаном из сумрачного угла теплушки, задумчиво произнес:

— Старики почему-то все одинаковые — и русские, и татары... Все понимают, только выговорить не могут. Наверно, потому, что слова уже позабыли.

— Ну-у-у, Рома, — протянул Остряков, — тебе до них недалеко: поменьше языком ворочай, и все в порядке.

— Кончайте! — вмешался Бородулин. — Покимарьте с полчаса, а то засиделись.

Гиттаулину он ничего не сказал, а хотелось — ведь это удивительно, как одна и та же мысль могла прийти им обоим в голову. Совпадение словно обогрело замкнутую, недоступную душу Бородулина и укрепило в нем хорошее мнение о Гиттаулине, но высказывать его Ромке было пока рано. Зато он не сомневался, что когда вернутся в Бараксан, он уговорит татарчонка остаться с ним на экскаваторе. К весне соберут машину, и тогда выкуп Ромке за невесту обеспечен. Неплохо и еще кого-нибудь взять с собой. Может, Острякова?! Он теперь, как контуженный, сам будет рваться с зимника... Нахальный, правда, но черт с ним, им детей не крестить, а только побитому с Севера бежать некуда... Впрочем, Бородулин думал об этом пока рассеянно, мимолетно, но решение уже зрело, чтобы к должному сроку окончательно утвердиться в нем.

Он знал, что люди никогда не липли к нему, сходились с ним трудно, и в то же время редкое умение собрать их возле себя давалось ему без особого труда и старания. Он умел схватывать и в деле, и в человеке самую суть. Умел быстрым, как стрела, взглядом определить, подойдет ему человек или нет. Сам он как-то с иронией охарактеризовал себя человеком «прицельным» и сделал это, пожалуй, не отдавая отчета в том, сколь глубоко и верно обрисовал себя одним словом, враз объяснив, почему грубоватый, прямолинейный «серый» мужик мог удержать ухватистой пятерней волю всей колонны, а в иные времена он, несомненно, справился бы так и с ротой, а то и с полком. Цель — вот корень. Вообще русский человек не любит бесцельного существования, и потому Бородулин тяготился жизнью, если случалось, что он терял направление: куда, что, зачем?.. Жизнь тогда шла кувырком, и оттого в час лихой езды где-нибудь на хорошей трассе, да еще под гору, когда стрелка спидометра подскакивала за сто — за сто двадцать, ему приходило в голову, что когда-нибудь он непременно разобьется так: откажут тормоза или тяга — и все... Веселый конец! Но это все чепуха и будет еще не скоро. Он умел заражать окружающих своим азартом, и тогда люди поднимались в одном порыве, одно устремление сплачивало их и держало вместе, и Бородулин почти невольно становился в этом кругу центром притяжения. Что тогда трудно-

сти!.. Только скрашивали жизнь, — без них просто невозможно, как невозможно без ветра настоящая езда!

Сейчас цель была, и от этого будущее казалось ясным и уже как бы и устроившимся, и именно так, как хотелось ему, и от того была на душе приятная легкость, словно трасса уже ничем не связывала его, осталась позади. Да так и было! Неприятности могли возникнуть лишь на обратной дороге, при переправе через Сиговый, где надо подрезать берега, расчистить русло или... поставить мостик. Мало времени. Нужно поторопить Басова! Поставить перед фактом: ждите, мол, на четвертый день, а не на десятый, как они там рассчитывают. Приняв решение, почти столь же неожиданное, но неизбежное, как и прыжок на Аниву, Бородулин подсел к Снегиреву.

— Послушай, Виктор, есть одна мысль...

— Мысль, или уже дело?! — усмехнулся тот, по голосу угадав бородулинское нетерпение.

— Дело, — согласился тот. — И, кроме тебя, взяться некому. Смотайся-ка ты в Барахсан. Доложишь обстановку, а главное — поторопишь с переправой на Сиговом. Там придется бурить и рвать берега, а времени в обрез!

— Знаю, сам думал...

— Значит, договорились?!

— Только на чем ехать, на своих двоих?

— Надо соблазнить старика.

— Вантуляку?! — удивился и обиделся Виктор. — Его не соблазнишь. Это упрямый нганасан.

— Пообещай ему фотокарточки, он умчит тебя хоть в Симферополь.

— А обратно?

— С ним и обратно, он же к устью! Притом идейная обработка — по твоей части.

— Хорошо, — подумав, согласился Виктор. — Я ему объясню, почему нам это надо, но уговаривать не стану. Это не тот случай, и не тот человек. Вообще в тундре не принято уговаривать и просить, — вспомнил он замечание Басова по аналогичному поводу, — это неэтично. Понимаешь, Бородулин, человек должен сам решить, помочь тебе или нет.

— Ладно, ты не тани, а собирайся. Червонец!.. — позвал он Анатолия. — Споровь-ка мешок ему на дорогу.

Виктор сам взялся укладывать рюкзак. Бородулин молча следил за его суетливыми движениями, но с советами не лез. Затянув на горле мешка тесемки, Снегирев хмуро сказал:

— Обидно ты рассуждаешь, Алексей, поэтому с тобой тяжело людям.

— А разве не правильно?

— В том-то и штука, что правильно... — И устало махнул рукой. — Когда ты считаешь обратное?

— Дня через четыре, самое позднее — через пять пусть встречаются.

— Заказывать транспаранты, малиновую дорожку к трибуне?!

— Не надо, обойдемся духовым оркестром. А вот баньку неплохо раскочегарить! Как твой старик говорит, будем мороз выгонять из костей... Ты возьми запасной тулуп, я принесу сейчас, — поднялся Бородулин. — На нарте просифонит, будь здоров, это не в гиттаулинской кабине.

«Уже и об этом узнал, — виновато отвел глаза Снегирев. — И как только ему удастся все...»

До того призрачного рассвета в тундре, когда различимыми становятся снега — будто и не снега еще, а осадок инея, что выпал на дне глубокой ночи, — до этой зыбкой рассветной грани у Снегирева оставалось немного времени. Уже не уснуть, да и ребята гомонятся, петляют их разговор вокруг чудаковатого Вантуляку: как это он дал название городу?..

— Как?! — спросил Виктор. — Мы еще только первую палатку обживали, когда он в гости пожаловал. Подарили ему колокольчики, а он: «Барахсан, — говорит, — барахсан». Что это такое?! Он и объяснил. Поглядел на Одарченко: «Лёса важенка Анка — барахсан!.. Лёса начальник, — на Басова и Алимущкина, — однако, стро-о-огий лёса начальник — барахсан. Молодой тугут, олененок, — ткнул на меня, — барахсан, хороший шагжой будет — барахсан... Солнце, — воздел руки, — барахсан! Весна — барахсан! Здравствуйте, хорошо живите — барахсан...» Отсюда и пошло: когда хорошо все — тогда и барахсан. Прижилось.

...Скоро Вантуляку и Снегирев собрались в дорогу. На прощание старик погрозил Бородулину:

— Однако, моя олень-машина догонит твое железо. Так, Витя, едем?!

— Так, Вантуляку, едем!

Резко натянув и отпустив вожжу, Вантуляку гикнул на вачажного, тот дугой изогнул грудь, как в прыжке, за ним, чуть боком, вприскок дернули и потянули остальные олени, и пошли ровно, резво. С сердитой монотонностью закрипела нарта, рассекая смерзшийся снег острыми полозами. Беспокойно поглядывая на сутуло согнутые, неподвижные плечи старика, Виктор подумал было, что Вантуляку уснул, и тогда бог весть, куда еще занесут их олени. Он окликнул старого нганасана, заметив, что езда по льду, припорошенному снегом, почти не утомляет оленей. Вантуляку, приподняв плечо и даже не оглянувшись, не согласился с ним.

— Олень, однако, устает от дороги, как язык от брехни. Каждый кёс тянет жилы, как гиря, — проворчал он, а Виктор подумал, что старик довольно хорошо научился русскому. Правда, сам он не сразу вспомнил, что кёс — это мера длины, и смысл сказанного Вантуляку дошел до него с опозданием.

Он не успел ни возразить, ни согласиться, как Вантуляку сухо сказал ему:

— Спи, однако. Ехать долго. А жизни осталось мало, надо думать. Надо много думать, не мешай старому человеку. Не перебивай тропу его дум. Она и так собьется и потеряется не раз. Много сил надо, чтобы отыскать ее снова.

— Хорошо, хорошо, Вантуляку, — поспешно согласился Виктор, но, подремывая и поглядывая в дреме на согнутую спину старика, он не раз согрешил, подозревая, что и тот спит, а потревожить его не решался.

Изредка, словно очнувшись, Вантуляку негромко напевал что-то свое, нганасански унывное, так неподходящее под молоденький звон барахсанских колокольчиков. Но и тогда Виктор молчал, вслушиваясь, как пощелкивают олени копыта, точно счетчик таксомотора. На поворотах ископытъ била в лицо, он едва успевал отворачиваться от острых комков снега, вылетающих из-под оленьих копыт. Часто встречались на реке раскаты, где ветер выдул все до последней снежинки, зеркальным блеском отполировав лед. Нарту сильно заносило, она шла юзом, и опасно было уснуть: сонного его могло выбросить с нарты, а когда бы это старик заметил пропажу! До самого Барахсана он,

кажется, ни разу не оглянулся на молодого тугута с воспаленными от бессонницы и суматошных, бесплодных дум глазами.

...Слух о том, что Виктор Снегирев примчался в Барахсан на оленьей упряжке, быстро пронесся по поселку, хотя видеть его могли только на Ломоносовском проспекте, да и то немногие, но когда нарта подъезжала к стройуправлению, туда уже сбегались поглазеть любопытные. Возвращение Снегирева с зимника не удивило тех, кто понимал, что тому должны быть веские причины, и эти люди без вызова тотчас собрались у Басова.

— Значит, собираешься вместе с Вантуляку обратно?—спросил Басов у Снегирева, когда тот рассказал обстановку на трассе.

Виктор спокойно кивнул:

— Да. Отряд мы догоним, по-видимому, на устье.

— Что думаешь делать там?!

— Ну, как?! — растерялся от простого вопроса Виктор. Ответ был столь очевиден, что он и не знал, как сказать. С другой стороны, слова Басова можно понять как предложение остаться в Барахсане. И Виктор поспешно произнес: — Нет-нет, раз я пошел — мое место там. До конца. — добавил он с решимостью не отступаться.

— Дело чести, — задумчиво резюмировал Басов, соглашаясь, а сам устало тер переносицу — верный признак, что он не согласен с ответом.

Не спеша Никита вернулся от окна на свое место, кивком посадил Виктора. Закурил, а все уже насторожились (ведь постоянные при вычки говорят не меньше, чем слова). Никита же, еще не раскрывая главного, может быть, продолжая обдумывать решение, сказал:

— Надо накормить Вантуляку хорошим обедом. Распорядитесь, Люба, — попросил он секретаршу. — После обеда я провожу его. У него свое дело — охота, пусть едет.

— А я?!—упавшим голосом спросил Снегирев.

— Ты, Виктор, напиши записку Бородулину, пусть поторапливается, Вантуляку передаст. Переправа через Сиговый будет в срок, так, Гаврила Пантелеймонович? Ведь я предупреждал вас с Коростылевым, чтоб поторапливались.

Силин покряхтел.

— Делаем... — невесело подтвердил Коростылев.

— Хорошо. Через два дня, в одиннадцать ноль-ноль, по этой переправе пройдет новая колонна... на устье!

— Нет, Никита Леонтьевич, я не согласен, — возразил Снегирев. — Я не останусь. Позвольте мне уйти сейчас!

— Да, пожалуйста, Виктор... домой! Отдохни денек. У Бородулина делать тебе нечего. Ты поведешь встречную колонну, если еще есть силы. Я не настаиваю, но...

— Вот так всегда!.. — обреченно махнул Снегирев. — Ни одного дела не даете до конца довести! Как будто я хуже других.

И, взерошив вихры, сорвался, кинулся к двери. Обидно. «Согласен, не согласен...» — передразнил Басова. Да он сам уедет, вот и все! Стараешься, как лучше, а тут...

За пять шагов, которые отделяли его от двери и которые надо было пройти под взглядами товарищей, плечи Виктора поникли, шаг потерял упругость, уверенность, и, если бы его окликнули, остановили, он, пожалуй, вернулся бы и, безучастный, досидел до конца совещания. Но никто не решился на это. Никита смотрел на его демарш спокойно, и Виктора по инерции вынесло в коридор.

Проследив за Снегиревым усталыми серыми глазами, за дверью, хлопнувшей вслед, Басов сказал, словно на свои мысли ответил:

— Конец — это когда агрегаты пустим. А кто включит рубильник,— наверное, уж не Басов, а Снегирев... — И, усмехнувшись, повысил голос: — Что же, товарищи, дела сами не ходят.

V

Случилось так, что еще с первых минут в аэропорту Анка Одарченко, движимая гостеприимством, взяла над Дашей шефство. Ей казалось, что человеку, впервые попавшему в Бараксан, достаточно показать город, Порог, Аниву, провести его по головокружительным террасам скалы Братства, где с ног до головы обдаст летящими брызгами водопада, спуститься потом в рукав отводного туннеля, послушать, прижавшись щекой к сырому граниту, как шумит там, за толщей каменистого свода, по материнскому ложу Анива, и, может быть, яснее станет тогда Север и то, ради чего они мерзнут здесь, не считаясь с трудностями.

К удивлению Анки, у Даши оказались знакомые в Бараксане. Басов, столкнувшись с ней нос к носу на Аниве, даже не удивился ей. Хотел обнять, но только руку подал и спросил, отводя Дашу в сторону:

— Ну, Дэ... с приездом! А как твоя проблема?!

— Какая проблема?

— Эмансипации женщины...

— А-а... Дошла до своего логического конца, превратившись в противоположность, — засмеялась она.

— То есть?! — он потер переносицу.

— Проблемой стала эмансипация мужчин!

— Даша! — Он тоже засмеялся. — Ты прогрессивная женщина! Один ноль в твою пользу. Я рад за тебя, рад видеть... — И они заговорили о Малышеве.

— Папа волнуется... Ты знаешь, он собирался лететь, но — врачи, плохой прогноз на погоду... Я уж сама, говорю, может, пешком дойду, если что, а ты сиди! Просил тебя в Москву после перекрытия.

Ей показалось, что Никита, подтянутый, энергичный, на этот раз выглядел как-то вяло, и даже о Малышеве слушал рассеянно. Причиной тому могла быть усталость. Лицо Басова осунулось, выдался вперед нос, а вокруг рта застыла непривычно резкая складка. Постарел?! Или неприятности? Неудобно было расспрашивать его об этом, хотя ее тянуло поговорить с ним, и было о чем. Она понимала, что забот и переживаний у него хоть отбавляй — задолго до перекрытия начальник штаба уже не принадлежал себе, и, конечно, она не полезла за блокнотом, чтобы взять поспешное интервью, — цепкая память сама подскажет потом детали этой мимолетной встречи. Он бы не отказал в разговоре, но она отпустила его:

— Что ж, Басов, поговорим завтра. О'кэй?!

— Если перекроем... — Он понял ее и напомнил: — Навести Али-мушкина! — и погрозил пальцем.

— Вы к нам только на перекрытие?! — спросила Анка, когда они ужинали в столовой.

— И другие дела есть, — призналась Даша, и по тому, как она сказала это, сдержанно и невесело, Анка решила не уточнять, что за дела. Даша добавила: — Неудачно я прилетела. Думала, успею до перекрытия в редакции у вас побывать, а теперь придется отложить. Поздно, ночь на дворе.

— Я могу проводить вас, — вежливо улыбнулась Анка. — Все равно сегодня никто не спит, ночь такая...

Барахсан с его причудливой, дугообразной застройкой улиц, чтобы не разгуливал по ним зимний ветер, как-то сразу лег Даше на сердце. Нравился широкий, в густой зелени, проспект Ломоносова, и даже то нравилось, что этой первой своей улице барахсанцы дали имя великого помора. Легко угадывалось, что в уважении к нему скрыто нечто большее, чем простая переключка времен.

Холодно и ветрено было на улице. Даша и Одарченко прошли сквер перед общежитием, свернули к клубу, где за неплотно прикрытыми окнами играла музыка, доносились громкие голоса, чей-то несдержанный залихватистый смех, а в просветах между колышимами ветром шторами мелькали пары. Тянуло туда, в этот шум, гомон, в молодое и бесшабашное веселье, от которого и на улице пахло легким вином, сигаретами, запахом духов и губной помады.

На огромном, подсвеченном прожекторами фасаде клуба, выложенном мозаичной плиткой, неслась, будто наяву, играя бирюзовой волной, река, серебрилась искристыми брызгами, вырываясь из шлюзов. По какому-то неуловимому почти сходству берегов, по очертаниям сизовато-дымчатых сопок угадывалось, что это Анива, но это была уже и не она, а какая-то другая, может быть, будущая, покоренная, и Даша, когда смотрела, верила в это. Панно было огромным, но точно рассчитанная композиция раздвигала рамки еще шире... Глубину пространства как бы подчеркивал красный флаг на высокой мачте над плотиной, над сопками. Крохотные кусочки мозаики темных и светлых красных тонов были так составлены, что цвет их передавал трепет полотнища. Казалось, вот распрямятся тугие складки! — и это ощущение движения, явившееся еще раньше, при первом взгляде на бегущие волны, становилось сильнее, осязаемей, и будто один и тот же ветер — косой, плотный, порывистый — полоскал этот флаг и хлопал у входа в клуб фанерной афишей, приглашая барахсанцев на торжество. А над картиной, над клубом и ночным Барахсаном рубином сияли ленинские слова, обозначившие путь к коммунизму.

До перекрытия, до встречи с Алимущкиным, хотелось Даше поглядеть редактора «Анивского гидростроителя». Почему именно «до» — она, пожалуй, сама бы себе не ответила точно, но женщины даже в делах нередко доверяются чувству и почти никогда не жалеют об этом. Имя этого человека, вернее, фамилия его — Скварский — как-то попала на глаза Малышеву, и он удивился: не тот ли это, одно время ученик Хотеева, который пытался проложить «мост дружбы» между ним и Хотеевым?! Самого Хотеева отец никогда не называл ни врагом своим, ни противником, — считая даже эти слова слишком лестными для него, но Малышев не раз, и во всеоуслышание, говорил, что хотеевское отношение порождает в науке угодничество, прожекторство, лесть и, подобно эрозии, разрушает культурную почву. Тем не менее, Хотеев знал и умопомрачительные взлеты, и падения, и не раз приумножал регалии... А однажды Тихон Светозарович получил от него записку. «Каюсь, перед Вами, маэстро, — писал Хотеев, — грешен, но разве зрелость должна отвечать за ошибки молодости?.. Время теперь само обозначило нам наши места; и я обращаюсь к Вам с просьбой оппонировать одному из моих учеников. Паче чаяния, работа не глянется Вам, — не рубите с плеча. Мы-то знаем, с какими боями приходит опыт, и с возрастом... Я уже не тот, как Вы понимаете, и физически не смогу, хотя и хотел бы, проложить ту тропу, которой идет мой соискатель. С глубоким и пр. — А. Хотеев».

Тихон Светозарович перечитал записку Хотеева. Когда лиса начинает вертеть хвостом, подумал он, несомненно, она что-то затеяла. Но что?

Молодой человек с красными, как трахомными, веками, передавший записку, нервничал, видя раздумье Малышева.

— Простите, профессор, каков ваш ответ?!

— А вы кто, собственно: курьер или доверенное лицо?

— В некотором роде...

— Видите ли, я не заключаю сделок. А это...

Он подержал в руках увесистую папку диссертанта, хотел возвратить, но — чем черт не шутит! Возможно, тут что-то есть. С дерьмом Хотеев не посмел бы сунуться, уж Малышева-то он знает. И буркнул:

— Ладно, оставьте это, я посмотрю.

— У меня к вам большая просьба, — добавил проситель, — чтобы вы лично присутствовали на защите.

— А письменного отзыва недостаточно? — усмехнулся Малышев.

— Нет, отзыв, конечно, зачтут, но ожидается большая пресса...

Члены совета предупреждены...

— Пригласите прессу в ресторан, там больше удовольствия, — посоветовал Малышев.

— Это само собой, — тот понимающе улыбнулся.

Малышев прочитал диссертацию, более того, проштудировал ее от корки до корки. Треть, если не половина работы была собрана из брошюр Хотеева, другая половина заимствована из трудов Малышева. Попытка склеить, совместить несовместимое — выводы практической науки и сомнительные постулаты Хотеева — была настолько же абсурдной, насколько неистоплотной. В самом принципе проглядывало что-то прежнее, хотеевское, с его самотечной идеей вульгаризации жизни. Тихон Светозарович не сомневался в первопричине: менялись времена и спешил измениться, перестроиться сам Хотеев. По сценарию защиты они должны, видимо, пожать друг другу руки. Но наука не дом горкомхоза, где коммунальные услуги оплачиваются жильцами вскладчину.

Защита, как и следовало ожидать, провалилась. Приглашенная на коньяк пресса мужественно исполнила свой долг; в двух центральных газетах развернулись дискуссии о моральном облике советского ученого, Малышев получил множество писем, сам выступил в печати, и имя Скварского было названо. После этого Юрий Борисович исчез, как будто его никогда и не было. Хотеев же расстался с кафедрой, подвизался несколько лет консультантом в разных комитетах, а за давностью, когда что-то забылось, что-то не зналось новыми людьми, он опять всплыл, на этот раз в кадровом управлении министерства. Малышев только грозно откашлялся, узнав об этом, но воевать с ветряными мельницами у него не было желания. Лишь журнальная заметка, присланная ему бюро вырезок, в которой говорилось о Барахсане, и особенно подпись под ней — Ю. Скварский, насторожила его. Он думал о том, что, не свалив его, старика, хотеевщина могла ударить по Басову. Такой удар сделал бы и с ним то, что не довершил еще порок митрального клапана. Однако забота о себе была короткой. Малышев не верил, что через столько лет ему снова придется выдерживать остья хотеевщины.

Прикутав плечи мышиного цвета пледом, Малышев в последнее время, особенно когда Даша засобиралась в Барахсан, подолгу просиживал в кабинете, задумчивый и неподвижный. Он почти весь утопал в кресле, и Даша, входя в комнату, видела только сгорбленные плечи, тяжело угнутую голову и сухие кисти рук, застывшие на подлокотниках. Она старалась ходить бесшумно, чтобы не беспокоить его, не спугнуть нечаянно трудную думу.

Малышев намеревался предупредить Никиту, но что-то сдержива-

вало его. У него было много учеников, и разве он не учил их не бояться высоты? Разве не говорил он, что от славы теряют голову? И разве он не наставлял их самому важному — честности перед народом и собой?! Неужто этого мало, чтобы встретить любые невзгоды?! Невзгоды пройдут, и все проходит, — остается правда. Без понимания этого трудно устоять на ногах, никакая опека не поможет... Нет, лучше он попросит Никиту, чтобы прислал ему с Дашей хваленые мягкие бакари, — валенки уже плохо греют стариковские ноги...

Нет, отец не просил Дашу наводить справки, выяснять, тот ли это Скварский, но разве, думала Даша, ее надо просить об этом?! От одного предположения, что так могло быть, щеки Даши стыдливо вспыхнули, она поспешно спросила Анку:

— Далеко еще?..

— Пришли уже. — Анка кивнула на освещенные окна напротив. — Вот, перед вами: редакция и типография газеты "Анивский гидростроитель"... У нас все в одном здании. Завтра праздничный номер к перекрытию, значит, Скварский здесь, на дежурстве. Мне подождать?! А то как вы одна потом...

— Аня, — упрекнула Даша, — только вместе. — И не думайте, пожалуйста, что вы мешаете мне. Мне ведь и выяснить надо совсем не многое.

Редактор "Анивского гидростроителя" — невысокого роста, тучный и лысоватый, в длинных сатиновых нарукавниках, сидел за столом с красным карандашом в руках и, читая, шевелил губами. Поза его, черные, в сборочку на резинке, нарукавники, легкие складки на одутловатом лице и, наконец, строгость, с какой он взглянул на поздних посетителей, — все делало его похожим на бухгалтера, и Даша почувствовала разочарование. Видимо, это не тот человек... Тот, по ее представлениям, должен быть моложавее, и уж никак не шла бы ему добродушная улыбка, с какой Юрий Борисович поднялся, быстро накинул пиджак на плечи, чтобы скрыть под ним широкие подтяжки, и уже двинулся им навстречу, протягивая руки.

— Рад, рад видеть вас у себя, коллега, — он слегка поклонился Даше (Анка представила ее), и широким жестом пригласил располагаться. Говорил он шуточно, легко, несколько даже развязно, что считал, наверное, шиком при разговоре со столичной гостьей: — Жидковато нынче вашего брата у нас, а ведь перекрытие!.. Событие, конечно, не мирового масштаба, но для нас... Идем "На решительный штурм!" — голосом подчеркнул Юрий Борисович и тупым концом карандаша провел по заголовку передовицы, которая так и называлась. — Правду говорят, что москвичей домоседовская погода держит?! — спросил он и засмеялся своему каламбуру. — Но вы-то, женщина, и молодая еще, как прорвались на Север?

Все это говорилось из вежливости, тоном занятого человека, и в самом деле, извинившись, Юрий Борисович попросил несколько минут, чтобы дочитать полосу и пустить ее на линотип.

— Можете пока ознакомиться с типографией, — он кивнул на открытую дверь через коридор напротив, откуда доносилось мерное позванивание наборных литер в кассах линотипа, — или...

— Я посмотрю газету, — сказала Даша и взяла со стола подшивку многотиражки. — Устала от ходьбы.

Анка, оставив их, ушла в типографию.

Даша не без интереса просмотрела несколько номеров, как Юрий Борисович шумно вздохнул, потирая руки:

— Готово! Теперь я к вашим услугам... И как Москва? Все живет?! Что там нового, интересного?

— Москва живет... — Даша отложила подшивку, похвалила: — Толково работаете, со вкусом.. Вам, кстати, — она спохватилась, точно могла забыть, — вам привет от Хотеева.

Она старалась произнести это с безразличием, — ведь могло же быть, что перед ней однофамилец того Скварского и этот даже не слышал никогда о Хотееве. Тогда придется извиняться за свою память.

— От Александра Михалыча?! — Скварский поднял брови, и морщины на лбу сошлись гармошкой. — Что же вы сразу не сказали! — Засмеялся. — Теперь понятно, почему вы здесь в нелетную погоду! С его командировкой открыты все полосы мира... Это такой человек... Если вам нужен тайфун — он устроит одним росчерком. А если надо, вы только скажите, он остановит цунами.

Юрий Борисович вовсе не производил впечатление человека, пришибленного жизнью, смеялся он откровенно, заразительно, только ему надо было рассмеяться сперва, и Даша подумала, что разговорить его будет нетрудно. Разумеется, никаких приветов от Хотеева не было, но игра началась, и Даша умышленно взяла другой тон.

— Напрасно вы так говорите, — сухо возразила она. — Александр Михайлович очень отзывчивый человек.

— Разве я смеюсь, что вы! — удивился Скварский. — Уж мы-то хлебнули с ним вместе... Я молод был, зелен, а он уже тогда — гигант. И слава, и почет... Какое положение занимал человек, вы представить не можете. А все ушло, он из последних, — примирительно вздохнул Юрий Борисович и улыбнулся Даше, видимо, довольный тем, что возникло и так быстро исчерпано недоразумение. — Вот и о нас когда-нибудь скажут: были... Нет вечного на этой земле ничего.

— А я-то!.. — засмеялась Даша, показывая на подшивку. — Все думала, откуда такое знание специфики. Забыла, что вы не гуманитарий, а гидротехник или что-то в этом роде, в общем — специалист. Как это Александр Михайлыч отозвался о вас? Один из лучших питомцев, море надежд и блестящие возможности... Лестные слова.

Глаза Юрия Борисовича, задумчиво покачивающего круглой, с большими залысинами, головой, как бы говорили: все было!.. Потом раздался его осторожный сначала, похожий на кашель больного смех, постепенно делавшийся мягче, добрее, ласковей. Он что-то поискал перед собой, но, заметив Дашино оживление, поспешно поднес палец к губам и показал на дверь. Анкин голос доносился издалека, и Даша оставила предупреждение без внимания.

— Не жалеете, что свернули на газетную стезю? — спросила она. — К тому же, ведомственная печать... не слишком звучит.

— Само собой, — согласился он. — "Личный" автомобиль звучит приятнее, чем "ведомственный", но смиряем гордыню... — Он, несомненно, гордился собой и своей газетой и добавил: — Москва хоть и далеко, но изредка и вашего брата выручаем!

Теперь разговор пошел на согласии, Даша заподдакивала Скварскому. Род занятий, сказала она, часто зависит от обстоятельств, которые бывают выше человека, поэтому важно настроить себя так, чтобы дело не казалось в тягость. Она умышленно говорила бесспорные истины, и за ними проскальзывало ее восхищение, наивное, как должно было казаться ему, и восторженное. Еще бы! Разве не заслуживал этого человек, высоко ценимый Хотеевым?! Может быть, она несколько переигрывала, но только от неопытности, от незнания людей, жизни, и такая беспомощность располагала к взаимной откровенности. Даша деловито рассуждала о молодости, о той прекрасной поре, которая уходит, оставляя в душе замечательные порывы и еще, наверное, неизгладимые морщины.

— Впрочем, — смущенно оговорила она, — мужчин морщины не старят.

— А что же они, щадят их?! — усмехнулся Юрий Борисович.

— Во всяком случае, придают солидность. Идут к возрасту! — нашлась Даша. — Теперь, по-моему, нет людей, которым несбывшиеся надежды не давали бы покоя. Все ко всему притерпелись. Ведь так, правильно?!

— Возможно, — улыбнулся он, но не ее словам. Похоже, залетная птичка кокетничала с ним. И вздохнул: "Ох, Хотеев, Хотеев... Умеет пустить пыль в глаза. И кому?! Пустышка! — это он думал уже о Даше. — Попрыгает день-два, как стрекоза, и вернется назад с десятистрочной фитилькой: Анива перекрыта, на трудовой вахте отличились бригады такого-то и такого... В конце, разумеется, — взяты новые обязательства... А ведь безобразие! Отмахать чуть не полсвета ради такой информашки. Эх, люди! А ее ли вина?! — мысленно воскликнул он с оправдывающим Дашу великодушием. — Послали, что привезет — то привезет, большего с нее не спросят. На всякий случай придется ему снабдить девчонку подшивкой "Гидростроителя", не зря же Хотеев к нему направил... А сам Хотеев, что он такое теперь? Ка-лоша... Для нее-то, поди, звезда! Отправляя сюда, наверняка напутствовал: вот где вы узнаете жизнь. А настоящая — она там, там жизнь, когда-нибудь и фифа это поймет. Москва — город, куда непосвященному лучше не соваться, рот разинешь — шапка слетит, хорошо, если голова уцелеет. В молодости он едва ноги унес оттуда, но возьмет свое!"

Юрий Борисович скользнул взглядом по ладной Дашиной фигуре — ничего, ничего... Как знать, не будет ли эта птичка еще гордиться честью беседы с ним в ночь перекрытия! И знал, что все будет — с ней, или с другой... Более того, уже сейчас он мог бы посоветовать ей: голубушка, держитесь от Хотеева подальше! Этот стоптанный валенок никому не нужен, ни на что не годится. Ищите людей покрепче, понадежнее, поухватистей... Перспективных ищите! — а сам думал о Гатилине, который, если бы не уступил Басову перекрытия, уже завтра мог стать начальником главка. В Барахсане считают, что Басов пойдет выше Гатилина. Типичное заблуждение! Басов фанатик, будет строить, считать проекты, но не руководить. Для этого он слишком самостоятелен, с такими не уживаются. Ему бы немного консерватизма — говоря научно, или балласта, который придает остойчивость, как кораблю. А человек устойчив только при недостатках, причем — известных недостатках. Так что, если их нет — хоть выдумай, а потом уж о командных высотах... Но, — Юрий Борисович вовремя спохватился, — он, кажется, отвлекся от разговора с дамой?!

Даша, заметившая, что Скварский не слушает ее, что мягкие складки на его подбородке жестко набрякли и он ошетинился, как еж, виновато спросила:

— Я чем-нибудь обидела вас, Юрий Борисович? Простите, если так. Я не думала, не хотела...

— Пустяки. Я о другом думал, — признался он. — На чем мы остановились?! На порывах молодости, вы говорите?.. Прошное вспоминать всегда грустно... — И оживился, решив польстить ей: — В молодости мы обретаем характер и с этим уже не расстаемся, вот чем она дорога! Всю жизнь потом пишем и говорим о других, только не о себе. Мы избегаем почему-то таких тем. Потому, вероятно, что не всякий человек располагает, не всякий способен понять, а с вами просто. Вы умеете слушать.

Даша опустила глаза, побоялась, что они выдадут ее.

— И похвала ваша мне кажется не случайной, — Юрий Борисович указал на свою газету, — разбрасываетесь, что к чему. Вы связаны с техникой?! Образование?!

— Как все в наш кибернетический век! — Даша вздохнула. — Что-то, где-то, урывками... Но стиль, — воспрянула она, — стиль, если он есть, способен раскрыть главное.

— Нда... Я, действительно, инженер — и по образованию, и по складу мышления. Знаете, пытался даже пробить диссертацию в свое время. Вкус к слову подвел — разукрасил, расписал, а технари этого не любят.

— Не знаю, — Даша пожала плечами, — по-моему, ваше призвание очевидно.

— Добытое, между прочим, в трудах и муках, как всякое "не мое", — с иронией заметил он.

— Я бы не променяла призвание на диссертацию, — Даша пыталась задеть его больное место.

Веки Юрия Борисовича, покрасневшие, должно быть, от долгой читки, чуть дрогнули.

— А я, — возразил он, — всю жизнь пытался доказать обратное. И вообще следуя принципу — не отступать от истины, чего бы это ни стоило.

— Тогда вам можно позавидовать, — спокойно сказала Даша, — если, конечно, вы доказали...

— Хотите байку?! — спросил он и откинулся в кресле. — Человек, заваливший меня на защите когда-то, теперь маститый ученый. Он и тогда был мастит, ну... известен, и за что, думаете, он распотрошил меня?! Причина стара, как мир, — вендетта: мой научный был не в ладах с ним. Правда, такого вероломства и сейчас полно, да мне-то от этого не легче. Короче говоря, путь в науку был отрезан, может, и к лучшему, как вы говорите, но я не смирился. В душе, понятно... Отверженный, уязвленный, я посвятил себя неблагодарному труду: читал, рецензировал, редактировал многочисленные работы моего оппонента, отыскивал в них погрешности — и всегда находил их! — и отправлял ему за скромной подписью "Доброжелатель". И что вы думаете?! Факты в науке сильнее предубеждений, они неопровержимы — он принимал их.

Даша, если бы она и не знала, что отец никогда не получал таких писем, не могла поверить Скварскому. И не потому, что говорил он нескладно, неубедительно, но когда бы и в самом деле он доказывал свою состоятельность, а то ведь ломался, представлялся перед ней, и стыдно было сознавать, что она позволила это. Даже в воображении он самодовольно мстил Малышеву. Все это было гадко, пошло, и вымученная улыбка, блуждавшая на лице Даши, исчезла. Она посмотрела на Скварского в упор, и он, встретившись с ее глазами, почувствовал неловкость, словно сказал лишнее, неприличное что-то.

— Отчего вы не назовете имя этого человека? — спросила она.

— Ну, что вы, зачем... — пружины под креслом Юрия Борисовича скрипнули, коротким смешком он попытался обратить разговор в шутку. — Разве я похож на алчного человека? Да и какие имена за давностью лет?! Так, одно слово — мираж... Моего оппонента теперь и атомной бомбой не прошибешь.

— Бойтесь?! — Даша встала.

— Как вам сказать... — Эта девочка уже не заискивала перед ним, словно знала, точно знала, что он не договаривал, и Юрий Борисович тоже поднялся и продолжал говорить, стараясь не выдать догадки и своего волнения. — Знаете, в глуши, на Севере, прошлое

воспринимается иногда до крайности обостренно. Наверное, этому можно найти объяснение, но вы еще убедитесь, что люди здесь жестокие в отношениях между собой, не щадят друг друга, а прошлое у многих подпорчено — оттого и Север! Я же, — он развел руки, — простой смертный.

Даша так и не поняла, оправдывался Скварский или извинялся; он, пожалуй, хотел быть искренним, хотел пробудить в ней жалость, вызвать сочувствие, и, может быть, теперь ей не следовало раскрывать себя, но Даша не сдержалась:

— Я так и передам Тихону Светозаровичу.

Он кивнул:

— Я давно понял, что вы дочь Малышева. Ну что ж, ни в чем не разубеждаю, но когда-нибудь вы вспомните, что боль принести легче, чем утешение.

Даша молча повернулась, недовольная, что последнее слово за ним, сама же не хотела больше говорить, а надо было позвать Анку, но та уже стояла в дверях.

...Остаток ночи Даша провела у нее. Пока Анка гремела на кухне посудой, Даша, присев на диван, рассеянно взяла книгу, лежавшую раскрытой на валике под рукой. Несколько строк было отчеркнуто, она прочла:

«Можете ли вы — есть ли у вас для этого внутренние силы, душевная выдержка — надолго остаться лицом к лицу с безжалостным, холодным величием природы? Вынесете ли вы эти сплошные белые снега, долгие зимние ночи, долгие недели, когда горы заслоняют солнце, окутывая окружающий мир сумраком? Можете ли вы примириться со всем этим и полюбить такое место настолько, чтобы назвать его земным раем? Если да, то идите ко мне, разделите нашу компанию на Лисьем острове!..»

— Кент!.. — вздохнула Даша и разгладила страницу.

Слова, может быть, и прекрасные, проскальзывали мимо сознания, как в пустоту, она не чувствовала их, — все это было безмерно далеким сейчас и чужим. Хотя, нет... Ее Кент, действительно, не трогал, а вот Алимускину он нравился. И вспомнила, как, смеясь, Петр однажды сказал о Кенте: жаль, что отшельник, а то бы и совсем великий был человек... Эх, написать бы: вынесете ли вы таких людей, как Скварский, тогда идите сюда и будьте счастливы!

Анка вернулась с чайником и чашками. Видя, как Даша листает книгу, улыбнулась ей и по памяти продекламировала:

— Для нас эта жизнь была такой, какой и должна быть, — цельной и безмятежной: любовь без ненависти, вера без разочарования — идеальная жизнь для человека с натруженными руками и возвышенной душой.

— А вы нашли здесь такую жизнь? — спросила Даша. — Любовь без ненависти, веру без разочарований...

— Разве мы искали здесь рай?! — сказала Анка. — Наша жизнь чиста — вот главное.

— Чиста?! А где же мы были сегодня, Аня?

Анка изменилась лицом, потускнела. Она оставила полотенце и чашки, задумчиво опустила на стул напротив.

— Люди-то разные, — сказала она, — и не каждому это дано.

— Что? — не поняла Даша.

— Ну, чтобы... с натруженными руками и возвышенной душой, а может, и наоборот — с натруженной душой и возвышенными руками.

— Выходит, не прав Кент?!

— Когда-то нас было тут двадцать, и мы жили так, как он пишет.

Вот этот самый Север, тундра, Анива, и — никого больше! А мороз — без привычки руки распухали так, что перчатки нельзя было снять. Слушаем радио и не верим, представить, кажется, невозможно, что где-то май, цветут сады... Потом и у нас снега вдруг осели в один день и зазеленела тундра. Лед тронулся. На Пороге его рушило, крутило, как в мясорубке. Мы смотрели и думали: так и стройка будет провоцировать нас. Каждый ли выдержит?! Работали то мы на пределе. За день так намолотимся, что ноги хоть в охапку и неси. А жизнь, несмотря ни на что, казалась... Да не казалась, она и была прекрасной! Мы ждали пополнения, знали, что когда много народу — будет легче; легче, но лучше, чем есть — уже не будет никогда, но во второй раз на кентовские покой и безмятежность мы вряд ли согласились бы. Жизнь без противоречий теряет красоту, смысл...

— Дialeктика, — согласилась Даша.

Анка засмеялась, стала наливать чай.

— У нас поговорка такая, — пояснила она: — От Скварского до диалектики один шаг, от диалектики до Скварского — бесконечность. Настолько он умеет запутывать все.

— Ставить все с ног на голову. На этом, Аня, хотеевщина стоит...

— Хотеевщина, — Анка вскинула брови, — от "хотеть"?!

— Почти, — улыбнулась Даша. Она видела, что забота о ней доставляет удовольствие Анке. — А кто это?

Даша указала на портрет, писанный маслом и висевший особняком. С куска ярко-синего оргалита, неровно обрезанного по краям, смотрело юношеское лицо. Брови усиленно хмурились, но художник, не очень умелый, все-таки поймал тонко дрожащую складку возле губ, и она говорила, что серьезность мальчишки напускная. Темные глаза, сдвинутые по-взрослому брови. Он старался выглядеть старше своих лет, был упрям, и, в общем-то, симпатичен.

— Это наш Витя Снегирев, — ответила Анка. И поспешно, так, что нельзя было не заметить этого, перевела разговор на другое.

— Вы меня простите, Даша, — вдруг сказала она, — но так вышло, что я слышала разговор со Скварским. Это случайно. Понимаете, в типографии шум, печатная машина гремит, а я смотрю — линотипист с печатницей разговаривают как ни в чем не бывало. Там оказывается, мертвая зона есть, где голоса совсем не заглушаются. Я отошла туда, стала, ну и... — Анка покраснела. — Надо было уйти, нехорошо. Но знаете, мы всегда мечтали, чтобы стройка не ломала людских судеб. А тут — с одной стороны Мальшев...

— С другой — Скварский с Хотеевым?! — подхватила Даша.

— Хотеев... Знакомая фамилия. Никак не вспомню, где я ее слышала, — Анка, совсем как Басов, потеряла переносицу у межбровья.

— Это не важно, — Даша, заговорив о Хотееве, почувствовала, как сбивается на отцовские интонации. — Дело не в фамилиях, а в том, что нравственность человека предопределяет мотивы его поступков. Вам не приходилось задумываться, почему, например, обретают жизнь сомнительные идеи, убогие в техническом отношении проекты?.. Разве причина только в неграмотности их авторов? Часто они заведомо знают, что проталкивают халтуру! Ссылка на привычки, традиции — тоже не объяснение. Это догматизм, флютбет, на котором немало хотеевых строят свое благополучие. Но опасна хотеевщина не этим грошовым счастьем, а тем, что меркантильные интересы таких людей возводятся иногда в постулат, в норму, в директиву. Под такой броней и бездарность неуязвима.

Даша замолчала на полуслове, поняв по тому, как вскинулась Анка, что та хочет возразить. Но Анка с виноватой улыбкой спросила:

— А откуда вообще взялся Хотеев?

Даша засмеялась:

— Тайны никакой нет. Я бы рассказала и о Хотееве, и о Скварском, но... — она посмотрела на часы, — не поздно ли?! Завтра ведь перекрытие.

— Теперь поздно. Мне скоро на дежурство, все равно не усну! — И обе рассмеялись.

* * *

Дашин рассказ уводил в далекие двадцатые годы, когда страна переживала подъем индустриализации. Ее отец, тогда еще выпускник Московского института инженеров транспорта, защитил диплом, на котором рукой председателя квалификационной комиссии — крупнейшего гидротехника, начальника Управления водных путей Наркомата путей сообщения Константина Аполлинариевича Акулова было написано: «Оставить проект в фундаментальной библиотеке института». Высокая оценка, мечтать о которой отваживались немногие. Она открывала Малышеву дорогу в науку, но он начал свою карьеру в Свирьстрое, где проектировал железные ворота шлюза.

Однажды проектировщики заспорили о разных вариантах плотин: что лучше — глубокий бетонный зуб в верховой части или плотина с «распластанным профилем». Обсуждение вел Александр Иванович Фридман, известный ученый, инженер, возглавлявший кафедру гидротехнических сооружений МИИТа. Он сам и проектировал, и строил многие гидроузлы, и, если Малышев в то время подражал кому, то больше всего ему, — Фридмановские универсальность и чутье, с какими тот схватывал самую суть проблемы, покоряли. Была у Фридмана неискоренимая привычка, — когда затевался спор, он буквально из каждого присутствующего на обсуждении «вытягивал» собственное мнение. В шутку это называлось «испорченным телефоном» Фридмана, и от назойливых его вопросов отделялись стандартно: «Особых соображений нет». Малышев, обычно отмалчивавшийся, на сей раз ответил, что он за второй вариант, — предпочитает небольшой бетонный зуб в центре, укрепленный стальным шпунтом, — и покраснел, ожидая вопросов от Фридмана. В противном случае это значило бы, что он сел в лужу.

— Вы можете подтвердить предложение цифрами? — Фридман заинтересованно посмотрел на него и чуть улыбнулся, зная, как молодежь не любит математические выкладки, доказательства. — Или прием гипотетически?!

— Могу, — сказал Малышев.

Он готовился «защитить» свое предложение, но, вместо предполагаемых полчаса, говорил только семь минут. Все думал, что упустил самое главное, но что?.. Фридман сейчас скажет...

Александр Иванович насмешливо посмотрел на оппонирующие стороны, подергал пальцами щеточку рыжеватых усов.

— Молодые люди, не следует ломиться в открытую дверь, — весело произнес он, и Малышев принял это на свой счет. Такое начало не сулило ничего хорошего. А Фридман продолжал: — Доводы сторон в защиту вариантов равнозначны. Каждый, — он осуждающе повысил голос, — каждый доказывал лишь выгоды своего проекта, но инженер обязан из всех возможных вариантов выбрать оптимальный! Э-э, Тихон Светозарович, — это Тихон-то Малышев, с закатанными по локоть рукавами старой рубахи, Тихон Светозарович?! Впервые в жизни!.. — Тихон Светозарович подошел к проблеме научно: сравнил преимущества и недостатки обоих вариантов, просчитал, нашел опти-

мальное решение и — одним словом — убедил! За основу берем его предложение. Вот так-то, мои хорошие, дорогие мои строители социализма! — уже шутливо закончил он.

Немного позже у Малышева появились свои сотрудники — группа энтузиастов, в большинстве своем его недавние товарищи по институту, «зеленые» еще ребята, — заметил о них Фридман, но каждый — крепкий орешек. Они жаждали самостоятельности и не знали, что в недалеком уже времени предстоит им сразиться с одним из китов, едва ли не главой нового направления в гидростроении — самим Александром Михайловичем Хотеевым.

Предшествовало этому 15 июня 1931 года. В тот день ЦК ВКП(б) принял решение, в котором говорилось: «...ЦК считает необходимым коренным образом разрешить задачу обводнения Москвы-реки путем соединения ее с верховьем реки Волги и поручает московским организациям совместно с Госпланом и Наркомводом приступить немедленно к составлению проекта этого сооружения, с тем, чтобы уже в 1932 г. начать строительные работы по соединению Москвы-реки с Волгой».

Созданное управление Москаналстрой, начальником которого стал Фридман, на первых порах не имело даже своих комнат для работы. Все документы, расчеты, наброски Фридману и Малышеву, возглавившему один из секторов, приходилось таскать с собой в портфелях, разбухших от бумаг. Всякий раз, как они появлялись в конторах родственных учреждений, их с насмешкой спрашивали: «Не гуся ли жареного принесли?...» — и показывали на портфели. А пока они устраивались в шикарном особняке на набережной Москвы-реки, отведенном конструкторскому бюро Хотеева, уже полным ходом шли расчетные работы.

Малышев с опаской заглядывал в тот особняк, поражаясь неистощимой выдумке Хотеева, его блеску, великолепию, эрудиции. Хотеев был моложе Малышева и счастливее его, потому что работал одно время с Генрихом Осиповичем Графтио, но почему-то скоро разошелся с ним, хотя имя этого человека, одного из авторов ленинского плана ГОЭЛРО и строителя первенца советской энергетики — Волховстроя, долго осеяло Хотеева. У Хотеева — лимузин, пишущая машинка, неогораемый шкаф, две секретарши, но чему истинно завидовал Малышев — так это зданию, где сметчики и проектировщики могли работать, как министры, — почти у каждого свой кабинет. Сам Хотеев, то парень-рубаха, то такой церемониймейстер, что не подступиться без дипломатического куража, внушал и почтение и робость, и надо было стучаться к нему просителем, чтобы заполучить заимообразно десяток стульев и пару столов для своих сотрудников. О ватмане нечего было и заикаться. Талант Хотеева особенно проявлялся в умении, в его врожденной способности всегда и вовремя оказываться на нужной волне эпохи, и, глядя на его беготню, Малышев ловил себя на мысли, что отстает от этого человека, как пешеход от стремительной мотоциклетки.

В коридорах хотеевского особняка призывно и угрожающе красовались крупноформатные листы ватмана, с которых само Время кричало языком плаката. На одном из листов, возле которого в благоговении толпились хотеевский люд, черным углем с размахистой небрежностью был нарисован на блюде стакан с водой. Аршинные буквы зывали: «Воды! Воды! Земля ждет». Ниже корчилося в муках жажды изнывающее человечество и стенало: «Пить! Пить!...» На плакате не было только спасителя, способного утолить эту жажду, но он находился рядом, в кабинете за дверью, обитой толстой натуральной ко-

жей. При виде такого ни Малышеву, никому другому в голову не могло прийти, чтобы подобная агитация не была подкреплена основательными техническими аргументами. И настал день, когда Хотеев представил проект на обозрение.

Он ошеломлял оригинальной простотой: стоило построить на Верхней Волге плотину высотой сорок метров (высота по тем временам немислимая, но это и завораживало), как вода самотеком, без расхода энергии на дополнительные сооружения, особенно значительные при искусственном подъеме воды, пойдет в Москву-реку. Легкость, очевидная правильность хотеевского решения покорила и соблазнила, но Малышев вышел с его «вернисажа» потрясенный. Не знал, что и думать: то ли сам он настолько глуп, что не понимает простых истин и оттого мысленно осмеливается назвать короля голым, то ли сам король. Он знал, что Хотеев обласкан и посягать на его честь значило бы рисковать головой, но Малышев рискнул. Проект, разработанный в Москаналстрое, еще требовал доработки, но уже была подсчитана сметная стоимость, намечена трасса канала по бездорожью, болотам, глухим лесам, которые не приносили народному хозяйству пользы и вряд ли могли принести ее в ближайшие десятилетия, и это было противопоставлено всему тому, что оставалось за внушительной сорокаметровой плотинкой Хотеева: водохранилище в два с половиной миллиарда кубических метров затапливало плодородные земли (докладывая, Малышев не привел точную цифру затапливаемой площади, из опасения, что она может обернуться для Хотеева едва ли не обвинением во вредительстве. Кроме того, была у него надежда, что члены комиссии легко извлекут из куба ту степень, при которой высота его равна его площади). Тихон Светозарович делал упор на то, что кроме прочих невыгод, Хотеев так-таки не избежал в своем варианте строительства двухсотпятидесятикилометрового канала. Земляные работы превышали по объему миллиард кубометров, причем трасса, намеченная по линейке, шла в плавнух, с выемками грунта до тридцати с лишним метров.

В варианте Москаналстроя канал на сотню километров короче, земляных работ почти вдесятеро меньше, а глубина выемок редко где превышала двенадцатиметровую отметку. Малышевский проект предусматривал водонапорные шлюзы, но затраты на них не шли в сравнение с тем колоссальным убытком, какой принесло бы затопление пахотных угодий. Наконец, еще одно обстоятельство, немаловажное для атмосферы тех лет, было в пользу Малышева: хотеевская плотина на таила в себе огромную разрушительную силу — в случае ее прорыва волна, достигающая высоты пятиэтажного дома, могла опустошить город. «Так всегда бывает, — уже не с трибуны, а в узком кругу друзей говорил он, — когда порок оказывается не случайным, а вытекает из порочной идеи».

После обстоятельного, спокойного сообщения Малышева участникам обсуждения казалось кощунственным произносить само слово — самотек. Но партийная принципиальность требовала ясной оценки, и начальник Главэлектро — Глеб Максимилианович Кржижановский — громко сказал с трибуны:

— Я враг самотека как в технической, так и в партийной жизни.

Правительство утвердило проект, в основе которого лежали разработки Москаналстроя.

* * *

Одна откровенность порождает другую, доверие сближает людей, и Анка, движимая признательностью к Даше за ее рассказ, почувст-

вовала себя как бы в долгу перед ней. Хотелось самой рассказать о стройке, о том, что хорошо знала, а так же, как Даша дело отца, Анка знала и боготворила дело Басова. Она не задумывалась, с чего начать, но интуитивно чувствовала, что в сходных ситуациях характеры становятся понятными сразу. И когда Даша, утомленная, с виноватой улыбкой откинулась на спинку дивана, говоря: «Измучила я вас совсем, да, Аня?!» — Анка, смеясь и отрицательно качая головой, подседа к ней.

— Я вот представила себе, — сказала она, — как доказывал свою правоту Малышев... А у нас ведь что-то похожее было!

— Басов?! — угадала Даша.

— Да... Посол науки на стройке, — с доброй иронией повторила она чьи-то слова, — посол, но не дипломат. И в мелочах, и в важном — он, ох, и лю-у-бит, любит стоять на своем. Поспорил с Гатилиным, начальником стройки, с Алимускиным на парткоме. А из-за чего?! Ему говорят: для нас на Аниве самое главное — подтвердить, что на вечной мерзлоте можно развивать гидроэнергетику. Для того и строим строго по плану, по графику, с соблюдением всех технических условий. А он обиделся: «Мне скучно, слишком ординарная получится стройка...» До того договорился, что мы на стройке упрощаем само понятие технического прогресса. Дескать, не мысль подгоняем, как следовало бы, а число мыслителей, рационализаторов, — для отчета. Тогда ему вопрос в лоб: «Ты — главный инженер, как сам понимаешь задачу?»

«Понимаю, — говорит, — просто и правильно: надо искать новое решение на главном направлении: туннели, котлован, плотина...»

«А с Анивой что собираешься делать?!» — главмех Силин подкинул вопрос. Тоже напрямик любит разговаривать.

«Перекрывать, разумеется!..»

«Ну да?! — смеется тот. — А как?..»

«Откуда я знаю, как! Вбить ей клин в горло, вот и будет как...»

Посоветовали ему подумать.

Но он, видимо, и тогда знал, как... Взял неожиданно вертолет, улетел к нганасанам. И что нетипично для него — никого не пригласил, будто у него там личный интерес.

Теперь не секрет, что он там делал. Расспрашивал стариков, как ведет себя Анива, когда на Вачуг-озере лед сходит, какие приметы есть на шугу, от чего уровень падает, когда, на сколько. Нганасаны — народ отзывчивый, добряки. Показывают ему то выше колена, то ниже — попробуй составь по таким данным бюллетень. Но попался умный человек, посоветовал ему: сходи в школу, там учитель географии есть, так он на сто лет вперед и на сто лет назад все знает! Учитель этот вот уже тридцать лет ведет кружок юных естествоиспытателей. И за все эти годы у него сохранились журналы наблюдений по Аниве — число, день, час — уровень воды такой-то, держится столько-то, прибавка за сутки такая-то.

«Зачем вы это делали?!» — спросил Никита.

«А мы знали, — отвечает, — что в свой срок понадобится... — И смеется: — Не век же нам было в темноте сидеть!»

За такую работу Никита распорядился передать школе комплект гидрометеорологического оборудования, — сейчас одобряем, а тогда ворчали на него: расточитель.

По традиции, когда есть важный вопрос, Никита предложил созвать расширенный партком — снова по НТР, обсудить конкретную ревизию. Собрались. Выслушали лекцию по гидротехнике.

Плотину просто так — взял да и нагородил камней — не строят. Ей должно врасти в русло, слиться с монолитом, а для этого реку

отводят в сторону или ограждают перемычками котлован, в котором сидят потом год, два, а то и больше, — расчищают дно от наслоений, углубляются до материнской породы, и зеркало, на котором ляжет основание плотины, выравнивают, как яичко, чтобы ни трещинки на нем, ни макового зернышка не было. Потом заливается подушка из сверхпрочного гидротехнического бетона, на нее блоки, то есть само тело плотины. Грубо говоря, весь объем работ делится на две категории: полезную (плотина!) и бесполезную, вынужденную (временное русло, перемычки). И отвести реку нередко обходится дороже, чем поставить самое плотину. Как у нас, например, запланировано два туннеля: малый, который будет служить для сброса паводков и регулирования уровня водохранилища, и большой, в который нужно загонять Аниву на все время работ в котловане. Легко сказать: полкилометра в скалах, сечением десять на пятнадцать метров.

Малый туннель мы уже заканчивали, а с большим задержались. И вот дорогой наш Никита Леонтьевич объявляет:

«Предлагаю, товарищи, отказаться от проходки большого туннеля и приступить к перекрытию Анивы через малый».

Минуты три в зале такое молчание, как будто все лишились дара речи. А Басов наслаждается. Но он еще и поиздеваться решил над нами:

«Если возражений нет, считаем предложение принятым...»

Тут ему такие комплименты посыпались, что и во сне не снились. Стерпел. Когда поулеглась буря, он опять со смешком:

«Всегда вот так: как революционное начинание — так в штыки...»

В Алимущкина метил. А мы сидим, думаем, чего больше в его проекте: дерзости, новизны?! Или это неотделимо одно от другого? В природе свои законы, и мысль, как вода, легко устремляется в готовое русло. Что же заставляет ее искать другой путь?! Наверное, для этого необходим талант, немислимый без смелости. Но и сила научного предвидения, прозрение! Но... Как скажешь одно «но», так сразу напрашиваются десятки других причин и условий, связанных с рождением новой идеи, но что-то, видимо, так и ускользнет, недоступное пониманию.

Никита построил свой расчет на низком расходе воды в Аниве в осенне-зимний период, — он привел цифры. Судя по ним, зимой Аниве будет просторно и в малом туннеле. С сентября по май — восемь, почти девять месяцев котлован окажется сухим — достаточный срок, чтобы заложить основание плотины. Весной напор прибавится, недостроенную плотину зальет, но... — опять это «но»! Ведь плотины возводят, не допуская через них перелива воды. Басов допускал, настаивал на нем, учитывая строгую цикличность обмеления Анивы. Да, в следующем сентябре снова будет низкий уровень. И, чтобы продолжить работы по бетонированию, с тела плотины придется сколоть небольшой гребешок. Конечные выгоды его варианта: сокращение наполовину сроков строительства с вдвое меньшей затратой средств. Иначе говоря, за время и деньги, отведенные на одну плотину, можно построить две. Эффектно.

Но какой дошлый народ у нас! Нет, чтобы радоваться, так подай им еще и слабости варианта.

«Что же вы хотите, — смеется Никита, — чтобы я сам себя и опровергал?!»

А слабости в неувязках. Необходимо предельно точно выбрать срок перекрытия. Горло прорана узкое, скорость воды большая. Чтобы сломить напор, едва хватит двадцати — двадцатипятитонных кубиков. Но хватит. Самый низкий уровень устанавливается в начале тре-

тьей декады сентября — об этом говорят данные тридцати лет систематических наблюдений (вот зачем он летал на Вачуг-озеро). А потом — вопросы согласования: с главком, министерством, со смежниками — о досрочной поставке основного оборудования. И убедил! Всех. Правда, кроме Гатилина...

— Поэтому, — спросила Даша, — Гатилина и не назначили начальником штаба перекрытия?..

— Ну... — уклончиво ответила Анка. — Главку виднее. Но партком рекомендовал Басова.

— И Алимущкин?!

— Алимущкин промашки не даст, не бойтесь! Гатилин хотел было ускорить события... У нас как? Тайны нет: раз народ требует Басова, значит, Басова! Гатилин услышал и — торопит Алимущкина: утрясайте поскорей состав штаба. А то слухи, мол, разные, и вообще — нельзя, чтобы народ распускался, когда мы только натянули вожжи. Басова следует назначить моим заместителем по штабу. Как мол, ваше мнение?..

Мнение это на парткоме и выяснилось. Указали Виктору Сергеевичу и на резкость, горячность, невыдержанность — особенно в отношениях с кадрами. Посоветовали не заигрывать с рабочими (есть у него такая слабость). Разъяснили, для ясности, что — да, за ним, Гатилиным, люди пойдут по приказу, по совести, как должно, а за Басовым — с радостью. Не отнимешь: что есть, то есть. Конечно, и авторитет, и уважение — великое дело. Басова знают с первого дня, знают, что и проект его, но главное, — это Алимущкин сказал, — главное — это спокойный, напряженно-деловой ритм в работе, который задает стройке служба главного инженера. Служба Басова.

После уже Гатилин спрашивал Алимущкина: «Не находите, Петр Евсеевич, что положение мое становится в некотором роде двусмысленным?!» А тот: «Нет, Виктор Сергеевич. На вас легла вдвое большая ответственность». — "Ну что ж, будем считать, что мы все выяснили».

...Когда в министерстве рассмотрели басовский вариант перекрытия Анивы, отец сказал Даше о Никите: "Рад, не ошибся в нем...— И добавил: — Алимущкин тоже молодец!" Почему "тоже" — сейчас стало понятнее Даше.

Она разделяла убеждения Алимущкина, что престиж человека определяется не должностью, а работой, умением, в любом деле — мастерством, и признание этого мастерства, доверие людей суть следствие, а не причина успеха. Никакие должности сами по себе не гарантируют преимуществ, во всяком случае, не могут и не должны создавать их одному человеку перед другими, особенно когда речь идет о моральном праве, об ответственности, и то, что Петр, ее Алимущкин, понимал и отстаивал это, радовало ее.

Она разделяла его тревогу о том, что можно поставить хорошую плотину, город, материализовать идею в нечто вечное, и можно будет потрогать руками каждый камень, но человека... Никите, считала она, проще, его дело — плотина, но и тут Петр спорил: да, здание человеческого духа строить сложно, но диалектика как раз в том, что все, что творим, остается на земле свидетельством нищеты или совершенства духа. Стало быть, задачи у нас общие.

"Я не молод уже, — писал он в одном из писем, — но иногда испытываю растерянность перед множеством функционеров от должности, что стоят на страже чужой мысли, как церберы, и это наиболее серьезная опасность, какая угрожает сегодня делу нашей научно-технической революции. Их нелегко узнать, у них неодинаковое обличье,

разный образовательный ценз, разное положение, но у них одинаковая суть, ибо все они из категории людишек, которые, попросту говоря, сами не могут и другим не дают. Не дай бог, чтобы кто-нибудь был лучше их. И я знаю, почему думаю об этом. Прежде нужды не было выходить из привычного круга: проект — дом, прораб — рабочие, план — будь добр, голубчик, к сроку. Раньше мне приходилось заниматься инициативой лишь в пределах месячной или квартальной нормы, это как закон. При такой суженной перспективе, как в щель, не то что мысль, — взгляд не продирался дальше месячных показателей, и где уж там было видеть и думать о надолбах на путях прогресса. Нет, не каюсь, а с ужасом думаю о губительной силе дурных привычек, о самой страшной из них — невзыскательности человека, нетребовательности к себе и другим, о рутине мысли в конце концов!.. План планом — душу надо вкладывать в дело, гореть, отстаивать себя до конца, а Анива дает простор для творчества, и, в чем Никита прав, — здесь есть возможность избежать стереотипного подхода как к человеческим проблемам, так и к проблемам техники, производства...»

Надолбы на пути прогресса отец называл жестче — "флютбетом", — его любимое словечко. Стандартное мышление, стереотипное, исключаящее малейшую степень не риска даже, а самостоятельности, новизны, для таких людей — форма защиты, если не смысл их существования. И самое парадоксальное, что многие из них представляют себя проводниками, поборниками передовых идей.

...Они говорили об этом с Анкой, забыв, кажется, о времени, но начинало светать, хотя по московским понятиям рассвет едва только забрезжил. Анка собралась на дежурство, Даша сказала, что пойдет в гостиницу. Но шла она к Алимущину. Она торопилась. Вот его дом, лестница, этаж, а на двери квартиры — записка: "Д!.. Входи, я скоро буду. Ал!..» Ниже стояло время, Даша машинально сверила со своими часами — она опоздала всего на час.

Сколько раз она представляла, как войдет, скажет непослушным голосом: "Здравствуйте!..», и Алимущин обнимет ее. А оказалось не так все, и она не знала, хорошо это или плохо. Но в ожидании этой встречи в ней просыпалось чувство, которого она не испытывала раньше. Она потянулась к Алимущину, верно угадав за его внешней сухостью и некоторой скованностью мягкий характер и доброту души, перед ним неудобно было кичиться своей иронией, и говорить с ним можно было лишь с той откровенностью, с какой сама думала о себе. И вот она пришла к нему... Прикрыла дверь и, опираясь спиной о косяк, тихо сказала:

— Здравствуйте...

В прихожей нестерпимо ярко от света. В комнате напротив виднеется что-то красное из мебели. Справа дверь в кухню, и везде свет, и тихо, и пахнет морозным воздухом с улицы, смешанным с остывшим запахом сигарет. Рядом вешалка с зеркалом и узенькая скамейка под ней. Виногато улыбнувшись, — так никто и не ответил ей, — Даша покосилась на себя в зеркало, рука непроизвольно потянулась поправить прядь, выпавшую из-под берета, но это было ни к чему теперь, и Даша сняла берет. Потом она сняла с плеча сумку, распустила пояс, взялась за пуговицы пальто, и вдруг все стало расплываться перед глазами. Одна рука зацепилась в пряжке пояса, а другой она, догадавшись, что плачет, осторожно водила под глазами, выжимая слезы, — они текли и капали на пол, на лакированные доски паркета. Отчего она плакала, Даша не знала, ведь дошла до желанного берега, и до нелепой сейчас, некрасивой улыбки на плачущем лице стыдно было сознавать, что берег оказался таким далеким. "Что это я!.. — про-

говорила Даша сквозь всхлипывания, веля себе перестать. — Ну чего я, чего?! Придет Алимускин, посмотрит, а я?! А я плачу — скажу ему, — отвечала она сама себе, — плачу вот и ничего не могу поделать...»

За спиной ее, на лестнице, сильно хлопнуло, и чьи-то осторожные шаркающие шаги приблизились к двери. Шаги, несомненно, мужские, и Даша обмерла, прислушиваясь. За дверью нерешительно потоптались, кто-то коротко, предупреждающе кашлянул, вот уже взялся за ручку (а дверь-то не заперта, Даша это точно помнила), и ей показалось, что она слышит сопение, но оно прекратилось: оба — и Даша, и тот, кто стоял за дверью, — слушали друг друга.

Даша уже и не дышала. Только сердце молотом: тук да тук! Войдет или не войдет?!

А может, и не слышал никто ее слез, может, человек встал рано и вышел на лестницу покурить?

Но шаги, когда опять раздалось шарканье шлепанцев, отдалялись от самой ее двери. И снова там кашлянули, на этот раз одобрительно, и чужая, соседская дверь захлопнулась.

Даша на цыпочках повернулась и спустила собачку на замке. "Фу, — прошептала она, рывком откидывая со лба волосы, — какая же я трусиха...» И чувствовала себя теперь за каменной стеной, да и слезы вышли — помогло!

Раздевшись, Даша прошла в комнату. Стол с телефоном, книги, бумаги, кресло возле журнального столика, обитая красным тахта, торшер немецкий. А у окна совершенно нелепое сооружение: длинное, во всю ширину стены, деревянное корыто — домашняя теплица или огород Алимускина. Из земли торчали порядком ошипанные уже пучки зеленого лука. Пожелтевший лоскут бумаги вдавлен спичкой в край грядки, на нем нечто вроде посвящения:

Алимускин,
Плоды труда горьки в твоём саду,
Но он цветет под заполярным небом
Назло пурге,
В техническом аду,
Я лук земной твой воспою.
Как пел когда-то о краюхе хлеба...

"Из творчества местных классиков», — подумала Даша. Она соврала перышко с грядки, положила на язык и сжурилась от горечи. "Нет, — решила она со смешком, — надо сказать Алимускину, чтобы посадил еще огурцы. А то бедновато для закуски».

На столе, возле телефонного аппарата, она увидела вторую записку. На свернутом листе было написано — Даше! — и она развернула, стала читать:

"Даша, Дария, родная моя! — слышался ей голос Алимускина, сдержанный и глуховатый, и в этом повторении — Даша, Дария... — растерянность его и нежность, от которой опять подкатило к горлу. — Я ждал тебя вечность, и вот ты здесь, а я не знаю, где ты сейчас. Меня вызывают на проран, но я думаю, что ты все равно придешь. Всю ночь думал о тебе, о нас, и понял, что нескладно устроен: когда что-то не так, значит, виноват я сам... Только, Даша, ты не уходи, ты нужна мне! Алимускин».

Милый, смешной, — он еще сомневается, а для нее возврата к прошлому нет. И разве он, — это она должна думать, нужна ли ему — взбалмошная и экспансивная, немножко глупая и немолодая, если уже старый мастер в салоне красоты на Новом Арбате позволил себе с вежливостью, достойной королей, заметить, что французский парик

был бы ей очень к лицу... Парик! Седая нитка, как паутина, — предвестие близкой осени.

Как не хочется думать об этом, но все равно, Алимешкин, Дария никуда не уйдет. Улетая в Барахсан, она решила предупредить отца, как будто шутя, спросила, не пора ли ей замуж?

— Пора, дочка, давно пора, — сразу сказал он.

— Ты не спрашиваешь, за кого?

— А я знаю, — ответил он, гася на губах стариковскую хитрость. — Алимешкин хороший человек, живите только счастливо.

— Откуда, папа?!

— погоди, — лукаво сощурился, — вот родишь алимушонка и вырастет он у тебя, тогда все узнаешь — и как, и откуда.

Больше они не говорили об этом, — мало было времени перед отъездом и потому, наверное, что отец каким-то образом догадывался, что у них окончательно еще не решено это. Только когда она уходила, он на минуту задержал ее руку в своей, серьезно сказал:

— Я, правда, рад за тебя.

— А за него? — спросила она.

— За него тоже, — кивнул старик, — если он не открутит мне голову за тебя. Зять-то зять, а — идейный...

— Вот уж он обрадуется твоим словам.

Отец прикрыл глаза.

В дороге, вспомнив эту сцену, Даша снова разволновалась, и больше, чем дома. Согласие отца, какая-то покорность его и дрогнувший голос, когда он говорил "я знаю", вызывали в ней жалость. Она понимала, что он действительно рад за нее, а тут ей открылось, что в жизни старого человека, в жизни Тихона Малышева, не академика, не ученого с мировым именем и учителя, воспитавшего несколько поколений специалистов, иные из которых могли бы уже и с ним поравняться славой, а в жизни ее старенького, немощного отца эта радость за дочь была, быть может, последней и оттого такой грустной и трогательной. И к Дашиной гордости за себя примешалось чувство непонятной вины, появились даже сомнения: не отказалась ли от всего ради отца?! Но уже и другое что-то, что было выше любви и привязанности к отцу, испытывала она, и не могла. В мире существовало и ежечасно рождалось и умирало множество тайн, постичь которые человек стремился, и жизнью платил за это познание, и вот оказывалось (сама память услужливо подносила ей как давнее, забытое, но где-то когда-то слышанное из далеких веков): забудешь мать и отца своего, и прилепишься к женщине, жене своей... Разве не ей и не о ней тоже были эти ветхие слова. И, выходит, одно не противоречило другому.

Отец понимал это, она же как пустой звук пропустила их однажды, и теперь истиной открывалось ей простое, извечное: семя прорастет, чтобы родить семя...

Она не задавалась сейчас вопросом, зачем природа наделила женщину красотой, во имя чего телу ее придала пропорции, формам безукоризненную округлость, мягкость и приятный цвет коже, волнистую бегучесть волосам, гибкость стану, и зачем нежный, из груди льющийся голос, и узором тонким оживлено лицо... Но она жила всем этим и чувствовала, как упругими толчками бьется в ней кровь, и тело ее, ждавшее ласки и материнства, будто поднималось и падало на волнах, и кружилась неизвестно отчего голова.

Руки ее опустились на стол, она упала на них и заплакала бы, как вдруг почудился ей телефонный звонок. Приподняв голову, она в недоумении посмотрела на аппарат, словно трубка сама должна

была заговорить с ней, вспомнила, что она у Алимущкина и одна. А трубка молчала. Алимущкин, если бы это был он, не мог звонить так коротко.

Подчиняясь внезапному порыву, Даша сняла трубку, и тотчас, будто ее звонка ждали, отозвалась телефонистка на коммутаторе:

— Алло, пятая слушает!

— Мне, пожалуйста, Алимущкина, — попросила Даша.

Недоуменный голос переспросил:

— Квартиру или штаб?! — Было, вероятно, странным, что Алимущкину звонят из квартиры Алимущкина.

— Штаб, пожалуйста.

— Соединяю!

Через минуту в трубке его голос:

— Алимущкин у аппарата.

Он произнес это четко, требовательно, звонок, видимо, оторвал его от важного разговора, а она молчала.

— Я слушаю!.. — повторил он, но голос смягчился, словно он начал догадываться, кто мог звонить ему так осторожно и нерешительно.— Даша, ты?.. Ты дома?! — переспросил он.

И она сказала:

— Да, Алимущкин, дома... Я дома, — громче повторила она, чтобы он понял.

Какое-то время на том конце провода молчали, и она подумала, что их рассоединили, но Алимущкин, прикрыв трубку ладонью, чтобы никто больше не слышал его, торопливо сказал:

— Даша, я сейчас! Ты очень нужна мне... Жди!

Она улыбнулась и, не ответив, опустила трубку на аппарат. Она была дома, и ей оставалось теперь только ждать.

VI

Гатилин не ожидал, что ночь под перекрытие, не предвещавшая неприятностей, измотает его до чертиков. Он устал и почувствовал это лишь дома, на утро, когда вышел из своего газака и сердито посмотрел на басовское окно напротив. Окно светилось. «До сих пор нежится!..» — отметил он с неприязнью. День впереди был такой, что забот хватит обоим, но Басову только предстояло начать с них, а он уже сыт по горло. Бесило, что он не видел Басова на объектах, не слышал, чтобы тот звонил на участки, о чем-то расспрашивал, беспокоился... Он отгонял от себя мысль, что и у Басова могли оказаться важные дела. Какое там! О важности у них, несомненно, разное представление. К тому же Никита молод, здоров, он не глотает валидола и мог бы пощадить нервы Гатилина. Правда, Басов не заставлял, не просил Гатилина мотаться по участкам, но разве об этом просят! Тут каждый поступает по совести, тут видно, какой воз везет каждый из них.

Гатилин торопливо поднялся в квартиру. То, что жена его, Варвара Тимофеевна, не спала в столь поздний час, не удивило его. Он не заметил ее покрасневших щек, сурового взгляда, хотя и смотрел на Варвару, пока телефонистка вызывала Басова. Телефон Никиты молчал. Гатилин безнадежно подергал провод, опустил трубку.

Он устал. Ночь в тряском газаке, прокуренные дежурки крановщиков и диспетчеров мехколонны, в сапогах, с налипшими на них комьями грязи, по хляби левого берега (где-то сбоку и сзади от экскаваторов и бульдозеров), спуск по вертикальной лестнице, черт те знает зачем, в нишу отводного туннеля, едкая пыль цемента возле бе-

тономешалок, гарь выхлопных газов при контрольной проверке самосвалов-четвертаков (Сильны КраЗы!.. — с радостным, повторившимся, как в гараже, биением сердца, отметил он), и, пожалуй, только про кухню «Белого медведя» забыл он, упустил из виду, а в ресторане тоже готовились к завтрашнему дню: это была его идея — устроить праздничный ужин для покорителей Анивы. И все усталостью, раздражением, криком и хриплой руганью, копотью и мазутом осталось в нем, вошло в поры лица, саднило в горле, отдавалось ноющей болью в руках, и, может, от всего этого его и подташнивало, но могло быть и от табака, — в горячке, в погоне за самим собой Гатилин взял у кого-то «Беломора» пачку и закурил почти после тридцатилетнего перерыва.

Все, что ни делалось прошедшей ночью, было необходимо и важно для стройки, и Гатилин в общем отвечал за это. Но завтра, нет, сегодня, его никто не спросит за нарушенный ритм — даже если такое случится, и завтра никто не доложит ему о готовности служб, участков к перекрытию. Он словно никому не был нужен в этот момент, и такая очевидность удручала пустотой, бессмысленностью его стараний. Легко было переубедить себя в обратном, но в минуту слабости даже самоуничижение кажется приятным, и Гатилин с усмешкой сравнил себя с кучером, сидящим на козлах, но без вожжей. Ироничная усмешка чуть сдвинула его пухлые губы и скоро прошла, а сомнение осталось. Почему? Не потому ли, что в сравнении было больше правды, чем хотелось?! Гатилин понял сейчас, что тревожило его ночью и гнало с участка на участок, — дело шло без него.

Мысль остановилась на этом, он не заметил, как повторил вслух:

— Возок катится без меня...

Варвара, наблюдавшая за Гатилиным, не расслышала, не разобрала его слов. Переспросить она не решилась. Слишком ожесточенным и хмурым было лицо Гатилина.

Он понимал, что дело в конце концов не в полномочиях, данных Басову. Сошла на нет сила, поднимавшая Гатилина над людьми, поднимавшая, на его взгляд, не высоко, но на дистанцию, необходимую для уважения его власти, слова и даже взгляда, в нужные минуты холодного и прицельного, блуждающего у виска. А что теперь?!

Варя чем-то двинула, проходя мимо, задела его локтем, и он поосторонился. Дома... В собственной квартире как гость. Давно надо одуматься, поговорить с собой настоящим, с тем Гатилиным, который умеет быть уравновешенным, умеет встречать неприятности и провожать их и знает, если не умом, то сердцем чувствует, что ждет там, в завтрашнем дне. Значит, надо, необходимо сосредоточиться сейчас, чтобы быть способным потом принимать решения.

Коренастый, Гатилин стоял посреди комнаты, не снимая бурой, истертой в поездках и коржовой от дождей, морозов чертовой шкуры. Рыжий меховой подклад, завернутый на рукавах, облысел до кожи. Полушубок изрядно истрепался, но еще ладно сидел на нем и грел. Гатилин давно не считал, сколько зим не снимал его. Сегодня заметно взгорбился на нем цигейковый воротник, выдавая тяжелую сутулость широких, всегда прямых плеч. Ежик волос на крупной, с прямым лбом, голове был давно седым. На столе перед Гатилиным, возле телефона, лежала вязанная Варей шерстяная шапочка с дурацким бубенчиком, сизая от цементной пыли, как и воротник кожанки. Гатилин смотрел на нее, сжав широкие челюсти, на скулах — шишками — желваки.

Он плохо слышал, о чем говорила Варя, тоже уставшая после бессонной ночи, хотя и без слов ясно было о чем, — стоило только вни-

мательно посмотреть вокруг. Она приехала в Барахсан всего на неделю, — а может, и на две, погляжу!.. — кокетливо отвечала она на ворчанье мужа, но, по правде сказать, Варвара и сама точно не знала, когда ей надоест здесь. Обычно они жили врозь: она в Москве, он на стройках, — и Варвара, дородная, щедрая на улыбку женщина, не без гордости говорила знакомым, что такая у них сложилась традиция. Традиция эта у нее в печенках сидела, и Гатилин не обольщался на сей счет.

Он не считал себя слишком честолюбивым, и все, чего добился в жизни, хотя бы и это место начальника управления строительства на Аниве, — все было прочным, основательным, все, как нельзя, отвечало его характеру, и он, хозяин своему слову и делу, не боялся тут ни бурь, ни потрясений, хотя понимал, что Анива для него не предел. Будут еще и другие берега, как не быть! Сразу после войны он работал в министерстве, но ушел. Варя-то жалеет, а он нет. Не было опыта аппаратной работы, особенно довоенного опыта, связанного с гражданским строительством. Его практика была связана с фронтом, где все делалось на живую нитку: переправы, блиндажи, опять переправы... Возможно, интуиция подсказала тогда Гатилину бесперспективность работы в аппарате. Люди, куда более знающие и искушенные в тонкостях министерской службы, ожидали очередного повышения годами и придирчиво следили за грубоватыми на вид фронтовиками, гулко чеканившими шаг в полутемных коридорах монастырского здания, где размещалось министерство. Всех их, позванивавших боевыми медалями, лихо козырявших друг другу и неохотно расстававшихся с гимнастерками, старички ядовито окрестили внеочередниками; за глаза называли так и Гатилина, с той только разницей, что в его адрес добавляли скептически: ну, этот, мол, еще подождет своей очереди! — и такое отношение к себе Гатилин угадывал по насмешливым взглядам и ехидным ухмылочкам, когда, бывало, попадал впросак. Обижаться и доказывать обратное не имело смысла, тем более, что производства, работы он не боялся, и в этом было его преимущество.

Гатилин привык, что с приездом Вари звон посуды на кухне неожиданно прерывался ее контральто — откуда-нибудь с середины строфы: «...чтобы песня по свету летела, кого-то за сердце брала». Но продолжение — «кого-то в рощу заманила, кого-то в поле увела» могло последовать через минуту, две, а то и через четверть часа. И начиналось оно непременно с той же прерванной ноты. Соловей бы не заслушался, но Гатилин. Так было на Урале, на карадагской стройке, так было еще в общежитии ДОСа безымянного поселка под Читой, куда уехал Гатилин после министерства, так было и здесь, но в Барахсане Варя удивила его еще и фикусом. Старый, в деревянной бадье, с порывевшими от пыли листьями, он стоял в коридоре конторы Гатилина, и его не знали, куда деть. И вдруг — в его собственной квартире!

— Зачем, Варя?!

— Эстетика украшает быт, — лаконично ответила она.

Голос жены показался Гатилину виноватым, и он не сразу понял, в чем дело. Расстроенная, она сердито продергивала иголку по шву новой, кажется, итальянской болоньи. Гатилин представил, как скользко похрустывал на ней этот плащ, когда в сумерках шла Варя по центральному проспекту, прижимая к груди тяжелую бадью с фикусом. Плащ натянулся, и нитки разошлись по швам.

— Сама?! — не веря, переспросил он.

— Спрашиваешь!

Ужин в тот день был не готов. Мудрено ли, если на кухне усто-

яла одна раковина. Зачем-то перекочевал туда журнальный столик, ящик с горкой битой посуды громоздился на нем, массивная четырехкомфорная электроплита — гордость барахсанских домохозяек — подрулила от окна к двери и по полу волочился за ней обрывок кабеля, с мясом выдранный из стены.

И Гатилин, чтобы хоть как-то досадить жене, с серьезностью, на какую только был способен, спросил Варю:

— А что, ванну и унитаз ты тоже переставила?

— Представь себе! Унитаз я спустила вниз, под лестницу, а ванна на чердаке.

Гатилин расхохотался. Если чувство юмора не покинуло Варю, то все ее комбинации в конце концов закончатся тем, с чего она начала, и, как только это случится, значит, она собралась уезжать. Но он не ожидал, что это произойдет так скоро.

Оглядываясь, он видел в своей квартире прежний, доваринский, — как он сам говорил, — порядок, и даже бадьи с фикусом, обернутой синей бумагой, не было.

Жаль, что сейчас ему не до острот. С Варей ясно. Куда больше раздражало, что Басов исчез перед носом, — гадай теперь, где он и что... Не хватало еще, чтобы завтра, на перекрытии, он нашел повод упрекнуть Гатилина. А ведь может... Вспомнилось, как ночью у прорана заворчал Силин, когда Гатилин разрешил было не выключать до утра прожекторы. Промах, мелочь, но зачем было Силину ссылаться при этом на Басова?! Промолчи Гаврила или Коростылев — оставь он прожекторы хотя бы до отъезда Гатилина, возможно, Виктор Сергеевич и успокоился бы давно. Мало ли что Басов!.. С Гатилина тоже ответственности никто не снимал. Да, все это и логично, и убедительно, но только не для него. Ведь факт: Басов не рыскал по стройке, а Гатилин и ему, и себе не поверил, подстраховаться решил, искал чего-то и доискался называется. Одно утешение, что стройка не газик, дверцей не хлопнешь.

Виктор Сергеевич вынул из кармана папиросы, зажег спичку, затянулся.

В конце концов может он самому себе сознаться, что ничего не сделал в эту ночь. Смотрел, ездил, мотался... Тянул с бульдозеристами трос к экскаватору, месил грязь, мял в пальцах бетон, — но все это делалось бы и без него, да и делалось. Немного толку, что он торчал у людей на глазах. И, как вздох, вырвалось у него:

— Варя, дурак, я у тебя, да?..

— Опять куришь, — сказала она печально.

— Опять... — согласился он. И добавил с безразличием в голосе, но втайне с надеждой, что для Вари это важно: — А Басов спокойно спал.

Она не понимала его сейчас. Наивная в минуты растерянности, Варя еще минуту назад думала, что он переживает ее отъезд. Боже мой, он не слышал ни слова из того, что она говорила, а повторить свою речь дважды у нее не хватило б сил.

Гатилин сунул руки в карманы полушубка, запахнулся.

— Надо ехать, — сказал он, не двигаясь.

Ехать-то было некуда.

Варя смотрела на его обветренное, потемневшее от ночной стужи лицо, на крупный нос с широкой, приплюснутой переносицей, на запяленные до красноты глаза, и такого вот — замкнутого и уставшего — ей было жаль его. Каким-то чувством она угадывала, что и сейчас он далеко от нее... И тут, — не в первый ли раз?! — она пожалела, что так нескладно, враскок, прошла-пролетела их семейная жизнь.

Погасшая папироса, прилепившаяся к пухлым, поджатым губам Гатилина, напоминала ей молодого Виктора, каким она увидела его на осоавиахимовской вышке для парашютных прыжков, где они познакомились и подружились, тогда до одурения мечтавшие о покорении воздушного океана. Но, к счастью, дальше вышки дело не пошло. Виктора забрала придирчивая медкомиссия, Варю высмеяли и отговорили родственники.

Ниточка воспоминаний, зацепившаяся за самое начало их отношений, могла не спеша размотать весь клубок. Варя не позволила себе этого. Прошлое размягчает сердце, а ей не хотелось уступать сегодня Гатилину. Не хотелось, чтобы он уступал самому себе, а так всегда получалось, когда Гатилин пренебрегал ее советами... И Варвара Тимофеевна шумно вздохнула, предупреждая о внимании.

— Виктор, — сказала она, — ты знаешь, что я...

— ...добилась степеней известных!.. Гатилин усмехнулся и повел плечом, окидывая взглядом комнату, Варю, ее туго набитые чемоданы, и продолжал, вздохнув шумно, как и она: — Знаю, Варя, знаю. Серьезные разговоры ты всегда начинаешь с этого. Ты — добилась, я, на твой взгляд, — нет. Этим начинается и кончается... Стоит ли сегодня, Варя?! Ты одной ногой в самолете, а я так и останусь здесь. Собачья жизнь, правда?!

Она, не обращая внимания на его иронию, повысила голос:

— Ты знаешь, почему я к тебе прилетела?

Почему?! Если есть особая причина, разговор об этом надо было начинать, по крайней мере, в день приезда! А что спрашивать, когда собраны чемоданы?! Дражайшая супруга потребует сейчас немедленной отправки, как будто это в Москве, когда достаточно вызвать такси, и кати на любой вокзал. Как ни удручали его такие капризы, но и к ним Виктор Сергеевич с годами привык. Хуже, что Варя не захотела ждать перекрытия, а ведь она знает, что оно для него! И что по сравнению с этим ее разговоры... Лучше бы ему выспаться — час еще смело. В такой день праздничный вид начальства для рабочих дорожке "ясной» стрелки барометра, и он, если бы знал, что Варька на чемоданах, остался бы в управлении, подремал там у себя. Ей надо, чтобы он поклялся при первой же возможности уехать в Москву. Да хоть сейчас! — и Гатилин с глуповатой ухмылкой на лице спросил:

— А правда, зачем ты приезжала?..

— Действительно!.. — Варя хмыкнула, поняв, что не с того начала разговор.

Она оценивающе посмотрела на мужа. Сам начальник управления строительства, хотелось сказать ей, — а на кого ты похож? На водопроводчика... В грязи, в цементе, рубашка пыльная, пятнами, полушубок затасканный, как подстилка. Он, видите ли, устал... Но внешность в эту минуту не обманывала ее. Это был сильный, хорошо сложенный мужчина, под крепкой броней у которого мягкое, как воск, сердце. Правда, Гатилин мог быть дерзким, вспыльчивым, но Варю давно не шокировало это, и она спокойно встречала его бесновато-холодный взгляд из-под мохнатых бровей. Он умел, когда надо, и простачком прикинуться, но если бы тогда, еще в довоенном сороковом, она знала, какой станет сама, а каким он, она подумала бы, идти ли за него... В войну он служил в саперных частях, был ранен, имел награды, но что он делал, что видел, — этого Варя не знала. Спрашивала, а он или молчал или отговаривался: "Я же цел, чего тебе еще!..» Так же мало знала о том, что он строил. Приезжала, видела — дома, школы, дороги, потом дамбы, каналы, какие-то заводы средней мощности, котлованы и гаражи, а он хвалился: это мое, это я... Все было обычным.

Со временем Гатилин становился ординарным хозяйственником, упитанным мужчиной средней плотности и, кажется, не чувствовал своей ординарности. "Уж укоризненное лицо, она часто-часто заморгала, вдруг всхлипнула и, закрывшись руками, поспешно вышла из комнаты.

Гатилин прищурился ей вслед. В самом деле обидел. Он не при-

знавал слез, но неприятно... Теперь надо ждать, сделав вид, что ничего не случилось.

Но что значит женская натура! Варя, пока шла до кухни, всплак-

нула уже неподдельно, однако же нельзя надолго оставлять Гатилина... Она сполоснула лицо и, хотя и торопилась к мужу, успела провести гребнем по волосам. На ходу привычно лизнула пальцы, поправила брови. Только того и не хватало, — думала она, — чтобы по прихоти или случайности судьбы порушилась та основа гатилинской будничности, какая возводилась и ее скрытными стараниями.

Длинное вишневое платье, сужающееся книзу, сидело на ней как-

то удобнее, ловчее, оно скрадывало излишнюю полноту фигуры и даже придавало ей стройность; короткая, молодящая Варю прическа тоже шла ей, и лицо, обрамленное прямыми русыми волосами, было строгим и свежим от анивской воды.

Гатилин широко улыбнулся, раздвинул руки обнять Варю, ибо и

без слов видно было, что она шла упасть ему на грудь, и он, давно отвыкший от нежности, поцеловал ее в теплый висок.

Еще ничего не было сказано, но уже другими глазами смотрел

Гатилин на жену, видел прежнюю расстановку мебели в квартире, упакованные чемоданы... И это так обычно, так естественно для Варвары, что он не выдержал, тихо засмеялся.

— Ты что?! — удивилась она.

— А?! — переспросил он, все еще смеясь. — Говорю: подготовилась к перекрытию?! — и кивнул на чемоданы.

— Да, — ответила она, не отрывая головы от его губ. — То есть нет, нет, конечно! Я должна остаться.

Едва уловимым движением она высвободилась из его рук, сама

положила ладони на пыльные плечи его кожанки, провела рукой по колючей щеке. И уже интонация ее голоса стала другой, она словно спрашивала теперь:

— Я должна остаться?!

Он нахмурился.

— Тебе "Ил" или "Ту" подавать?

— Виктор, — прошептала она с укоризной, — я вполне серьезно!

— Ну, да и я не шучу!

— Ты злючка, скрытный стал, — засмеялась она, — вот я и реши-

ла... Что случилось?! Расскажи! Это ведь, знаешь, как помогает... Я помогу. Если не здесь, так там, в Москве, через Хотеева, но я уверена, что твои неприятности... — она помедлила, подбирая подходящее выражение, — местного характера.

— Смотри-ка, — удивился он, скрывая, что в ее словах есть доля

правды. — Как у тебя поставлен голос, прямо пружинит! Как новые рессоры у моего газика. Где это ты научилась?

Варвара отступила от него, присела на кровать, вытянув ноги

и чуть откинувшись назад, оперлась на руки. Она смотрела перед собой, мочки ее ушей, отяжеленные подвесками с рубиновыми камнями, заалели, словно это отсветы рубиновых зерен падали на них. И хотя Гатилин видел все это, ему казалось, что Варвара по-прежнему смотрит на него, только взгляд ее стал колючим и пронизательным как...

как... Он не находил, с чем сравнить ее проницательность — точно и одним словом, но он знал, что такое же ощущение бывает, когда холодные рентгеновские лучи пронизывают грудную клетку и в их фиолетовом свечении на экране отчетливо видны не только ребра, но и темный, сжимающийся в комок, мешочек сердца. И оттого, что он думал об этом, его живое, пульсирующее сердце тоже сжалось и как будто остановилось, — всего на мгновение, и сам он, идя к Варваре, приостановился, и одна только мысль, не выражающая ни боли, ни страха, промелькнула в голове: неужели все?!

Потом-то ему стало казаться, что это было предвестие сердечного приступа. "Ну как сказать ей? Да и зачем?!" И сразу стало жарко. Гатилин неловко стянул с себя чертову шкуру, бросил на пол, взялся было за стул, но раздумал и опустился на кожанку перед Варей. Надо посидеть так немного, чтобы успокоиться. А сам, как будто шутя, а может, и серьезно, сказал ровным голосом:

— Ну что ж, присядем на дорожку, поговорим.

Варя поджала губы.

Он вспомнил, что нынче сентябрь, двадцать третье, значит, Варя пробыла в Барахсане неделю.

Высветлевший за окном синим туманом день казался впереди долгим Гатилину, и все, что было накануне, и прошлой ночью, и приезд Вари, и их разговоры о Москве, и теперь вот ее отъезд — все как бы сливалось для него в это нескончаемое сегодня. Но день двадцать третье сентября только наступал еще, и первый же Варин вопрос, бесстрастный, словно она заполняла анкету, заставил его внутренне собраться.

— Виктор, — спросила она, — тебя почему перебросили с Карадага на Барахсан?!

— Варя, Варя, вон ты какой затеяла разговор!

— Ты задумался об этом хоть раз?! — повторила она.

— Во-первых, — медленно сказал он, — меня не бросали... А вторых, Варя, ты, что, осведомлена больше меня, и у тебя своя точка зрения?!

— Ну... Представь на минуту!

— Трудно, — откровенно усмехнулся он. — Если только министры ходят к тебе лечить зубы?!

— Знаю же я, — она игнорировала его выпад, — что в последнее время ты не работал на Карадаге, а только отбивался от комиссий... Уезжала одна, приезжала другая. Дошло наконец до Москвы... С этого началось?! И если не я решала твою судьбу, а, разумеется, не я! — то это не значит... Я бы на твоём месте не спешила с выводами.

— Я тебя не просил, Варя, — нахмурился он. — Я был прав в Карадаге, и ни в чьей защите, в твоей особенно, не нуждался.

— Ну-у, какая там защита... — протянула она.

— Твоя протекция еще хуже.

Говоря, Гатилин встал, встряхнул полушубок, отыскивая в карманах силинские папиросы, а закулив, подошел к окну, и Варя долго смотрела на его усталый, напряженный затылок, откинутый назад, потому что он смотрел через окно куда-то вверх, и сзади багрово вздулась на шее складка над воротником. Наверняка он думал, как она могла узнать, через кого и что.

Да, Карадаг... Это для Вари случайный эпизод в его биографии. А для него — семь лет жизни! Что она знала. Что комиссии... Челуха все! Главное, там он стал самим собой. Он стал там Гатилиным, человеком, с которым нельзя не считаться. Карадаг не тундра, не Заполярье, но это две с половиной тысячи над уровнем моря, это три пе-

ревала по горным дорогам до основной базы. Карадаг — это горы и горы, и в них долина, разрезанная бурной речушкой, на которой они ставили плотину и от которой через скалы пробивали водовод к безводной пустыне, лежавшей внизу, и дальше, через пустыню, шесть-десять девять километров канала.

С высоты тех двух с половиной тысяч метров, на которые вознесся Карадаг, Гатилин по-иному взглянул на себя. Ничто не проходит так бесследно, и ничто не оставляет в человеке таких неизгладимых следов, как время. Он упустил момент, когда должен был подвести итоги, сверить, как говорят штурманы, заданный курс с действительным, внести поправки. Ведь отчего жизнь у людей складывается неодинаково, отчего один доволен, а другой нет? Не оттого ли, что смысл определяется тем, насколько реальную ты поставил себе цель?.. Редко бывает, чтобы путь до нее был короток и прям, идешь не один день, а годы, и приходится отворачивать и отступать, и может статься, что ты заблудился, может, и не идешь никуда, а топчешься на месте, или еще хуже — несет тебя, точно щепку, по течению. Не отсюда ли рождается угнетающее чувство бессилия перед будущим и равнодушие, что хуже, чем есть, не будет?.. Причина не в том, что он всего-навсего рядовой Гатилин, а не Андрей Бочкин или Семен Константинович Калижнюк, — легко обманываться, завидовать и объяснять их успехи силой полномочий, данных им их положением, — лишь убежденность в своей правоте, долг дают человеку главные полномочия. Он, Гатилин, знал и уступки перед совестью, и провалы в работе, но всякий раз надеялся, что еще возьмет от жизни свое. На Карадаге Гатилин понял, отчего успех и признание обходили его. Нельзя было — пахать или сеять — жить вполсилы. Превозмогать невозможное — вот чего он старательно избегал и вот на что он решился там, и победил.

Он точно уловил брожение времени, когда взял на вооружение хозрасчет. Люди воспрянули. Не мелочась, он давал им все, что нужно, он связал их общей заботой, и, как бондарь прилаживает, подгоняет одну клепку к другой, чтобы связать бочку, так и он нашел, определил каждому свое место. Не дома с балконами, не общежития с коврами, и уж тем более не подсобное хозяйство, а коллектив был главной его гордостью. "Виктор Сергеевич сказал..." — это уже все: не надо просить, приказывать, убеждать — сами сделают! Но когда оставалось только бы работать, — вдруг то на одном, то на другом участке стала показывать норов стихийная инициатива. Не сработался начальник автоколонны, ушел главный маркшейдер, а виноватым считали его... Люди стали сами принимать решения, не во вред делу, но через его голову, и коль им это, да и никому в управлении, не казалось странным, Гатилин соглашался, старательно скрывая взыгравшее самолюбие. Ему пока прощали "за старое" — грубость, нажим, крик, но уже следовало как-то перемениться, и это значило уступить им, а он не мог. Если бы ему предложили другую работу, с новыми людьми, это, — он знал по опыту, — всегда легче. Пока сработаешься, то да се, ты притрешься, к тебе, а там привыкнут.

В Москве с ним долго беседовал Хотеев из кадрового управления. Гатилин почти не знал его и к молве о всесильности этого человека относился скептически. Однако же с легкой руки Хотеева его личное дело попало к Малышеву. Тот почему-то воспринял это как недоразумение, но Гатилиным заинтересовался.

Виктор Сергеевич разоткровенничался с ним, рассказывал, как трудно стало командовать. Раньше труднее жилось и работалось, но проще, на доске было мало фигур, а теперь, — засмеялся он, — при ученых пешках и ферзь не в счет.

— Явление?! В чем же причина? — спросил Малышев.

— В том, видимо, — ответил Гатилин, взвешивая каждое слово, потому что причина эта больше всего была его самого, — что материальный стимул перестает быть главной пружиной нажима на людей, на их психику. Каждый хочет работать красиво, воспринимая труд не как обязанность, а как удовольствие. Создать такие условия на практике трудно, но еще хуже, когда этого не понимают, не могут или не хотят понять...

Да-а, — подхватил Малышев, — там, где сегодня молодежь, по-старому ничего не сделаешь. И справедливо: за ними стратегическая перспектива! Но наш опыт им еще пригодится.

Наблюдая гостя, Малышев, видимо, заметил, что тот не лишен честолюбия, но это не самый страшный из земных грехов. Гатилин показался ему деловым, зрелым хозяйственником, судя по биографии, накопившим немалый опыт в строительстве. Упругий, ладно сбитый крепыш, Гатилин держался без ложной скромности и самодовольства, был нетороплив в движениях, за внешней манерой угадывалась внутренняя собранность, привычка думать, и Малышев не стал скрывать, что доволен знакомством с ним. Прощаясь, сказал:

— Петру Степановичу, по-моему, как раз такой человек и нужен, как вы.

— Какому Петру Степановичу? — не понял Гатилин.

— Министру, разумеется! — засмеялся Малышев, а Гатилин ступившись, у него не хватило смелости спросить, о чем речь.

Выйдя из министерства уже с назначением, он хотел сразу помчаться к Варе, но невыносимо было торчать в ожидании ее полтора часа в пропавшей нашатырем поликлинике, и он, взяв на площади Ногина такси, неопределенно махнул рукой. Карадаг с тридцатиградусной жарой, низким давлением и песчаными бурями был теперь далеким и маленьким, будто он пролетал над ним на высоте восемь тысяч шестьсот, а Анива казалась где-то рядом, стоило лишь проехать на красный огонь светофора, и он крикнул шоферу:

— Гони, куда хочешь, только на скорости!

Шофер вывел машину на набережную, покрутил по незнакомым Гатилину улицам, и спустя четверть часа они выскочили на большую кольцевую дорогу. Красная полоска указателя скорости на спидометре поползла, точно ртутный столбик, к ста, ста двадцати, и он говорил шоферу, молодому белокрысому парню, который, может, сам впервые ехал на такой скорости: "Ты не бойся, все штрафы мои, лишь бы колеса шуршали! И колеса шуршали, пели, ревели, машина дребезжала капотом на побитом асфальте, а Гатилин жалел, что у "Волги" несъемный верх. Сейчас бы ветер, чтоб перехватило дыхание! Он выворачивал навстречу потоку узенький треугольник ветрового стекла, и парень в темно-синей фуражке с желтой кокардой смеялся вместе с лихачом пассажиром, думая, то ли это артист или фокусник, только бы не фокусник, — а то семечки-то щелкают на счетчике! — и рассказывал все скучные, неинтересные анекдоты, но оба они смеялись, и Гатилин решил, что дома обязательно рассмешит этими анекдотами Варю.

Москва кружила от Гатилина справа, сверкая многоэтажьем новостроек, а слева, за высокой кольцевой насыпью мелькали редкие заводики и старые деревнюшки, доживающие свой век. Там, в тихих, сонных избах, словно не было и нет никакой жизни, — они смотрелись, как декорации, и Гатилин думал, что все большое и настоящее начинается здесь, у поворота на Домодедово! Он уже жил ожиданием предстоящего полета, ему заранее были приятны семь часов в воздухе

под присмотром куколки из Аэрофлота, а там... Здравствуй, Ани-ва!.. Здравствуйте, товарищ Гатилин.

Варя, когда они заехали за ней, покосилась на счетчик.

— Шеф, — произнесла она раздраженно, — переключите свой прибор.

— Да брось... — остановил Гатилин, — скажи лучше, сколько самолет стоит?... Миллион, а?!

— Ну и что?!

— Год работать надо! — это один типчик сказал.

— Не смешно, — отрезала она. — Или тебя с должности сняли, радуешься так?!

— Наоборот!

Он восторженно рассказал о назначении; Варя, порасспросив подробности, нравоучительно вздохнула.

— Ничего из тебя не получится. Ты уже там, — пропеллером покрутила она над головой, — а какие у тебя связи, ты думал, позаботился?! Хотя бы в "Пекин" людей пригласил, а ты небось и конфетку секретарше не дал.

Действительно, кроме деловых, служебных, других связей у него не было. Может быть, все это время Варя наверстывала упущенное им?! Иначе, с чего бы тогда ей говорить о Карадаге и ставить это в прямую зависимость с Барахсаном.

Отойдя от окна, Гатилин сел у стола напротив Вари, на всякий случай к телефону поближе, и, скрывая за равнодушием усталость, спросил ее:

— Ты начала что-то о Карадаге? Какие аналогии тебя беспокоят?

Варя чуть улыбнулась. Она будто читала его мысли. Что волнует ее? Диссертация есть. Так, может, деньги, машина, дача — знаки достояния и рабства человека в век прогресса?! А-а, что деньги! Они всегда утекают из рук. Погоня за благополучием похожа на ловлю солнечного зайчика, которым дразнят тебя через зеркало: ты его тут накрываешь, а он там, ты одно покупаешь, а завтра другое выкинули, и так без конца.

Она искала что-то более прочное, незыблемое, неколебимое. Не просто было различить его среди пестроты и обилия благ, каких много нынче на виду у всех. Ей открылось, что вещи сами по себе особой ценности не представляют, важна идея, которую они олицетворяют. Но и абстрактная идея не удовлетворяла Варю. То, что она искала, к чему стремилась, что вот уже несколько лет не давало покоя, называлось скромно: положение, и она считала себя вправе рассчитывать на такое, где, как выразился однажды Хотеев, Александр Михайлович, есть только равные среди великих. Занять положение предстояло, собственно, Гатилину, но и она, Варя, вошла бы с ним в этот круг на правах жены. Шанс был близок и возможен, но сейчас он уплывал из-под носа Гатилина, а ее тюха делал вид, что не догадывается ни о чем.

— Да, мой хороший, да! — Варя дала волю словам: — Ты неплохо устроился — сам тут, жена на отшибе. Ни горя, ни забот, и никаких тебе семейных передраг. Ради чего такие жертвы?! Подумай, одно слово — дочь! — а тебе сказать нечего. Выросла, воспитали люди добрые, она же — отца не знает... А я?! Мыкалась между вами, как маршрутка между вокзалами. Не думай, что я нарочно собрала сейчас упреки в кучу. Тебе трудно было на Карадаге, и, если бы Хотеев не вытянул тебя оттуда, где бы ты был?! Молчишь?! Вот то-то! А здесь — я приехала, на носу перекрытие, а о том, что ты отстранен, узнаю от других. Для тебя это в порядке вещей, правда?! А я ведь

помню, какие ты строил планы, когда тебя назначали сюда. Помолодел прямо; испугалась, уж не бросит ли... Ну ты посмотри, не отводи глаза. Начальник управления месит руками грязь... Не смешно разве?! На что ты рассчитываешь? Хотеева игнорировал — факт, между прочим, печальный: это он свел тебя со старым либералом, как его... Малышевым! И на днях, перед отъездом сюда, я снова разговаривала о тебе с Хотеевым. Не бойся — конфиденциально! Я еще не дура... Как спрашиваю, Гатилин?.. Он — он! — пожал плечами: пока, дескать, котируется, хорошее мнение, но перспектива... Что-то странное, говорит, творится там в Барахсане. Окончательно не разобрались, но когда начальника управления отстраняют от перекрытия... Ну, достиг, думаю.

— Варя! — хрипло выкрикнул Гатилин и пристукнул ладонью по столу.

— Не перебивай! — усмехнулась она. — И научись наконец правильно относиться к критике, хотя бы моей. Я знаю, ты благородный человек, и могу понять тебя, когда ты думал, что Анива для Басова — его первая станция, от начала и до конца его. Так, ну, а для тебя?! А если последняя?! Видишь, как ты поторопился... При этом будущее Басова в любом случае обеспечено! А твое?!

— Ты кончила? — глухо спросил Гатилин.

— Чудак... Разве можно одним разговором исправить ошибки жизни!

Гатилин сощурился от едкого дыма, текшего тонкой струйкой с кончика папиросы, затаился последний раз и не спеша загасил окурок. Поднялся и вдруг трахнул кулаком по столу. Блюдце с окурками подпрыгнуло. Варя всхлипнула в углу, испугалась.

«Убедил!..» — подумал Гатилин и перевел дух. Отпустив пояс и забыв расстегнуть на воротнике пуговицу, он рывком сдернул со спины рубашу. Пуговица отлетела.

— Подумай, — сказал он отходчиво, — что ты хочешь, куда лезешь. — И, уже из коридора на кухню, буркнул, словно это был единственный упрек, который он мог ей бросить: — Сперва, чем с Хотеевым советоваться, не мешало меня спросить.

Варя благоразумно смолчала. Хорошо и то, что он выслушал ее. А спешить тут ни к чему. Надо, чтобы ему казалось, что он сам до всего додумался.

Окончание следует.

ЛИТЕРАТОРЫ КДВО

В мае в Хабаровске прошел семинар молодых авторов, работающих над военно-патриотической темой. Среди участников семинара были военные журналисты, офицеры и рядовые Краснознаменного Дальневосточного военного округа. В этом номере наш журнал публикует произведения участников семинара.

Борис РЕПИН

* * *

Знаю, многое простится.
Было — былью порастет.
Время, как хвостом лисица.
След за нами заметет.

Снег бесшумно в снег ложится,
И бессрочный ждет привал.
Почему же мне не спится
В теплых лапах одеял?

Почему не сплю, а снится
Поле русское в огне?
Видно, мне не откреститься
От чего-то там во мне.

Видно, я, покуда буду
Быть у памяти в плену,
Все никак не позабуду
Распроклятую войну.

* * *

Бьет пулемет — не поднять головы.
Как по камням громыкает телега.
Головы кружит нам запах травы,
Что поднялась из-под талого снега.

Как тяжелеет от влаги шинель.
Утро пробилось полоской рассвета.
Вот и опять на исходе апрель.
И не мешало дожить бы до лета.

Знать бы, что будет потом, после нас.
Сбудутся ль сны, что порой и не снятся?
Чтобы увидеть все. надо подняться
— Встать! — по цепи раздается приказ.

МИНОМЕТ

Мы бой ведем на краешке села.
Ребята пляшут около ствола —
Мой дружный, мой расчетливый расчет,
Он дням войны давно утратил счет.

А миномет горяч, как самовар,
Родимый, тульский, бьет он наповал.
Пусть недолет и следом перелет,
Работает исправно миномет.

Я третью мину точно положу,
Я третьей цель любую поражу.
А из-за дымных взорванных высот
На нас другой нацелен миномет.

Ревет огонь, и землю рвет металл.
И ведь никто убитых не считал.
А смерть слепа, мы перед ней равны,
Хоть никакой и нет на нас вины.

Нет ни большой, ни малой — видит бог.
Не видит он, а то бы нам помог.
И потому мы верим в миномет,
Уж он-то ни за что не подведет.

СОЛДАТСКАЯ ДОРОГА

Шли солдаты по полю,
Сапогами топали.
Путь военный бесконечным был.
Спрашивали бабы их:
— Далеко ли, соколы?
Но ответить воинам
Не хватало сил.

Плыли тучи по небу,
Словно стаи воронов,
А солдатам под ноги
Все ложился путь.

Шли на запад воины
По дороге родины,
Головы уронены на грудь.

Голосочек тоненький
Вдруг раздался:
— Тетеньки!
Очи-то закрыты у солдат.
— Тише, тише, доченька.
Сна — ни днем, ни ночью им.
Не буди их, милая,
Пусть они поспят.

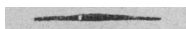
ЗАКАТ

Когда под вечер вновь закат
Окрасится в багровый цвет,
Я вижу в зареве солдат.
Которых знал,
Которых нет.

Мираж?
Нет, это не мираж.
Я слышу пулеметный лай,
И как сердито взводный наш
Кричит в ночи:
— Не отставай!

— Не отставай! —
Летит вдогон,
Хоть оттремел последний бой,
Но нерушима связь времен,
Цепи нервущейся одной.

— Не отставай!
И я иду,
Чтоб вечно продолжался след.
Вся жизнь должна быть на виду,
Иначе жизни просто нет.

Андрей НИКАНОРОВ

ПОИСК

ПОВЕСТЬ

Над степью вторую неделю лил затяжной дождь. Поля покрылись водой; рыхлый чернозем глубоко пропитался влагой, сделав трудно проходимыми даже дороги. Воспользовавшись этим, гитлеровцы переправились на правый берег Ингульца и спешно организовали оборону. Попытки 68-й механизированной бригады пятой танковой армии с ходу сломить сопротивление врага и развить наступление не увенчались успехом.

Нужны были точные сведения о составе и силе противника. Добыть их было приказано группе разведчиков под командованием старшины Ивана Жукова.

...Из ночного поиска разведчики вернулись злыми и подавленными. Было от чего. У гитлеровской передовой они были обнаружены. Потеряв несколько человек в неравном бою, поисковая группа была вынуждена отойти.

Разведчики молча снимали снаряжение, мокрые плащ-накидки, вдоль стены мазанки составляли в ряд автоматы, а я беспокожно оглядывал вернувшихся. Василия Коблова, Ивана Хохлова, Юрия Гриба нет среди них. «Где же они?» Заныло сердце.

В роту разведки я попал месяц назад. В то утро, когда нас, запасников, распределяли по подразделениям, изрядно поредевшим в многодневных боях, появился невысокого роста, чрезвычайно подвижный капитан. Над верхней губой его едва пробивался пушок, а покрытые румянцем щеки, по всему видно, еще не знали бритвы. Глаза у капитана серые, лукавые, освещенные мальчишеской улыбкой. Но не это привлекало внимание маршевиков — боевые награды офицера. Вся его грудь была в орденах и медалях, они мелодично позванивали в такт шагов. — «Вот бы мне столько, — подумалось. — То-то отец порадовался бы!»

— Ишь ты! Поднахватал! А где? — прошептал стоявший слева от меня солдат. — В бою-то не больно...

Солдат этот был неприятен мне с первого часа знакомства, когда нашу маршевую роту погружали в эшелон. Хмурый, всем недовольный. И фамилию он носил соответственно своему облику — Бирюков.

А мне капитан сразу понравился. Энергичный, с открытым лицом, улыбчивый. «Видно, хороший, надежный человека, — подумал я и отодвинулся от соседа.

— Я командир разведроты, — назвался офицер, — Ханин, Василий Тимофеевич. Кто хочет ко мне, орлы?

— Как Ваня? — тихо спросил меня сосед справа, худенький, темноволосый Александр Харламов. И шагнул вперед. А за ним, с сжавшимся сердцем, и я.

— Раз, два, три... — считал капитан. "Сейчас до меня, дойдет.

Может, назад? Может, еще не поздно?» Я топчусь в нерешительности на месте и вижу на себе изучающий взгляд капитана.

— Фамилия?

— Иванов.

— Звать?

— Иваном.

— Ну вот, Иван Иванов, будем вместе воевать...

Четверть часа спустя я стоял у домика с обвалившейся крышей. Здесь жили разведчики.

— Откуда родом то?

— Из-под Тулы я...

— Самоварник, значит. Ну, брат, сразу видно, дашь фрицам ко-
поти.

Смеются разведчики. Смеюсь и я с ними.

— Чего гогочете, — прикрикнул подкативший шариком старшина. — Вновь прибывшие поди не ели со вчерашнего дня. Верно говорю?

Так началась моя служба в роте разведки.

Пламя оружейной гильзы-коптелки колыхалось при каждом движении разведчиков, освещая угрюмые лица и поблескивающие глаза.

В удачливые дни бывает шумно у разведчиков. Острил Василий Коблов, сыпал каламбуры Иван Хохлов. В последнее время больше подшучивали над моим промахом. Отступлю немного, расскажу коротко.

Вечером наша группа вышла в ночной поиск. Задача была не-
сложной: занять на передовой место для наблюдения и засекать по
вспышкам огневые цели, начертание переднего края врага.

— Ты, Ваня, смотри не задремай, — напутствовал Василий Коблов. — А то тут недавно случай был. Заснул у нас один. А проснулся уже у немцев в лапах. Как сцапали ума не приложу!

— Не-е. Я не таковский...

— Ну, то-то же. Держись, Ваня!

Немцы стреляли редко, наугад, больше пуляли вверх ра-
кеты. Изредка раздавались откуда-то из тыла оружейные раскаты.
Но снаряды летели где-то высоко в стороне.

Так прошел час, второй...

Вдруг слышу: «Ауфштейн!» Молчать, значит. «Ком гир. Капут».

Понял, влип я! Двое крепко держат за руки. Ноги сделались ват-
ными, а по всему телу — обильный пот. «Попа! Заснул, дурак!» —
Руки стиснуты и автомат, как на грех, за спиной. А немец опять: «Мол-
чать. Капут. Ком гир». Разведчик... Тут я рванул в сторону. Будто
танк, силенки мне не занимать. Немцы как шары отлетели. Что есть
духу пустился в темноту. Ждал выстрелов, автоматных очередей, но
только «Хальт! Хенде хох» неслось вдогонку. Сколько пробежал, не
знаю. Весь мокрый, с бьющимся сердцем остановился, прислушался.
Донеслись громыхание телеги, почмокивание и мирный такой голос:
«Но, милая, но! Счас будем кормить наших солдатушек».

Обессиленный сел прямо на землю. Готовый заплакать от пере-
житого и от досады на самого себя.

На рассвете приволокся в подразделение. Всю дорогу терзался
мыслью: «Всю группу подвел. Что скажу командиру!»

Из хаты вышел Василий Коблов. «Хорошо бегаешь, Ваня! Для

разведчика, бегать хорошо — достоинство! И дерешься ничего себе», — сказал, улыбаясь, Коблов и потер себе шею. Тут я все понял: разыграли меня разведчики. Учили и проверяли!

Но сегодня ребята не смеялись даже надо мной. По всему чувствовалось, вот-вот обозначится вспышка. И она произошла.

— Я говорил, при такой погоде большой группой идти за «языком» плохо! — горячился азербайджанец Гусейн Гусейнов. — Не хорошо такой группе идти. Надо — трем, четырем. Я, ты, он. Зачем не послушались?... Ваню Хохлова, Васю Коблова, Гриба Юру потеряли! Потеряли, да?

Тихо в домишке. Слышится только шумное дыхание рядового Николая Бузина, с трудом снимающего размокшие ботинки, да удары капель: кап-кап-кап...

— Послушались, не послушались, — раздраженно проговорил он, — пымашь, не в том дело. Искать надо, где промашку дали. А погода, что ж погода-то... Добрая, пымашь, погода.

Николая Ивановича звали в разведроту «медвежатником». И не только потому, что разведчик обладал богатырской статью и силой, почему он и являлся непременным участником группы захвата. Когда-то в гражданке Николай Иванович повстречался в тайге с медведем. В смертельной схватке он поборол зверя, шкуру принес домой, хотя сам чуть-чуть не потерял свою и стал на всю округу, на всю жизнь «медвежатником».

«Медвежатник» за Николаем Ивановичем Бузиным укрепилось окончательно после такого случая.

Поисковая группа бесшумно проникла в немецкие траншеи и начала подбираться к блиндажу, в котором укрылся немецкий взвод. Николай Иванович буквально столкнулся с гитлеровским ракетчиком. Кинулся к нему и железно сдвинул шею.

Всякое видел Николай Иванович, но тут и он обомлел. На чистом русском языке на одном дыхании немец заверещал: «Что ты делаешь медведь. Задушишь!..» — «Никак ошибся, свой», — мелькнула тревожная мысль.

— Извините, — сказал Бузин деликатно, как в гражданке, и разжал дрожащие пальцы. Немец тяжело поднялся и так двинул ему в челюсть, что Николай Иванович качнулся.

— Ах ты, паршивец, так ты, пымашь, гитлеровец!

Он так хватил его кулаком, что немец потерял сознание. Как ни отбивался потом ракетчик, как не крутился, а приволок его Николай Иванович, куда полагалось.

В беседах Николай Иванович довольно часто и порой даже ни к месту вставлял слово «пымашь». Разведчики знали это, подшучивали, а сейчас не до шуток.

— Пымашь! Искать, что это даст? — зло бросил сержант Алексей Трубицын. — Ребят не вернешь!

— Хватит препираться, — оборвал реплики старшина Жуков. — Все, точка!

Иван Жуков не взял ростом, зато широк в плечах. Лицо круглое, с густым румянцем на щеках, взгляд глубоко посаженных карих глаз, цепкий, настороженный. Густые темные брови почти всегда сдвинуты, а толстые губы, казалось бы, никогда не улыбались. Говорил мало, отрывисто и словно простуженным голосом.

— С тебя, Иван Васильевич, Соловья-разбойника рисовать, — как-то сказал командир роты Василий Тимофеевич Ханин. — Впрочем, для разведчика вполне подходишь. Немцы таких особенно бо-
ятся.

— Да уж знаю, что не Аполлон Бельведерский.

Об Аполлоне Бельведерском Иван Жуков услышал от Семена Бориновского, маленького, внешне хилого человека. В предвоенные годы Семен учился в Москве в консерватории. А когда началась война и враг подошел к столице, он ушел добровольцем в армию. Командир отказался было взять его в разведку. Но, узнав, что Бориновский — музыкант, махнул рукой: «Ладно, весели людей!» Хорошо зная искусство, Бориновский нередко увлекательно рассказывал о музыке, живописи, ваянии. В одной из таких бесед Жуков услышал об Аполлоне Бельведерском. Будто слепил древний скульптор могучего телом мужчину, и вот уже две с лишним тысячи лет эта скульптура удивляет всех своей красотой.

— Да, — повторил Жуков. — Не Аполлон Бельведерский.

Разведчики хорошо знали крутой нрав взводного, его храбрость и необузданный гнев и потому и уважали и боялись его в меру. В роте разное говорили о командире взвода. Будто во время хасанских событий в одном из боев он уничтожил до трех десятков самураев, раненый, не покинул взвод. Будто ему как герою вручил орден в Москве сам Михаил Иванович Калинин. И еще ходил слух, будто он женился на красавице-японке, но она изменила ему и бежала в стан врагов. Многое говорили, да ведь язык без костей, пять коробов наплесть может. А поди узнай — правда ли это?

Иван о себе не рассказывал. И вообще на житейские темы разговаривал редко.

Спросил его как-то Алексей Дубинин: «Правда ли, что он в Кремле был и Калинина видел?»

— Предположим.

— А верно ли, что женка сбежала?

— А зачем это тебе?

— Просто так.

— Просто так никому и никогда вопросов не задавай. Все, точка!

Разговор этот проходил в присутствии многих. Больше к этой теме никто не возвращался.

В отношениях с людьми Жуков был строг, но справедлив. Несмотря на фронтовые условия, панибратства не допускал. Только троем — Алексею Трубицыну, Ивану Бочкареву да Николаю Бузину — он позволял называть себя по имени и отчеству. В последние месяцы ребята будто слышали, что называл его Иваном рядовой Василий Коблов. Но это опять же солдатские разговоры.

Подчиненные, несмотря на строгость взводного, уважали его. И началось это после одного случая. Во взводе происходили странные вещи: то вдруг кто-нибудь в вещмешке обнаружит пачку махры, то пайку сахару. А однажды, проснувшись, рядовой Гусейн Гусейнов увидел вместо мокрых портянок в ботинках — чистые сухие. Три часа назад, на рассвете, разведчики возвратились с задания. Мокрые, усталые легли прямо на пол и заснули мертвецким сном. И вот... Не хозяйка ли? Спросил у нее, спросил еще у одного-другого.

— Благодарю взводного. Это его забота, — заметил тихо Алексей Дубинин. — Сегодня мне почудилось, что наклонился кто-то надо мной. Открыл глаза. Притворился будто сплю, а сам наблюдаю. А это — Жуков! Приподнял чьи-то ботинки, поставил, что-то сунул в них. И неслышненько ушел на примост, где отдыхал.

— Спасибо вам, товарищ старшина, — уловив момент, сказал Гусейн.

— Это за что?

— За сухие теплые портянки.

— Какие портянки? Я вот, товарищ Гусейнов, автомат твой посмотрел, а в нем хоть воробьям гнезда вить.

— Да я только вчера...

— Понятно? Все, точка!

Этой фразой он заканчивал не только беседы, но даже и приказы на организацию поиска. Возражений не любил. А если кто вдруг пустился в рассуждения — старшина сверкнет глазами, и виновный умолкал.

Сказав свое «все, точка», старшина часами не разжимал губ, о чем-то думал. Но сегодня вдруг изменил своей привычке. После небольшой паузы, добавил: «Анатолий, Прокуронов, помянем друзей...»

Жуков молча разлил по кружкам по сто граммов фронтowych.

— Пусть им будет пухом земля! — сказал он, нахмурившись, снял шапку и одним глотком опрокинул содержимое в рот.

— А сейчас, спать. Главное дело впереди. Все, точка!

Никто не произнес ни слова. Разведчики завернулись в плащ-накидки и умолкли.

В ночной поиск в этот раз я не ходил. Накануне наша группа под командованием старшего сержанта Ивана Бочкарева просочилась в тыл врага. Засекла сосредоточения артиллерийских батарей, немецких танков, бронемашин и направилась домой. Перед самым переходом вражеского переднего края наткнулись на гитлеровских артиллеристов. Несколько солдат, беспечно напевая, сновали по позициям.

— Влипли!

Мне не приходилось вот так с глазу на глаз встречаться с врагами. И потому сердце будто кто-то холодной и сильной рукой сжал. Что делать? Можно бесшумно снять всю прислугу. Но поодаль от артиллерийской позиции немецкая пехота оборудовала окопы. По-видимому, противник совсем недавно подтянул резервы или перебросил сюда какую-то часть с другого участка.

— Спокойно, — прошептал Бочкарев, опуская руку под ремень автомата. — Ни звука! Глазами следите за фрицами.

Я иду пятым, замыкающим группу. Впереди меня Саша Харламов. Кошу глаза в сторону вражеской батареи. «Кажется, быть заварухе!»

Гитлеровцы присматривались к нам. Один крикнул что-то и весело захохотал. «Опознали!» Правая рука машинально подалась вверх, ремень автомата скользнул по плечу, и дуло подалось вперед. Сейчас, как только немец нагнется за оружием, упаду вон за ту кочку и польхну всем диском. Я напрягся, чтобы сделать прыжок, но тут услышал тихий голос Бочкарева:

— Володя Кернер, что он там ржет?

— Идите, идите, — говорит, — русские коммунисты тут недалеко. Они вам перца в зад всыпят.

Артиллеристы, посмеявшись нам вслед, вновь принялись за работу. Потеряли к нам интерес и вражеские пехотинцы.

Тут только я стал успокаиваться. «На нас ведь немецкое обмундирование! За своих признали!»

Сумерки сгущались. Из разорванных облаков на нашу радость брызнули капли холодного осеннего дождя. Потянул северный ветерок. «Все, прошли», — пела и радовалась душа.

Но тут вдруг позади затрещали пулеметы и автоматы. С противным «цвик, цвик» засвистели пули. Послышались голоса. «Русс, русс...»

Низко пригибаясь к земле, мы бросились в лесопосадку, затем в балку.

— Тут они нас не достанут, а сунутся — по зубам получают, правда, тезка? — обратился ко мне Иван Бочкарев.

— Правда, — ответил Харламов.

— А у него, что языка нет?

— Есть. Но он от страха прилип у него к нёбу.

Я посмотрел на своего неразлучного друга и облегченно засмеялся.

Саша мой одноклассник. Ему тоже восемнадцать. Лицо смуглое, глаза карие, брови темные вразлет.

Дома нас ожидала приятная новость. «За мужество и героизм, — как говорилось в приказе, — проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками» орденом Красной Звезды наградили Ивана Жукова, Василия Коблова, Ивана Хохлова, Ивана Бочкарева. Медалью «За отвагу» отметили меня.

— Молодец, товарищ Иванов, — сказал капитан Ханин. — Будешь ты хорошим разведчиком! Туляки, брат, — отважный народ!

Подошел наш парторг Владимир Иванович Хрусталеv. Он обнял меня, как сына: «Ну, поздравляю, Ваня, с первой наградой».

Бой тот был для меня особенно памятным. Развернувшись в линию, немецкие танки стремительно приближались к нашим позициям. Окопов мы не успели отрыть. Использовали естественные укрытия. Я устроился в небольшой промоине, на гребне балки. Выстрелы орудий, взрывы снарядов, треск пулеметов и автоматов, лязг гусениц парализовали мою волю. «Конец, неужели конец?» — металась тревожная мысль, и тугой комок, подкатываясь к горлу, перехватывал дыхание. В один миг и это свинцовое небо, и грязная стерня с охапками соломы стали такими близкими и дорогими! Я вскинул голову, чтобы еще раз посмотреть на все это и застыл в изумлении. Наперерез фашистскому танку бежал Василий Коблов. Вот он взмахнул рукой. Раздался взрыв. Танк вздрогнул и застыл на месте. Другой направился на Жукова. И так же, как Коблов, на пути его встал наш угрюмый старшина. Одно из стальных чудовищ, обойдя подбитый старшиной танк, направилось прямо на промоину, в которой находился я. Мягкие комья земли летели из-под блестящих гусениц в стороны.

«Бежать, немедленно вниз, в балку! — возникла предательская мысль. — Раздавит!» Я оглянулся. Чуть пригнувшись, стоя на одном колене, изготовился к броску гранаты Бочкарев. Сосредоточенно вел огонь Алексей Дубинин. «Что же это я. Гранаты-то у меня тоже есть!» Грозда танка наваливалась на меня. Башня его чуть развернулась. Я сжался в комок. Из ствола вырвался сноп огня.

— Иванов!..

«Жуков! Убьет, не пожалеет».

Не помня и не видя уже ничего, кроме вражеской машины, я выбросил себя из укрытия и через секунду был у цели. Взрыв потряс воздух. Танк остановился, и над жалюзи вспыхнуло пламя.

...Спать не хотелось. Я лежал на соломенной подстилке, смотрел в темный квадратик окна, за которым монотонно шумел дождь, и с благодарностью думал о Жукове, Коблове, Хохлове — суровых и добрых своих боевых друзьях. Вспомнился и тот случай, когда меня взяли «в плен».

— Не обижайся, — говорил в тот вечер Василий Коблов. — Неправильно мы, конечно, поступили. Но так надо. Плавать не научишь-

ся, не спустившись в воду. К тому ж речь идет о жизни твоих боевых друзей. Мы не хотели тебя с собою брать. Да настоял Жуков. Надо, говорит, потихоньку приучать. А то возьмешь на серьезное задание — пропадет, как малый дыпленок.

Воспоминания теснились в моем воспаленном мозгу, не давали заснуть.

Милые, славные друзья мои... Как-то собрались мы поужинать, Василий Коблов расстелил на скамейке газету, вытащил из вещмешка банку мясных консервов, хлеб.

— Федя Скворцов подарил консервы-то... Остановились у него карманные часы. Починил я. На, говорит. Солдату банка консервов не в тягость.

— А ты что, Василь, часовщик?

— Я же детдомовец. Все приходилось делать. А к технике сызмальства тягу питал. До войны самостоятельно освоил специальность тракториста, работал механиком в МТС.

— И родных, значит, никого?

— Есть. Жена.

— Ты уже женился?

— Да ведь мне двадцать пять. Пора.

— И как она?

— Ничего. Вчера письмо прислала. Пишет: собирали в селе средства на собственный танк. Денег не было. Так продала свое лучшее платье, которое я ей еще до замужества подарил. Молодчина она.

Начинать вскрытую банку я не осмелился. А Василий о чем-то задумался и позабыл, кажется, обо мне. Я кашлянул.

— Что ж ты сидишь, давай, Ванюш, угощайся. А у тебя-то есть родные?

— Есть... мать, отец, старый вояка. Провожал на фронт все говорил: «В нашем роду все герои...» У него георгиевский крест. До сих пор хранит. Смотри там, дескать, не струсь.

— Парень ты, ничего себе, храбрый. Не запищал, когда в «плен» тебя брали, метнул так нас, что у тезки твоего, Хохлова, и сейчас опухоль не сошла. Жуков-то об этом не знает, смотри не проговоришься. Он, брат, крутой, так не оставит. Девчонка-то небось есть?

— Валька Козырева. Со мной училась. Красивая.

— Целовал?

— Не-е... Один раз только рядом сидели.

— Плохо, Ванюш!

На мгновение я представил себе нашу Романовку. Старый барский сад с липовыми аллеями, словую рощу, пруд и Вальку в мокром ситцевом платье. Она только искупалась. Края платья прилипли к ее стройным ногам, подчеркивая тонкую красивую фигуру.

«Ну, что ты уставился или не видел человека, — смеясь, сказала она, склонив набок голову, отжимая густые пшеничного цвета волосы. — Уходи вон!»

— Не нравлюсь я ей, — признался я.

— Да, это дело такое, тонкое...

— А ты, Василь, когда первый раз девушку поцеловал?

— Так я же детдомовский. На второй вечер и поцеловал.

— И она ничего?

— Ударила по щеке. А мне, брат, хоть десять. Даже приятно.

— А потом-то как?

Коблов вдруг переменился.

— Ты ешь, ешь.

Поднялся и вышел из хаты...

Лежавший со мною рядом Николай Иванович Бузин вдруг сильно закашлялся. Я уже знал, что сейчас он поднимется и закурит. И действительно разведчик зашевелился, сел и зашуршал газетой.

Бузин докурил папиросу, затушив окурком о подошву стоявшего тут же сапога, лег, накрылся с головою шинелью и тотчас заснул.

А мне все виделась родная Романовка, рисовалось, как отец, получив письмо командира, где говорилось о моем награждении, пойдет по деревне. «В меня пошел Ванятка, — будет похвалиться он. — Георгию получил». Конечно, каждого встречного будет просить письмо прочитать, сам-то он неграмотный и, аккуратно свернув листок, пойдет до следующего встречного.

Мне думалось, что о письме узнает и Вальюшка Козырева. «Напрасно, — скажет, — я этим парнем пренебрегала. А он храбрый! Вон как проклятых фашистов лупит». Мне очень хотелось, чтобы именно так все было.

..В хате кто-то тяжело вздохнул. Значит, многие не сомкнули сегодня глаз, думали о погибших. Думали о неудавшемся поиске.

Значит, не к одному мне сон не шел. Каждый по-своему анализировал неудачу поиска, с горечью думал о павших в бою друзьях.

Думал и по-особому переживал случившееся командир взвода старшина Иван Жуков. Он еще и еще раз восстанавливал картину поиска и детали подготовки к нему. Казалось, все было предусмотрено, установлено, что оборона гитлеровцев не сплошная, окопы торчали изолированными друг от друга островками, в них располагались одиночные стрелки. Только позади угадывались оружейные позиции и закопанные в землю танки врага. Заминировать подходы гитлеровцы еще не успели, а поставить проволочные заграждения тем более.

И все же что-то не предусмотрели...

Поиск проходил так. Миновав свой передний край, группа спустилась в ложину, бесшумно форсировала вздувшуюся от дождей реку и, преодолев двести — триста метров нейтральной полосы, оказалась у цели.

Прислушались. Мелкий дождь сыпал с неба, и, казалось, не конец это ноябрю, не Украина, а осень в Подмосковье. Тихо. И нет будто войны, и нет подстерегающей тебя опасности.

— Мы, видимо, удалились в сторону и давно прошли объект, — прошептал Алексей Трубицын. — Надо взять вправо.

И в этот момент в небо с шипением вонзилась ракета. Разведчики втиснулись в грязь и в ста-ста пятидесяти метрах увидели немецкого пулеметчика. Увидел и он — их. Раздалась длинная очередь. Завязался бой.

— Отходить всем. Я прикрою. Точка! — приказал Жуков.

— Иван! Я ранен в живот, — простонал Коблов.

— Гриб, вынести раненого в тыл!

Жуков вскинул автомат и с колена ударил по светлым язычкам вражеского пулемета. Пулемет умолк.

В небо одна за другой взлетали ракеты. Вдоль переднего края замаячили фигурки фашистских солдат, послышался рокот бронетранспортеров. Пули летели над головами разведчиков, врезаясь в мягкий чернозем.

«Надо отвлечь внимание противника, иначе группа погибнет».

Старшина Жуков метнулся вправо, вдоль передовой. Отбежал. Лег и дал длинную очередь по врагу. В одно мгновение в его сторону обрушилась лавина огня. Тяжело дыша, старшина приник к земле.

«Кажется, маневр удался». Отдышавшись, ползком он все дальше и дальше уходил вправо, периодически стреляя из автомата. С беспокойством думал, что если ранят, то только бы не в ноги.

Нащупав ямку, командир взвода залег в нее и надолго умолк. Над ним, словно рой пчел, протянулись красные трассы пуль. Но себя он ничем не выдавал. «Потеряли, сейчас умолкнут, — подумал Иван Жуков. — Можно будет убираться. Группа теперь далеко отошла». И действительно. Выстрелы стали все реже, вскоре все стихло. Жуков приподнялся и мягко, по-кошачьи ступая, пригнувшись, быстро пошел в сторону реки. Через полчаса он был в низине, преодолел брод и, не доходя до своего переднего края, догнал группу.

— Все здесь?

— Хохлова и Гриба с Кобловым нет.

Вижу, как тихо поднялся старшина Жуков, подошел к окну, закурил, загораживая свет от зажигалки большой ладонью. Тяжело ему... Но если бы знать мне тогда о двойной, просто невероятной тяжести, навалившейся на него. Уже позднее, мне стала известна история трудных взаимоотношений друзей — Васи Коблова и Ивана Жукова. Вот она.

Сентябрьский день 1938 года. В новенькой с иголки формы, с орденом Красной Звезды на груди, в начищенных до блеска хромовых сапогах идет Иван Жуков вдоль села, сопровождаемый толпой земляков и вездесущих мальчишек.

Рядом — председатель колхоза Ульян Семин и мать — Прасковья Матвеевна. Иван рад такой встрече, шагает солидно, искоса бросая взгляды на деревенские хаты. Вот пятистенок Сергея Лукьяновича Гришина, вот кирпичная постройка Николая Романова, а вот хата Андрея Ратникова. Вспомнил, как в детстве. А детство-то будто вчера было! Забрался к нему в сад за арбузом. В жизни не видел, как он растет. А тут лежит среди грядок! Долго и упорно грыз плетъ. Думал, что арбуз отгрыз, а оказалось тыкву. За этим занятием и застиг его Андрей Ратников... Вот и школа, в которую Иван Жуков ходил шесть зим. На фасаде транспарант «Привет герою земляку». Грудь распирала радость, но Иван сдерживал себя. «Как героя встречают!»

Вместе с матерью, председателем, почетными жителями деревни он занял место за столом президиума. Начался митинг.

— Вот какое дело, — сказал председатель колхоза Ульян Семин. — Иван-то Жуков герой. Я хорошо знал его отца Василия Христофоровича. Лихой рубака был. И сын пошел в него. Вон сколько врагов положил и награду получил. Вот какое дело.

На митинге выступили учительница, один из школьников и сам Иван. О чем говорил, он и сам точно не помнит. Помнит только, что, выступая, не спускал глаз с черноокой дивчины, сидевшей на третьей скамейке. Слово весь рассказ предназначался ей. На девушке вышитая украинская сорочка, легкий шарфик и веночек из разноцветных лент. Глаза ее блестели, а с губ не сходила озорная улыбка. Девушка то и дело обращалась к сидевшему с ней рядом светловолосому парню и, указывая глазами на него, на Ивана, что-то говорила. Парень улыбался, радуясь каждому слову девушки, согласно кивал ей в ответ. «Счастливчик! Жених, наверное», — подумал Иван и, толкнув незаметно, сидевшую с ним рядом в президиуме мать, Прасковью Матвеевну, тихо спросил: «Чья же это, маманя?»

— Агашка, дочка беженки Ксаны Мамченко. Помнишь? Справная девка, хучь на лицо, хучь на дело. На выданье. Давно присматриваюсь к ней. Хорошая хозяйка будет.

Иван улыбнулся, втайне одобрил выбор матери.

— А рядом с ней кто?

— Кличут его Василек. Безродный. Сам он с детдома. Вот и дали прозвищу.

— Давно здесь?

— Да почитай года два. Работает в МТС, — увидев глаза сына, добавила — да, куда он супротив тебя-то! Глянь-ка на себя.

Тот вечер и определил судьбу старшины запаса Ивана Жукова. Хотел отдохнуть недельку-другую, а потом к другу в Тулу, на литейный завод податься. Но вышло иначе. Остался. Как-то так получалось, что почти каждый день встречал он ее то у колодца, то у пруда, то в поле. Под взглядом темных очей сельской красавицы парень терялся, краснел, говорил, случалось, невпопад, вызывая у девушки улыбку.

Как-то встретил Иван Агашу у небольшого ручья, протекавшего по дну оврага и вливавшегося в пруд. Деревянную кладку озорники мальчишки оттащили на другую сторону, и Агаша ходила вдоль ручья, не зная, как перейти его.

— Ну, смелей, — подбодрил ее Жуков.

— Як?

— Чуть разбежаться, оттолкнуться и...

— Я ж не могу, Иванэ, помоги трохе.

Проваливаясь по щиколотку в грязь, Жуков перешел к ней и взял Агашу на руки. Осторожно поднял и понес через ручей. Так осторожно нес, будто свою судьбу.

— Ой, Иване, та який вже ты ерой, колы дивчины злякався!

Совсем нечаянно горячая щека ее коснулась его губ...

На третий день, собирая сыну ужин, Прасковья Матвеевна как бы между прочим сообщила:

— Вчерась Василек-то Безродный, говорят, отлупцевал Агашку. Да, может, это так — бабьи сплетни.

Между Васильком и Агашей действительно произошла размолвка. В горячке он хлопнул дверью: «Еще будешь за мною бегать. У меня таких... может быть, сотни».

«Ах, мабуть сотни. Ну, пидожди», — затаила обиду девушка.

В ту пору и посватался к ней Иван.

Уговоры матери, мол, жить надо, а «чоловика в хате нэма», глухая обида на Василька и стремление досадить ему сделали свое дело. Агаша дала согласие и вышла за Ивана замуж.

Пролетели первые месяцы совместной жизни. Счастьем Жукова не было предела. Но сдержанно-грустной была Агаша. Как будто никогда и не смеялась она, будто не ее серебристому голосу радовался он когда-то на вечеринках. «По-прежнему любит Василька», — ловил себя на тревожной мысли Иван. И ласково гладил плечи и руки жены.

— Поедем в город, в цирк, ты ж ни разу там не была. Интересные представления. А клоуны... смеху! Людей полный зал, — заглядывая в глаза Агаше, говорил Иван.

— Пийдемо, — безучастно отвечала она.

— Пройдет это, — успокаивала сына мать. — Стерпится — слюбится. Смолоду-то мы все такие, так и хочется взвиться птицей ввысь. Слюбится!

Но ошиблась Прасковья Матвеевна. Рвалась Агаша ввысь, бежала к своей мечте. Как-то возвратившись с поля, Иван увидел на по-

душке записку: «Иванэ, прости, гирько тоби дилаю, тилько я бильше не можу. Ушла к свиему ридному Васильку».

«Что она, шутит?» — вдруг похолодел Жуков. Перечитал вновь записку, перевернул и тут только понял: рухнула его семейная жизнь.

К вечеру в Боголюбовке все от мала до велика знали: «Агашка-то, стерва, ушла». Иван не вышел на улицу ни в тот, ни в последующие два дня. Достав из шкафа припасенную на всякий случай «хлебную», он пил стакан за стаканом, не хмеля.

Вечером зашел к нему председатель колхоза.

— Слышал я о твоём случае, вот какое дело. Только ведь...

— Убью, — грохнул кулаком по столу Иван, — обоих.

Как ни уговаривал председатель колхоза не бросать родное село, Жуков не соглашался. Он собрал свои небогатые пожитки, надел военную форму с орденом на груди и, простившись с плачущей матерью, покинул дом.

И вот война... Взвод разведки...

— Старшина, Жуков! Принимай новых орлов, — сказал командир роты, — Добровольцы в разведчики! Вот, гляди, один к одному!

Жуков подошел к развернутому в одну шеренгу строю, поднял к козырьку руку, чтобы поздороваться, но слова застряли: крайним справа стоял Василек Безродный. В ботинках с обмотками, в короткой старенькой шинелке, он казался еще выше ростом и худее.

Взгляды их встретились. Но ни злости, ни довольства победы над ним, Жуковым, он во взгляде соперника не прочитал.

— Располагайтесь пока в третьем отсюда доме, — хрипло сказал старшина и, прокашлявшись, не поднимая головы, добавил: — Об остальном после поговорим. Все, точка!

— Крепкий, видать мужик, — заметил один из вновь прибывших бойцов. — Смотрит, что медведь по весне.

— С характером, значаца, — подвел итог маленький, сухонький, лет за пятьдесят солдат Аверьяныч.

Кто из них думал, что война соберет вместе соперников, поставит в один строй, на передовой линии фронта, рядом?

Начинался день. Издалека доносились раскатистые удары пушечных выстрелов. Передовая жила своей жизнью.

Жукова одолевали невеселые мысли. «Надо же такому быть! В деревне от него не избавился и сюда пришел».

— Воздух! — раздался чей-то тревожный голос.

Жуков бросился к каменному строению. Задрожала земля, в лицо ударил теплый воздух, послышались хлопки винтовочных выстрелов. Кто-то вскрикнул: «Помогите, товарищ военный».

Жуков повернулся. Придерживая правой рукой живот, молодая женщина пыталась подняться с земли.

Жуков бросился к пострадавшей. Но, опережая его, выбрасывая вперед длинные в обмотках ноги, к ней бежал Василий Безродный.

— Сейчас милая, сейчас! Потерпи, страшного ничего нет. Через две-три недели будешь бегать за мое почтение.

Разорвал индивидуальный пакет.

— Приподнимите, пожалуйста, — сказал он подоспевшему Жукову.

Старшина подхватил девушку под спину. Василий наложил на рану мягкий тампон-подушечку и стал затягивать бинт вокруг туловища.

— У вас пакет есть?

— Держи.

Жуков, не глядя, сунул ему в руки свой индивидуальный пакет.

К пострадавшей подбежал санинструктор.

— Жива? Жива! А в соседнем доме все погибли.

Медленно ступая, Жуков вошел в дом, где размещался ротный.

— Что с тобой, Иван Васильевич. Побелел! Или бомбежки перепугался?

— Нет... так... земляка встретил.

— Ну поздравляю. Кто же он?

— Длинный такой, гусь...

— Василий Коблов.

— Он.

— Хороший у тебя земляк. Мне понравился. «Вы, говорит, не глядите, что в кости узкий, я жилистый». И впрямь, видно, не хлюпик.

— Человека узнают по делу, — заметил Жуков.

— Ну, что ж. Вот и проверь его в деле. А земляк-то хорошо... Кстати, тебе с группой скоро выходить в ночной поиск. Вот и проверь.

С наступлением сумерек полк выступил и, совершив двадцатипятикилометровый марш, к утру прибыл на передовую.

Командир отдал приказ занять оборону на опушке леса. Взвод Жукова расположился в наскоро оборудованных окопах и начал приготовления к предстоящему бою.

Медленно редел предраcсветный сумрак. В нескольких сотнях метров чернели остовы трех сгоревших немецких танков и смятая наша сорокапятка. Люди трудились, оборудуя окопы. Неподалеку от Жукова темнела фигура Василия Коблова. Работал он обстоятельно, не торопясь сложил у самого края бруствера, в углубление, бутылки с горючей смесью, в другой «колодец» гранаты и стал утрамбовывать бруствер.

Несмотря на неприязнь, Жуков отметил, что готовится Коблов к бою основательно, как и подобает настоящему солдату. А все равно досада не оставляла Жукова. Он вскочил на противоположную от бруствера сторону и скорым шагом направился на левый фланг.

— Бутылки с зажигательной смесью должны быть под рукой. Ты, что, Егоров, левша, что ли? — сердито крикнул он.

— Такой, значит, уродился.

«Что это я так, — рассердился уже на себя Жуков, — нехорошо!»

— Извини. — И уже совсем мягко добавил: — Ты танков не бойся. Ведь что такое танк? Куча железа и много шума. Ты выжди, как только он пройдет через траншею, бац бутылку на корму! И точка. Огонь свое дело сделает. Понял?

— Чай, не впервой.

— Ну, то-то.

Жуков обошел позицию взвода, вернулся к себе в ячейку и, облокотясь на бруствер, стал всматриваться в даль. «С минуту на минуту — жди». И только мелькнула эта мысль, как из-за роши показались фашистские танки, а за ними двигались едва различимые фигуры солдат.

«Начинается...»

— К бою приготовиться!

«Жаль письмо маме не успел отправить... Ну. жив останусь, после боя пошлю».

Все вокруг заполнилось гулом моторов и лязгом гусениц, авто-

матными очередями гитлеровцев. Все ближе и ближе бронированные чудовища, вот уже видны зловещие кресты.

— По фашистам!

— Танки пропустить! — послышался голос ротного, — отсекай пехоту!

— Танки пропускать, отсекай пехоту! — продублировал Жуков.

Над позициями прошелестели снаряды, и перед наступающими фашистскими рядами взметнулись земляные фонтаны.

— Наши артиллеристы! Молодцы голубы!

Ударили пулеметы. Несколько мышиных фигур споткнулись и клюкнули землю, остальные кинулись под прикрытие брони танков.

Передний танк остановился, словно бы раздумывая, куда ринуться, и вдруг плюнул снопом огня. Земля вздрогнула, окоп будто сместился, и Жуков почувствовал солоноватый привкус во рту. Стальная громада надвигалась на его окоп. Вот они, железные гусеницы. Одно мгновение и...

Взводный схватил в обе руки бутылки и, когда танк прогремел над окопом, одну за другой бросил их на броню.

Танк уходил все дальше.

«Эх, неудача, не туда попал!» Но над машиной появился слабый дымок, а затем вспыхнул яркий столб пламени.

— Все, точка! — радостно крикнул разведчик, но вдруг почувствовал, что теряет землю под ногами, темень и пустота стали наваливаться на него. Падая на дно окопа, он пальцами каменеющих рук схватился за кованый немецкий сапог...

Услышал издалека.

— Как командир взвода? Жив?

— Жив...

— Кто же это его?

— Метил взводного по затылку ударить. Здоров, собака! Чай, метра два будет!

— Коблов эту жердь навскидку свалил. А то бы старшине можно отходную...

— Спасибо за старшину, товарищ Коблов! Спасибо!

— Да чего там, товарищ капитан, дело наше такое, солдатское...

Жуков приподнялся, с жадностью выпил полфляги теплого чая, поданного Василием.

— Спасибо, — протянул он руку Коблову.

— Может, в санчасть Иван Васильевич?

— Пройдет... Приведите в порядок окопы. Убитые, раненые есть?

— Есть.

— Побеспокойтесь.

— Есть!

Болело сердце у Ивана Жукова. Там, где-то далеко-далеко, любимая Агаша, а здесь, в его взводе тот, кто стал препятствием его счастью... Но в армии друзей не выбирают.

Как-то в роту доставили свежую почту. В одну минуту около парторга Владимира Хрусталева образовалась толпа. Передние жадно рассматривали стопочку треугольников, задние вставали на цыпочки. Каждый хотел получить весточку от родных. Только старшина Жуков не испытывал волнения. Он не ждал писем.

— Это тебе, Иван, — услышал он голос Коблова.

— Кого это надоумило?

Взял из рук Коблова бумажку, на которой знакомым, крупным неровным почерком, было написано «Ивану Василичу Жукову».

«Агаша!»

Коблов заметил, как задрожали пальцы Жукова, отошел и уже издалека сказал:

— В моем конверте лежало. Но я не читал. Пойми, Иван, не она виновата. Наша любовь виновата.

Через час разведчики бежали к месту, где разгорелся новый бой.

На соседнем участке сильной танковой контратакой немцы провалились через боевые порядки и, проникнув вглубь на два — три километра, ударили во фланг нашей части. Расчет фашистов был на внезапность, на панику среди советских бойцов. Стоит, мол, увидеть им позади себя танки, и дрогнут их ряды. Но гитлеровские расчеты не оправдались. Собрав все имеющиеся резервы, в том числе и разведвзвод, командир бригады бросил их навстречу врагу. Взводу старшины Жукова приказано было занять оборону в конце лесопосадки. Оттуда начиналась балка, которая, изгибаясь, тянулась затем к селу, накануне освобожденному от врага. Сюда был послан и взвод ПТР. Командир учитывал, что немцы по открытой местности не пойдут. Они постараются ворваться в лесопосадку, спуститься в балку и, скрытые от наблюдения, подойдут к селу.

— Тяжело будет, ребята, — тепло, по-отечески сказал полковник. — Но иначе нельзя. Ни шагу назад!

Окапываться времени уже не было. Со стороны слышался шум нарастающего боя, гул танковых двигателей, треск пулеметов, грохот орудий. Разведчики и пэтэровцы расположились рядом вдоль посадки и на гребне балки.

Поле поднималось здесь кверху и сливалось с линией горизонта. Там и сям валялись кучи необранной соломы, видны были следы танковых гусениц. Справа полуразрушенное кирпичное здание и несколько домиков, где располагался штаб, слева были скаты балки с порывшей травой. По небу плыли тяжелые свинцовые тучи.

— Идут!

— Приготовиться к бою!

Старшина отложил в сторону автомат, взял в руки противотанковую гранату, вставил запал, замкнул крышку и замер в ожидании.

Развернувшись в линию и непрерывно стреляя из пушек и пулеметов, немецкие танки медленно продвигались вперед.

Один из танков шел прямо на Жукова. Старшина втиснулся в землю. Откинув руку, он напряг мускулы, готовый взметнуться, как сжатая пружина. Но вдруг бронированная громада, словно почуввав свою смерть, резко развернулась и пошла в балку.

— Уйдет! Уйдет, проклятый!

Жуков не успел оторваться от земли, как наперерез танку метнулся Василий Коблов. Без шинели, он, пригнувшись, бежал по размягшему полю с гранатой в руке. Казалось чудом, что в свинцовой метели солдат оставался невредимым. «Ложись, ложись! — шептал старшина, — прошьют!»

Коблов остановился и метнул снаряд на броню машины. Раздался взрыв. Солдат упал, потом поднялся, неуверенно шагнул и рухнул на землю. Меж тем второй немецкий танк шел прямо на Коблова. «Заметил, сволочь, — сквозь зубы процедил Жуков, — решил раздать». И, когда расстояние между танком и Кобловым сократилось до полусотни метров, Жуков рванулся навстречу бронированной громаде и точно уложил гранату на одну из гусениц.

— Точка!

По крутящейся машине ударили из нескольких пэтээров. И вот еще один факел запылал на поле боя. Нужно было бы медленно отойти, каждое мгновение таило смертельную опасность, но там, на стерне, оставался Коблов. Жуков, уже не пригибаясь, метнулся к нему. Солдат лежал вниз лицом, подвернув под себя левую руку, из-под разорванной штанины виднелась перемазанная кровью и грязью тонкая белая нога. Из вены толчками била кровь.

— Жив!

Не мешкая ни минуты, Жуков подхватил обмякшее тело солдата и на глазах врагов устремился к балке.

Потеряв половину своих танков, гитлеровцы, огрызаясь, стали отходить назад.

...Коблов открыл глаза. Над ним, склонившись, стоял на коленях Жуков и перевязывал раны.

— Я знал, Иван... не дадите пропасть... Спасибо!

— Лежи и молчи. Скоро отвезем в медсанбат.

И вот Василий Коблов оказался среди тех, кто не вернулся с очередного поиска.

...С неба по-прежнему шел частый мелкий дождь. Бой утих. В небо изредка взлетали разноцветные ракеты, на мгновение освещали пол хатки, на котором разместились, кто сидя, кто лежа, разведчики, и тут же гасли с шипением. В детстве в такое время Алексей Трубицын любил спать на сеновале. Шум ударяющихся о крышу водяных капель успокаивал, усыпляя, погружал в глубокий сон. Мать знала эту его любовь и заранее бросала на приятно пахнущее сено какую-либо подстилку, а порой старую шубу или пальто. Алексей взбирался по лестнице вверх, разгребал в сене углубление и ложился навзничь. Он думал о далеких путешествиях, о заморских странах, а больше всего о полетах в небо. «Вот кончу десятилетку и поступлю в авиашколу, а потом...» Он представлял себе, как на ПО-2 сядет на пустыре в родной Россоши, позади своего дома, как выйдет в кожаной куртке, шлеме с очками и, конечно, же, в хромовых сапогах. Навстречу ему бегут стаи мальчишек, девчонок, а несколько сзади с чувством достоинства шагают взрослые. И среди них Манька Тюкавина. «Глядите, девочки, — скажет она, — а ведь это Алешка, дяди Ильи Трубицына сын». Чувство приятного довольства заполняло душу десятиклассника Алешки, и он крепко засыпал.

Но сегодня разведчику Алексею Трубицыну спать не хотелось. За долгие месяцы войны он не раз смотрел смерти в глаза, терял в жарких схватках с врагом друзей. Но никогда так не было ему тяжело, как сегодня. Пропали Иван Хохлов, любимец роты Василий Коблов. Конечно, думал Трубицын, война не танцплощадка. Но чтобы вот так!!! Да-а... «Зря я понадеялся на Гриба, — рассуждал он сам с собою. — Гриб не тот человек. А чтобы я сделал? Вызваться самому помочь Коблову? Что подумали бы обо мне Жуков, Бочкарев, Прокуронов? «Под видом помощи другу, дорогой, хочешь горячее место оставить?» Нет, правильно поступил, что промолчал. А Гриб? Вечно тормозится, дает советы, стремится быть на глазах начальства... Взять хотя бы тот случай...»

Утром поисковая группа доставила в штаб безмолвного «языка». В схватке с двумя гитлеровцами, как видно, дежурными пулеметчиками, Николай Иванович Бузин не рассчитал силу удара. Один из них тотчас «отдал концы», а второй, не приходя в сознание, умер уже в нашем штабе.

— Бузин, конечно, виноват... Надо было...

Острый на язык Гриб легко парировал насмешки, подковырки в свой адрес. И только боялся это делать в отношении командира взвода — старшины Жукова. Под холодным взглядом его глубоко запавших темных глаз он как-то съеживался, становился меньше.

Трубицын припомнил и предпоследний поиск. Разведчикам предстояло проникнуть к железнодорожному полотну в районе разъезда на магистрали Кременчуг—Знаменка, установить, какова здесь противотанковая оборона врага. Попытки 68-й механизированной бригады перерезать железную дорогу и с ходу овладеть железнодорожным узлом не увенчались успехом. Потеряв почти половину своих танков, часть вынуждена была отойти и занять оборону.

— Одной поисковой группой такую задачу не решить, — говорил младший сержант Гриб. — Я так думаю: одна группа должна идти в направлении разъезда, а две другие вправо и влево от нее, примерно на километр.

— А что, резон в суждениях Гриба есть, — поддержал разведчика командир роты.

— Да, действовать надо именно так, — согласился Жуков. — Что ж, я со своей группой пойду на главном направлении — на разъезд. А Бочкарев и Хохлов — на фланги.

Разведчики, дождавшись темноты, двинулись на задание. Бой не утихал весь день. Темное небо полыхало, будто зарницами, всполохами огня.

Жуков шел впереди, изредка он останавливался. Останавливались и идущие за ним. Прислушивались и снова трогались. На очередной остановке он вдруг обнаружил, что одного не хватает.

— Кого нет?

— Гриба...

Но вот появился и он.

— Что случилось? — шепотом спросил Жуков.

— Живот... рези.

— Черт бы тебя взял с твоим животом. Сиди здесь. Все, точка!

«Нет, не случайно он тогда «заболел», — думал сейчас Алексей Трубицын, лежа на полу. — Чувствовал: будет очень горячо».

Алексею пришло на память и то утро, когда они возвратились с задания. Ночь была на исходе, санитары спешили быстрее погрузить тяжелораненых и отойти подальше от передовой.

— Кто не может двигаться, пусть садится в эту машину, — негромко раздался женский голос. — Тяжелораненых в закрытую.

Трубицын замер на месте! «Манька, Тюкавина!»

Сдерживая дыхание, разведчик медленно подошел к машине и из-за заднего борта всмотрелся в медсестру.

— Что вы здесь притаились, молодой человек. Помогите быстрее погрузить больных.

«Она, родная моя Маня!»

Алексей хотел было шагнуть навстречу, но девушка прошла ко второй машине, хлопнула дверцей кабины. Автомобили, глухо урча, тронулись в путь.

«Где-то теперь она? Ответят ли родные? И как они оценят мой поступок, что я скрылся тогда от нее? Подожду, что напишут».

За окном сгустилась тьма — верный признак скорого рассвета. Трубицын натянул на голову плащ-накидку и вскоре задремал.

...Жукову тоже снилось, будто идет он под руку с Агашей по родной Боголюбовке. Встречные смотрят на них. Вдруг появился откуда-то громадный веснушчатый немец и начал наводить автомат ему

в грудь. Старшина рванулся в сторону, пытаясь выхватить из кармана пистолет, но пистолет застрял. А левую руку его крепко сжала, словно тисками, Агаша. Холодный пот выступил у него на лбу. Тут откуда-то появился Коблов. Вскинув автомат, нажал на спуск. Немец рухнул. «Все, точка», — сказал разведчик и протянул Жукову сухарь.

— Сейчас подкрепитесь, а потом будем думать.

Жуков понял: это уже не сон.

Старшина поднялся. На скамейке в хате сидел командир роты Василий Тимофеевич Ханин и парторг Владимир Хрусталеv.

— Гриб возвратился. Коблов, как он говорит, скончался у него на руках. Принес его оружие, часы, расческу. Труп оставил на нейтральной полосе у ракиты.

Иван вскочил.

— Почему оставил?

...Наконец-то ушла томительная ночь.

Наступило утро, ожила хата, разведчики шумно обсуждали события минувшей ночи, ругали себя, Гриба, не сумевшего вынести тело Василия Коблова, погоду.

Я обернул ноги сухими портянками, закрутил обмотки, оделся и вышел на улицу.

По-прежнему было пасмурно. Ветер гнал тяжелые облака, изредка бросая на землю пригоршни холодных капель. Вдоль села снова грузенные ящиками, бочками, мешками автомобили, двигались к передовой «тридцатьчетверки» и «исы». Шла интенсивная подготовка к новым сражениям с врагом.

«Схожу-ка я к Феде Скворцову. Чайком побалуюсь».

Обойдя лужи, я пересек дорогу, обогнул «командирскую» хатку и лицом к лицу встретился со Скворцовым.

Федя стоял, опершись о походную кухню. А рядом с ним на перевернутом ведре сидел Аверьяныч. Он, наклонив голову, тихо пел. «То не ветер ветку клонит, ни дубравушка шумит. Знать, мое, мое сердечко ноет, как осенний лист дрожит». Голос его был хриплым, а сама песня скорее походила на плач. Федя приложил указательный палец к губам — «тихо!» Но я не понял почему.

Аверьяныч поднял голову. По щекам его текли слезы.

— Вот так-то, Ванюш. Мой младшенький Мишатка, значаща... Тебе ровесник. Дите еще. Нет теперь Мишатки!

Солдат достал из-за пазухи исписанный лист бумаги и передал мне. Кто-то крупным женским почерком сообщал, что в бою за Днепр смертью храбрых погиб рядовой Михаил Петрович Пахомов. Мне жалко простого и такого сейчас беспомощного Аверьяныча. Достав новенькую зажигалку, найденную мною после боя во вражеской траншее, я протянул ее ему.

Чаю мне уже не хотелось. Перекинувшись с Федей Скворцовым несколькими словами, я направился в «свою» хату. «Вот еще одного парня забрала смерть... Такого же, как я, молодого». Невольно вернулся мыслями к Василию Коблову, Хохлову, Грибу.

Может быть, живы еще? Может быть, прячутся в каком-либо окопе?

— Гриба мне не нужно, — услышал вдруг голос Жукова, — ненадежный он разведчик. Прошу убрать его. Точка!

«Значит, Гриб жив! — радостно подумал я. — Но почему «убрать!»

Я взялся было за скобу, но голос Жукова заставил остановиться.

— В свою группу беру Ванюшку Иванова. Проверку прошел успешно.

Сердце учащенно забилося. Я испугался, что кто-нибудь вдруг откроет дверь и увидит меня, подслушивающего разговор, и сразу вышел на улицу.

Разные мысли одолевали меня. Оправдаю ли доверие командира, не струшу ли? На память пришел бой с танками. Была такая секунда, когда чуть не драпанул с поля боя. Что удержало? Коблов, Бочкарев, да грозный окрик Ивана Жукова. А теперь? «Нет, не подведу, Иван Васильевич!» — мысленно обратился я к старшине взвода.

Вспомнил родную Романовку, Вальку, мать, отца, его последнее письмо. Писала его, как видно под диктовку, соседская девочка Нюска. Я знал почти наизусть содержание письма, но не удержался, вновь пробежал глазами. «Живем мы ничего. И здоровье ничего. Намедни потерял где-то хлебные карточки. Да ничего. Бог даст, проживем. Нам бы этих проклятых фашистов побить. А мы проживем. Ты, Ванюша, командиров слушай. Делай, как они говорят. Смотри, Ванюш, не робей. Крепкого здоровья тебе и твоим командирам». А дальше Нюска сделала приписку, по всей видимости, не сказав об этом старику. А приписка эта взволновала всего более. «Дядя Ваня, а вчера Валька Козырева брала твой адрес. Расспрашивала».

...Около дома загрели котелками. Завтрак. Из «нашей» хаты вышли Александр Харламов и Анатолий Прокуронов... «Братцы, не стреляйте, я свой!» — донеслись слова Саши, и оба тут же захохотали. Наверное, Саша рассказывал какой-нибудь новый анекдот.

— Мой котелок не захватили? — спросил я.

— С одного поедим, — ответил Харламов.

Я пристроился к ребятам.

— На двоих, — подал котелок Харламов.

— Да по твоей фигуре и от одной-то порции будет тяжело.

— Так я, Федя, с Ивановым.

— С каким?

— Иваном.

— А, ну этот парень... того и парочку порций уметет. Можно и добавить.

Федя Скворцов опять на высоте. Каша была, как выразился Анатолий, довоенной кондиции: с мясом и отличной заправкой.

— Ты где был? — спросил Харламов.

— Так. Мысли в порядок приводил.

— Ты подумай-ка! У этого молодого медведя. Мысли есть! — подмигнул Прокуронов. — Но они, видишь ли, были в беспорядке!

Саша улыбнулся мне, не обижаясь, мол.

Я и не обижался. Так уж повелось во взводе, в любое время был повод для шуток, часто довольно колючих. Будто ни в чем не бывало, не торопясь ел кашу, тщательно ее пережевывая.

— А, Ваня, слушает да ест, — сказал опять Прокуронов, заглядывая в опустевший котелок.

Тут засмеялись все.

— Да, забыл тебе сказать, Ваня, Жуков берет тебя в свою группу, — порадовал меня новостью Харламов. — Гриба из роты тово...

— За то, что бросил Коблова?

— Говорит, умер. Что ж, мол, нести-то.

— Наверно, так и надо?

Гак и надо! Ведь отход Гриба прикрывала сначала вся груп-

па, а потом Жуков. Почему бы и не вынести. За шкуру свою боится. Вот и оставил.

— А Хохлов?

— Того, видно, сразу напавал. Никто его не видел и не слышал, как начался бой.

— Ну, пойдем! ВТ собирает: предстоит большая задача. (ВТ — Василий Тимофеевич Ханин).

...Разведчики взвода Жукова уже в сборе. Одни дымили самокрутками, другие, присев на корточки, дремали после сытного завтрака. Старшина сидел за столом. Перед ним на газетной подстилке лежали детали автомата. Жуков смачивал щелочью одну деталь за другою, протирал, затем собрал автомат и поставил в один ряд с другими в угол хаты.

Капитан Ханин сидел здесь же. Он смотрел в окошко и о чем-то сосредоточенно думал.

— Вот что, товарищи, — сказал он. — Окончательный итог ночного поиска подводить будем после. Сейчас надо думать, как выполнить приказ.

— Немец, пымашь, напуган, — вдруг заговорил молчавший до этого Николай Иванович Бузин. — Немец теперь по ночам не спит. Не сорок первый год. Робкий стал, пымашь, немец.

— Немец, пымашь, трусит. Немца, пымашь, надо брать с другой стороны, — съязвил кто-то.

— Я, Коля, тоже думаю: его надо брать сзади, — бросил реплику Алексей Трубицын.

Как ни серьезна была обстановка, последовал взрыв смеха.

— Все, точка! Чего смеетесь, — сверкнул глазами Жуков. И обратился к Бузину: — Что надумал? Выкладывай!

— Есть тут, пымашь, одна задумка...

Бузин замолчал, оглядывая разведчиков.

— Говори, что тянешь!

— Как-то, пымашь, на Волховском участке фронта, мы раза три пытались взять языка, но каждый раз пусто. А потом сам он к нам явился, да не один... Так было дело. В декабре, перед Новым годом в нашу часть колхозники посылки, пымашь, привезли. Всем раздали, а одному не хватило. Тогда одна колхозница открыла корзинку, а там, пымашь, петух. Рябенкий такой. Во смеху было!

— Ты чо нам голову морочишь?

— Не, не морочу. Петька, пымашь, быстро привык к новой обстановке. Когда начинался бой он забивался в угол командирской землянки, а когда кончался выходил в траншею к бойцам. А кукарекал как! На всю Россию кукарекал, сукин сын. И вот как-то ночью мы в своих траншеях двух немцев сцапали. Думали разведчики, а когда допросили, оказалось любители курятины. Из-за любопытства к нам приползли. Дескать, война, а тут простой петух! Смекаешь?

— Ни черта не пойму, к чему это бы? — напустился Жуков.

«Наверно, очередной розыгрыш, — подумал я, — про петуха какого-то... Разыгрывают... но кого?»

— Ты, пымашь, не учиываешь психологии врага. Фашист — тварь любопытная. На этом можно сыграть! У меня, пымашь, есть план... Два-три разведчика ночью спускаются в балку к реке, шумок учиняют, будто переправу строят. Фашистов это насторожит, а любопытство заставит выйти из окопчиков.

— Вот что, Иван Васильевич, вы подумайте, обсудите. Надо посмотреть. Чем черт не шутит!

Капитан поднялся и, не прощаясь, вышел из хаты.

— Как ваше мнение, ребята? — прервал мои мысли старшина и внимательно посмотрел на присутствующих.

— Попыток не убыток, — с сильным акцентом первым ответил Гусейн Гусейнов. — Или как у нас на Кавказе говорят: не сел на ишака с земли, садись на него с крыши.

— Слишком заумно и непонятно, Гусейн, — заметил Алексей Трубицын. — Попробовать предложенный Николаем Ивановичем вариант можно. В одном месте шумок, а настоящая работа в другом месте.

— Все, точка! — поднялся Жуков, — значит, так, имитировать саперов будет группа во главе с сержантом Бойченко. В составе ее пойдут Гусейнов и Прокуронов. Остальные — со мною. Выступаем в девятнадцать ноль-ноль.

Дверь в это время распахнулась, и в хату вошел Аверьяныч. Вид его был необычен. Взгляд строгий, лицо бледное, на плече автомат, старую телогрейку перехватывал брезентовый поясной ремень.

— Доброва утречка вам, значица, — сняв шапку, тихо сказал он.

— Здравствуйте, Аверьяныч! — послышались голоса. — Проходите, присаживайтесь.

— Не в бой ли собрался? — с усмешкой спросил его Иван Бочкарев. — Уж больно вид-то у тебя грозный.

Старый солдат с обидой бросил в его сторону взгляд и, не удосужив ответом, повернулся к Жукову.

— Я, значица, к вам, Иван Васильевич, насовсем.

— Как насовсем? А кухня?

— Нельзя мне на кухне. Во взвод, значица, меня, приказал Василь Тимофеевич.

— Что же приказ есть приказ. Давайте устраивайтесь, присматривайтесь.

— Что мне присматриваться. Дело знакомое. Буду, значица, как все. Вон Саню и Ванятку, значица, можно на кухню, мальцы еще.

Я со страхом ожидал, что сейчас скажет Жуков. А вдруг пошлет в помощники Феде Скворцову? Но слова старшины обрадовали.

— Хорошо, Аверьяныч, пойдешь в группу Бойченко вместо Прокуронова. Работа у него как раз по тебе. А Прокуронов вместе с Харламовым и Ивановым ко мне.

Старшина, заметив растерянность на моем лице, хитро подмигнул и заметил:

— Держись, Ванюха, мы еще кое-кому прочистим ноздри.

...Почти полтора месяца шли непрерывные бои и потому частенько мы подумывали о бане. Даже во сне я не раз видел себя моющимся теплой водой.

Сказал об этом Аверьянычу, а тот огорошил:

— Голый, значит, был? Не к добру. Я когда во сне увижу бреюсь или моюсь, стараюсь беречься пуще прежнева. Верная примета: будет плохо. В молодости вижу во сне лошадь свою мою. да все с мылом. Утром пошел в ночное за конем, а он уже задубенел. Так до самой революции безлошадным и был.

Бриться мне еще не приходилось. И за это я был спокоен. А вот помыться, хоть бы чуть-чуть...

— Неплохо бы, товарищ старшина, баньку, — прерывает мои сладкие мысли Алексей Трубицын. — Грязью заросли, да и насекомые...

— Верно, товарищ старшина, — поддержал еще кто-то.

— Валий, ребята. Четыре часа у нас есть.

Разведчики нашли заброшенный сарай, быстро сделали подстилку из соломы, завесили дыры в стенах плащ-палатками, и «баня» была готова.

Аверьяныч где-то нашел пустую бочку, в которой хозяйка квасила капусту, несколько крупных камней-валунов обмыл холодной водой, сложил в кучу и прямо на них развел костер.

— Вы, сынки, носите, значица, воду прямо в бочку.

Колодец с «журавлем», на котором с одной стороны висел танковый каток, а с другой деревянная бадья на телефонном проводе, находился недалеко. Вдвоем с Саней мы быстро наполнили бочку.

— Дядя Петя, все, бочка готова.

— Молодцы, сынки! А сейчас, значица, идите, отдохните. Напишите, значица, письма родителям.

Аверьяныч за эти дни как-то сразу постарел. Лицо стало землисто-серым, редкие седые волосы, выбившиеся из-под видавшей виды шапочки, как будто стали светлее. Обычно словоохотливый, на этот раз он больше отмалчивался. Сейчас он задумчиво смотрел на огонь.

— Пойдем, Вань, — понимающе махнул мне Харламов, — правда, надо написать домой.

Я твердо решил написать Вальке и потому сел у подоконника.

«Дорогая Валя», — написал я, и хотя мысли роились в голове, хотелось сказать ей много, дальше не получалось.

— Муки творчества? — заглядывая через плечо, сказал старший сержант Бочкарев. — Ну-ну, уйду, — заметил мое стремление прикрыть написанное. — Так и напиши, мол, люблю, жди, вернусь! — Старший сержант весело улыбнулся. — Смелее, смелее, тезка... И в баню. Говорят, Аверьяныч расщедрился, по два котелка горячей воды на человека дает.

— Откуда же он столько берет?

— Сразу видно: плохо знаешь солдатскую службу. Солдат, он что? Шилом бреется, дымом греется. Вот Аверьяныч одним камнем бочку воды нагрел.

— Как?

— Накалит его на костре и шмяк в бочку!

Баня была на славу. Аверьяныч, действительно, давал по два котелка горячей воды. Дождавшись, когда освободится корыто, Трубицын, Прокуронов, Харламов и я вылили четыре котелка, добавили холодной и пристроившись по двое с обеих сторон корыта, вместе стали мыть головы.

Командовал Саша Харламов.

— Так, мыль голову по второму разу. Так, смывай! Теперь моем ноги. Хорошо! Выливаем грязь.

Мы ополоснули корыто, налили снова четыре котелка воды и ведро холодной и начали мыть плечи, руки, спину...

Дождь перестал, но погода не прояснялась. Небо по-прежнему укрывали темные облака, дул холодный северный ветер. С передовой доносились редкие артиллерийские выстрелы. Противник маскировал свою систему огня: вел огонь кочующими орудиями, наугад. Вражеские снаряды иногда долетали сюда за три километра от передовой, гулко лопались. Но привыкшие к фронтовой обстановке бойцы и командиры почти не замечали этого, делали свое дело.

— Знали бы сейчас фрицы, что вот тут моются советские разведчики, батареей, наверное, бы полыхнули. Во всяком случае я бы такой возможности не упустил, — растирая грудь, заметил Толя Прокуронов.

Внезапно возник противный свист.

— Мины, ложись! — успел крикнуть Алексей Трубицын.

Я упал ничком на мокрую подстилку, а в голове молнией промелькнул разговор с Аверьянычем. «И надо же перед заданием мыться!»

Трах-рах-парах!

— Вода... корыто! — вскочил Анатолий и закрыл ладонью отверстие, пробитое осколком.

— Убит?

— Вроде нет.

— Да нет, убит, — доносились голоса.

— Накаркал, мать твою... Наклони корыто.

Прокуронов подложил под один край половинку кирпича. Мы наскоро обмылись уже остывшей водой и быстро оделись.

— Ну, что там, кого? — с тревогой спросил Алексей Трубицын бежавшего навстречу Дубинина.

— Вон там, — махнул он рукой.

За углом хаты стояли командир роты, командиры взводов: старшина Жуков, старший лейтенант Титов, разведчики. Парторг старшина Хрусталева, накрывал кого-то плащ-накидкой.

Владимир Иванович снял шапку. Сняли и все разведчики. По изношенным ботинкам мы сразу узнали — на земле лежал Аверьяныч.

«Эх, дядя Петя, дядя Петя! Вот и в бане не мылся, и за Мишатку своего не успел отомстить...»

Я смотрел на изношенные ботинки, на выцветшие обмотки Аверьяныча и перед глазами вставал он живой, с доброй улыбкой, на морщинистом загорелом лице и натруженными со вздувшимися венами руками.

В тот же день, с разрешения хозяйки хаты, мы похоронили Аверьяныча в саду под вишней. Николай Иванович сколотил деревянный крест и поставил у края могилы.

— Верующий был, пымашь, — ответил он на наш молчаливый вопрос. — А пройдет, пымашь, время, поставим ему памятник с рубиновой звездой.

Весь остаток дня мы молча готовились к выходу на задание. Жуков вновь сделал перестановки. На «плотницкие» работы назначил Алексея Дубинина, Григория Бойченко, Семена Бориновского и Гусейна Гусейнова.

К вечеру немного распогодилось. И над нашими позициями тотчас появилась немецкая «рама». Она, как хищница, высматривала скопление наших войск. Ударили зенитки. Близкие разрывы снарядов заставили самолет удалиться.

— Ну, вот, жди юнкеров, — умышленно опустив «с» в слове, заметил Прокуронов.

— Напрасные хлопоты. Скоро стемнеет, — отозвался повар Федя Скворцов.

Так уж повелось в роте: каждую группу, отправляющуюся на задание, вместе с командиром — капитаном Ханиным и парторгом — Владимиром Хрустальевым всегда провожал ротный повар Федя Скворцов. Он рассовывал по карманам разведчиков банки консервов, галеты, сухари. «Идешь на день — бери на неделю», — напоминал он им. Вот и сейчас, вручив каждому небольшой сверток, Федя стоял в кругу разведчиков, обсуждая плач предстоящей операции. Большой, добрый, как все великаны, Федя Скворцов вызывал у товарищей уважение. На вид ему было лет тридцать пять—сорок. Но почему-то все, в том числе и мы с Сашей Харламовым, называли его по имени.

— Сейчас, ребята, уже стемнеет. А ночью никакой юнкер не страшен. — По-костромски окая, говорил Федя. — Главное теперь, ребята, взять хоть бы одного мерзавца. Чтобы хоть не убежал, когда возьмете-то.

Разведчики улыбались. Всем был памятен случай. В только что отбитой нашими подразделениями украинском селе разведчики расположились на обед. Федя торопливо отвинчивал барашки крышки походной кухни, приговаривая: «Счас, ребята, малость обождите, отменной лапшой угощу». Скворцов откинул крышку, из-под которой ударил пар, спрыгнул на землю и бегом направился к машине, где в деревянном ящике хранились черпак, ножи и другие кухонные принадлежности. Именно в этот момент шальная вражеская мина угодила точно в котел. Раздался глухой взрыв, и вся лапша оказалась на земле и на сучьях вишен.

— Кто это там балует? — закричал повар. Но, увидев разбросанную повсюду лапшу и разбитый котел, спрыгнул с подножки машины и направился к Ханину.

— Чем будем кормить ребят, товарищ капитан?

— Ты, брат, повар, думай, — не поняв до конца, о чем идет речь, ответил командир, что-то чертивший на карте...

Скворцов вышел из полуразрушенной хатки, постоял, задумавшись, вскинул автомат на плечо и, никому не сказав ни слова, направился в сторону передовой.

Два дня пропадал Скворцов. Обязанности повара в его отсутствие взял на себя Аверьяныч. Старик приспособил для варки каши из концентрата несколько ведер. Но на рассвете третьих суток около хатки, где остановились разведчики, послышались стук колес телеги и голос Феде Скворцова. «Стой, милой, приехали!»

Разведчики выскочили на улицу. Перед ними стояла непривычной формы кухонная повозка, запряженная сильным конем. Сзади ходил Федя Скворцов.

— Кухня! Немецкая! С тремя котлами! Во, и чай можно сразу греть.

— Откуда это, Федя?

— Знаю дело, откуда! Он махнул в сторону, откуда приехал.

Крепко влетело Феде Скворцову за самовольную отлучку. Но сам случай был необычный. И Федя, вытянувшись перед командиром, был трогательно наивным.

— Я так понимаю, товарищ командир. Разбил немец нашу кухню, отдай свою! Не грехи, отдай! Я ее больше двух дней подкарауливал!

— А где же прежний ее хозяин? — спросил, подбрав, командир.

— Сбежал паршивец. Я его пожалел, легонько тукнул и положил в передок. Все время лежал. А подъезжаю к своему переднему краю, его нету! Сбежал, паршивец! А конь то-наш. Понимает уже речь. Чай, с Костромы.

— Так уж вы смотрите... — напутствовал Федя разведчиков, — схватите, хорошенько его по затылку, чтобы не захотел убежать. А тут мы его холодной водицей...

Начало смеркаться, вскоре все предметы растаяли в густой темноте.

Напоминая еще раз о плане действий, Жуков сделал небольшую паузу и тихо продолжал:

— Если появятся «гости» — берем бесшумно. Паче чаяния, что случится — вся группа захвата отходит, я с группой прикрытия остаюсь. Ясно?

— Ясно.

— Сдать документы!

Еще днем, при детальном обсуждении плана операции, я вместе с Трубицыным и Шлыковым был определен в группу захвата, к Николаю Ивановичу Бузину. Как ни готовил себя к этому, а волновался. Как брать живого немца? Это война. Не игра в казаки-разбойники, и застрелить может.

— В нашем, пымашь, деле, — присаживаясь рядом со мною, заговорил сержант Бузин, — главное — внезапность. Мне не раз приходилось иметь дело с опытными головорезами. И все равно, пымашь, внезапное нападение лишало фрицев самообладания. Здоровый, пымашь, детина, а ткни пальцем — упадет. Потому что от страха ноги не держат. Словом, действовать надо исключительно смело, по-суворовски, пымашь. Напор, напор и еще раз напор!

— А если он не испугается?

— Кто?

— Немец-то.

— Врежь, тогда, пымашь, промеж глаз... У тебя это получится.

— Табак и спички тоже сдать, — снова послышался голос Жукова.

Свой комсомольский билет и служебную книжку я держал в клеенчатом пакете, чтобы не промокли. Достал его, вложил туда отцовское письмо — брать письма тоже не разрешалось — и передал Владимиру Ивановичу Хрусталеву.

— Вопросы есть? Ну, как говорят, ни пуха ни пера.

— К черту, Владимир Иванович, — ответил парторгу Жуков.

В 19.00 взвод вышел на задание и через полчаса, в указанном командиром месте, пересек свою передовую.

— Возвращайтесь с «языком». — напутствовали пехотинцы, — и, конечно же, с головой.

— Нет, братцы, мы, чтобы облегчить ношу, оставим их там, — смеясь, ответил Федор Шлыков.

— Не знаем, как остальным, а тебе без нее, без головы-то пойдет, — не унимался кто-то из пехотинцев.

— Чтобы волк распугал всех твоих баранов, чтоб кобыла твоя ожеребила осла, — загорячился Гусейн Гусейнов.

Ругательство Гусейна вызвало взрыв смеха и у разведчиков, и у пехотинцев.

— Все, точка! — оборвал Жуков. — А за добрые пожелания вам, товарищи, спасибо.

Недалеко от берега мы оставили «подсадных уток», а сами, соблюдая все меры предосторожности, частью вброд, частью вплавь, форсировали речушку, прошли еще немного вперед и залегли.

Бесконечно долго длится время. Мокро, холодно. «Интересно, о чем думают Жуков, Бузин?» Всматриваюсь в едва различимые силуэты. Все неподвижны. «А может, они уже замерзли насмерть?» — ползу к рядом лежащему Бузину.

— Цыть, пымашь, — слышу грозный шопот. — Замри!

Замираю на месте, с обидой думая о сержанте. «Небось, подумал, что я испугался. А разве неверно? Ведь испугался, — мысленно веду сам с собою беседу. — А вот возьму и докажу, что не трус».

Стрельба мало-помалу стихла. И от реки, там, где мы оставили «саперов», стали явственно доноситься стук топоров, повизгивание пилы. «Ребята действуют, Им тепло». Вспомнил о Гусейнове. Низкого роста, смуглый, черноволосый, горячий. По малейшему поводу может

вспылить, обрушивая на виновника очередь восточных ругательств, отчего и виновник, и случайные слушатели хохочут и тут же мирятся с Гусейном.

Гусейнов из мусульманской семьи, он долго не мог привыкнуть к свиному салу, к свиной тушенке, а сегодня горячился, что Скворцов о нем забудет, шпига не даст. Я рассмеялся тихо в темноте.

— Что с тобой, Иванов?—слышу шепот командира взвода.

— Да ничего, товарищ старшина, — также тихо говорю, — вспомнил... рассмеялся.

— А... Это хорошо. Смех нервы расслабляет. Будь внимателен.

Холод пробирает до костей. Чтобы как-то согреться, достаю из кармана Федин сверток и с жадностью откусываю от бутерброда.

Вроде бы стало теплее. Глаза понемногу привыкли к темноте, и, пригнувшись к самой земле, хорошо вижу на несколько десятков метров вперед. Я опираюсь подбородком на кулак, и мысли одна за другой ползут в голову.

«Нет, не выйдет из меня, наверное, настоящего разведчика. Всякая чепуха в голову лезет... Все не буду ничем отвлекаться!»

Я попробовал представить, как первым неслышно брошусь на гитлеровца, мгновенно выбью из его рук оружие и тихо, но властно прикажу: «Хальт! Хенде хох...» Подоспевшему командиру скажу: «Примите, товарищ старшина, пленного». И не заметил, как вновь замечтался. Перед глазами встал штаб, командир бригады: «Ну-ка, ну-ка, покажи, Василий Тимофеевич, своего героя. Молодец, награждаю медалью и даю краткосрочный отпуск».

Сразу всплыла Романовка. Я иду улицей, а навстречу односельчане. «Батюшки, Ванятка Иванов, гляди, орденов-то целых два!» Я отыскиваю глазами Вальку Козыреву и вижу: прячется она за спины подруг — стыдно, что не обращала на меня внимания. «Вот то-то же! — внутренне говорю и шествую навстречу отцу, успевшему нацепить своего «георгия».

...Провод дернули. Встрепенулся. Мысли мгновенно улетучились. «Не немец ли?» Я напрягаю зрение, но над полем ни одного предмета, Жуков встал, встал и Бузин. «Это же сигнал сбора».

Подошли Харламов. Трубицын. Прокуронов, Беляев, Махоткин, Шлыков.

— Все?

— Все, — ответил Николай Иванович!

— Пошли!

Над полем стояли тишина и густая темень, готовые каждую минуту взорваться гулом артиллерийской канонады, треском автоматического оружия. Осторожно ступая, гуськом, молча идем на стук топоров. Озноб бьет, как в лихорадке, хочется снова есть. Спускаемся к реке, идем по пояс, по шею в воде, потом немного плывем, снова идем. Вот и берег. Поворачиваем к «саперам».

— Наконец-то! — облегченно говорит Дубинин. — Ну, что, не появлялись?

— Не пришли, пымашь, — ответил Бузин.

— Ну, Коля, кричать тебе петухом, если все будет напрасно,— заметил тихо Саша Харламов. По дрожащему голосу чувствую: смеется.

— А мы все руки оторвали. Что ж нам опять всю ночь махать. Нет, Николай Иванович, твоя затея, ты и махай!

— Все, точка! Забирай инструменты, пошли.

Река была уже позади, и мы шли свободно, не опасаясь, внезапного нападения противника.

Жуков как всегда впереди.

Короткая остановка лишь на мгновение прервала цепь его размышления. Вариант, предложенный Николаем Бузиным, вызвал сомнения у командира взвода, но он согласился с ним. Если немцы клюнут на приманку, то выяснить вид саперных работ пошлют своих разведчиков. Взять же в качестве «языка» хотя бы одного из них обещало не только более обширные и ценные сведения о вражеских частях, но и узнать, что-нибудь о Коблове и Хохлове. Всякое бывает... А вдруг живы они, а если живы, то немцы обязательно постараются их сохранить. Вражеские разведчики должны что-то знать об этом.

В сердце Жукова давно уже пропали и злость, и обида на Агашку, и тем более на Василия Коблова. Общее опасное дело, ненависть к врагам, повседневная совместная борьба сблизили их, сдружили. И только изредка, когда Иван узнавал знакомый Агашкин почерк на конверте Коблову, в душе возникала тревога и обида. Командир взвода отходил куда-либо в сторону, заводил отвлекающие разговоры, иногда «травил», к удивлению многих, веселые анекдоты и большой осадок в сердце понемногу тускнел. Иван не раз убеждал себя, что Агашку он уже не любит, что и любить-то ее собственно не за что. Так себе... Обыкновенная, среднего роста бабенка. Глаза, как уголь и постоянно грустные, да и фигура обыкновенная. Так стремился отвлечь себя от любви Иван Жуков. Но стоило только ему закрыть глаза, как вставал перед ним образ Агаши — самой любимой, самой прекрасной на свете и желанной.

Перед тем роковым поиском, когда погиб Василий Коблов, передавал Иван парторгу документы разведчиков и увидел среди них газету из родных мест, сразу узнал «Коммунар!» И на первой странице снимок. В рябенькой косынке и комбинезоне Агашка. Подпись: «По итогам соревнования трактористка Зотуевской МТС Агафья Никитична Коблова заняла первое место в области. Солдатка, комсомолка Агаша Коблова совершила патриотический поступок. Все заработанные деньги и личные сбережения она отдала на строительство танка «Советский солдат».

Порадовался тогда за Агашу Иван Жуков и погрузил. Не ему, а Василию Коблову Агаша прислала газетку...

«Эх, Василь, Василь... Сколько ты мне уже задач задал! Надо бы письмо Агаше написать, сообщить... но как это сделаешь? Пусть лучше писарь...»

...Вперед посылались глухие, неясные голоса.

«Передовая. Сейчас что-нибудь перекусим. Пехотинцы — народ добрый и к разведчикам относятся уважительно. Только заикнись — лучшие свои продукты отдадут».

Послышался властный окрик.

— Свои! — Жуков назвал пароль.

Около нас толпа пехотинцев. Радостно пожимают руки, ведут к своим окопам. Я остановился около крайнего. Приподнял плащ-накидку. Слабый свет копилки, соломенная подстилка, привалившийся к стене солдат.

— Ну, чаво надо! Закрой!

Вроде бы знакомый голос.

— Да не шуми ты, браток, разведчик я. Пожевать что-либо не найдется?

— Бог подаст.

— Бирюков! Жив, брат, — позабыв о грубом тоне, восклицаю радостно.

— Ну, чаво, чаво раскудыхтался. Сказал же: нет — и баста.

— Да это же я, Иванов. Помнишь маршевую роту?

— Ну, помню. Ну, чаво, отца родного увидел?

Слышу другой голос.

— Нашел у кого просить. У него на масленнице пригоршню снегу не достанешь. Иди ко мне. Поделюсь.

Подхожу к соседнему окопу. Солдат спрыгивает в темную нишу, что-то ищет, выпрыгивает вновь.

— Во-о! Лепешка, свежая. Вчера посылку на взвод дали. Так этот жмот Бирюков себе взял кусок сала. А нам по половинке лепешки досталось.

Солдат ломает напополам четвертушку лепешки, передает мне. Присаживаемся на край бруствера.

— Откуда сам-то?

— Из-под Тулы. А ты?

— Смоленский. Недавно родную деревню освободили. Не знаю только. Живы ли родные?

— Написал?

— Написал соседям, девушке, многим. Да вот ответа нет. Наверно, никого уже и в живых не осталось. Зверствуют, сволочи. Позавчера прибегает одна старушка, говорит, в погреб у нее фашисты расстреляли целую группу раненых бойцов. Пришли. И веришь — волосы дыбом поднялись. Стали мы трупы вынимать... один, второй, третий... двадцать первый... Укладываем рядком на земле. Видим: женщина в форме. Медсестра. Наверное, с ранеными осталась. Фельдшер Миша Линючев вдруг как закричит: «Она жива, она жива!» Мы и рады, что жива, и не верим. Вся прошита пулями.

Есть расхотелось. Вернул лепешку.

— Спасибо, браток. А это возьми обратно. Завтра снова зайду.

— Звать-то как?

— Михаил! Панкратов!

— А меня Иван Иванов.

— Значит, будем знакомы. Я в батальоне Ермакова. Знаешь? На днях ему Героя дали.

— Кончай перекур. Все! — слышу хриплый голос Жукова.

Стало светать, как пришли в деревню.

— Привести себя в порядок, позавтракать и три часа отдыха, — приказал Жуков.

Никто не ответил. Только сейчас сказалось нервное напряжение. Ноги и руки налились усталостью. Сразу потянуло ко сну.

— Я, пожалуй, на завтрак не пойду, — говорю я Алексею Трубицыну и Саше Харламову.

— И мы тоже. У пехотинцев подкрепились.

На полу уже разложенной лежала соломенная подстилка. Саша свернул свою шинель под головы. Мою подстелили, шинелью Алексея накрылись.

— Неужели постигнет неудача, Николай Иванович? — с тревогой спросил Бузина командир взвода.

— Честно говоря, волнуясь, а с другой стороны, печенкой, пымашь, чую, придут стервецы!

Жуков тяжело вздохнул и, не завтракая, лег отдыхать. За последние трое суток он едва ли спал два часа. Но сон не приходил. Я понимал его. Росла тревога. В ушах стояли слова командира бригады полковника Есаулова. «Нам нужны как можно быстрее точные сведения о противнике. Через день-другой подтянутся тылы, бригада пополнит запасы и должна перейти в наступление. Нужны точные сведения, нужен «язык».

Разведчики хорошо знали своего командира. Полковник Есаулов в годы гражданской войны был рядовым разведчиком в бригаде Котовского. Отличался храбростью, дерзостью. В одном из боев с белогвардейцами Есаулов зарубил до десятка врагов. Разведчик потерял глаз, но вышел победителем. Сам Григорий Иванович прикрепил к его гимнастерке боевой орден Красного Знамени.

К разведчикам Есаулов был равнодушен. Он любил их, но, когда требовало дело, был суров и беспощаден. И сейчас, лежа под палаткой, Жуков ощущал на себе сердитый взгляд его единственного глаза.

Не мог лежать Жуков. Встал, застегнул ворот гимнастерки, угрюмый и сосредоточенный, вышел из хаты.

Командир роты капитан Ханин вместе с начальником разведки майором Николаем Ивановичем Крючковым стояли у стола, склонившись над картой.

— А, заходи, — протянул майор, увидев Жукова. — Вот что, Иван Васильевич. Дело хотим одно затеять, но решили твой взвод не трогать. Люди измотались. Пусть проводят намеченную операцию. Хотя, по правде говоря, я мало в нее и верю. Думаем поручить группе Титова просочиться непосредственно в тыл к немцам и там взять «языка». Вот в этом месте, где Ингулец делает поворот и начинается лесопосадка, — майор ткнул пальцем в точку на карте.

— Я по этому поводу как раз и пришел, Николай Иванович. Засомневался я в успехе своей операции. Поэтому хотел предложить группе в пять-шесть человек просочиться через передовую и там взять «языка». Только идти, я думаю, надо не тем путем, каким мы уже ходили. Немцы, несомненно, поставили на нашей тропе секреты, а то и засаду. Они, конечно, правильно мыслят, если перед их передним краем появились советские разведчики, то будут смотреть в оба. Поэтому я предлагаю Ингулец перейти в том же месте. Немцы этого брода не знают. Глубина там по шее, немного придется проплыть, течение небольшое. Затем взять влево, пройти метров пятьсот—шестьсот, повернуть на 90 градусов вправо, параллельно посадке и начинающемуся за ней селу. Местность здесь открытая, немцы сплошной обороны не держат, поскольку все пространство простирается. Ночью же они бросают здесь ракеты и стреляют наугад. Словом, в масках пройти здесь будет хотя и трудно, но, думаю, можно. А дальше обстоятельства покажут.

— Легко было на бумаге, да забыли про овраги, — заметил командир роты и уже серьезно добавил: — На обстоятельства, Иван Васильевич, полагаться нельзя. Надо продумать все до мелочей. С маршрутом я согласен. Часовые обычно, выставляются на окраинах и у штабов. В небольших хатках охрану немцы не выставляют. Вот к таким объектам и стремитесь подобраться. Если немцы внезапно обнаружат группу. Тут мы договоримся с командиром бригады. Если в том районе, где будут наши разведчики, возникнет активная перестрелка, то на другом участке организуем имитацию ночного наступления. Это поможет разведчикам оторваться от преследования.

— Что ж, — подвел итоги начальник разведки, — примем предложенный вариант. Вы, Иван Васильевич, продолжайте операцию «форсирование реки», может быть, «гости» придут. А вы, Владимир Иванович, — обратился он к парторгу Хрусталеву, — пойдете с группой Титова.

В сумерках три группы наших разведчиков вышли на передовую. Перед этим начальник разведки поздравил Жукова, Бочкарева, Бузина, Трубицына, Титова и других с награждением их орденами и

медалями за проявленные ранее мужество и отвагу, пожелал, как водится, ни пуха ни пера. А затем дал последние указания, где и как переходить передовую.

— Командиры батальонов предупреждены: пароль «Илья Муромец». Ну, в добрый час!

До самой передовой я шел, обьятый тревожными думами. И хотя командир роты просил забыть о неприятном случае, который произошел днем на занятиях, в сердце томила обида на старшину.

А произошло вот что.

После обеда начальник разведки решил отретировать с нами взятие «языка». Обозначать «неприятеля» он поручил Николаю Бузину, рядовым Григорию Бойченко и Павлу Афанасьеву. Каждый из них — косяк сажень в плечах, выдавшие виды, опытные фронтовики.

Мы залегли вдоль условной дороги, поджидая «языков». Первым двинулся Григорий Бойченко, вторым на расстоянии десяти—пятнадцати метров Афанасьев и, наконец, Николай Иванович Бузин. Нам с Сашей Харламовым и предстояло его взять. Дождавшись, когда он поравняется с нами, мы вихрем сорвались с места и бросились на Бузину. Но он вдруг молнией метнулся мне под ноги. Я перелетел через него и распластался на земле. Между тем Бузин уже стоял над нами и, улыбаясь, говорил: «Ауфштейн! Хенде хох». Разведчики смеялись. Виногато улыбались и мы с Харламовым. Но, увидев побледневшего, со сжатыми губами старшину, вмиг посерьезнели.

— Лапша, каша! Кого я беру в группу захвата? Нет, нет, убрать! Точка!

По спине у меня пробежал холодок. «За что так, на моем бы месте и он, может быть, не удержался».

Мы стыдливо переводим с Сашей виноватые взгляды с одного на другого. Хоть плачь тут. Позор-то какой!

— Молодцы, хорошо действовали, — вдруг заметил командир роты. — Но недостаточно внимательны были. Оружие у него находилось на плече. Значит, применить его он бы не успел. В этой ситуации что противник может применить? Броситься в ноги, что Бузин и сделал. А если оружие у него наготове, то он будет стремиться использовать его. Значит, надо выбить оружие, сбить противника с ног. Поняли?

— Поняли.

— Тогда забудем о неприятном случае. С Жуковым я поговорю. Все устроится.

Час спустя Жуков говорил с нами как ни в чем не бывало. А увидев наши виноватые лица, усмехнулся: «Дети. Настоящие дети». И, похлопав меня по плечу, сказал:

— Ну-ну, не сердиться. В жизни всякое бывает.

Передовая возникла внезапно. Вокруг было тихо, люди сидели в окопах. Только дежурные пулеметчик, сигнальщик да офицер встретили нас.

— Сегодня мои наблюдатели засекли: подозрительное любопытство проявляют гитлеровцы вот к этому участку реки, — сказал лейтенант, показав туда, где недавно наши строили «переправу».

— Может, показалось?

— Да нет.

— Спасибо за сведения! — И Жуков с силой сжал руку офицера-пехотинца.

— Слышали? — негромко сказал старшина.

— Слышали

— Значит, «гости» будут. — И взводный удовлетворенно потер руки.

Гусейну Гусейнову и Алексею Дубинину, несмотря на протесты, вновь поручили «махать топорами». Бойченко и Бориновский с положением «саперов» смирились и безропотно несли в руках инструменты. У реки эта группа остановилась и принялась за дело.

Преодолев реку вброд, наши группы поиска прошли некоторое время вместе, а затем разделились.

— Ну, нам вправо, — зашептал Жуков. — Ни пуха...

— К черту.

Старшина пожал руку старшему лейтенанту, и мы молча направились к месту намеченной засады.

— Сигналы подавай, как договорились.

— Понял, — шепотом ответил Анатолий Прокуронов.

Разведчик взял конец провода и, осторожно ступая по мягкой земле, вскоре растаял в темноте. Группа залегла. Над передним краем гитлеровцев изредка взлетали красные, зеленые ракеты, слышались пулеметные очереди, а с нашей стороны доносились глухие удары топоров и слабое повизгивание пилы.

Прижавшись к земле, я внимательно присматривался к сереющему горизонту. Но «гости» не шли. Так минуло несколько часов томительного ожидания. «Неужели неудача?» Но вдруг за провод дернули. Не показалось ли? Нет. Анатолий Прокуронов дернул, а затем еще дважды.

«Идут трое!» — от радости Жуков чуть не закричал. «Идут», — прошептал он Николаю Ивановичу Бузину. — «Идут!» — передавали мы друг другу.

Предстояла схватка. Сердце учащенно забилось, а под рубашкой проступил пот. Я напряженно всматривался в темноту, стараясь на фоне светлеющего неба увидеть фигуры врагов. Наконец мелькнула тень. Остановилась, прислушалась, послышался негромкий голос «Коммен гир».

«Иди, иди... — думаю, — нам с Сашей третьего брать надо».

Подошли еще двое. Стук топоров размеренно доносился из-за реки.

— Геен.

Первый гитлеровец, высоко поднимая ноги, двинулся вперед. За ним второй. «Наш» стоял, к чему-то прислушиваясь.

«Как бы не услышал!» Я стремился унять сильное дыхание. Но сердце билось, как будто я совершил марафон, а дыхания не хватало.

Гитлеровец тронулся. Жуков дернул провод — общий сигнал. Я рванулся на свой «объект». И одним ударом, — (сам не пойму, откуда сила взялась) сбил с ног фрица. Я еще не сообразил, что к чему, а Саша загонял ему в рот кляп.

Николай Иванович Бузин был прав: застигнутые врасплох гитлеровцы были полностью деморализованы и не оказали сопротивления. Разведчики понимали, что за этими должны появиться другие немецкие солдаты, поэтому и спешили скорее отойти от места засады.

Жуков не торопился, лично проверил, как связаны руки пленных, накинул на шею каждому из них петлю из провода и отдал концы мне, Бузину и Бочкареву.

— В случае чего — душите! — А затем, собрав весь запас немецких слов, объявил гитлеровцам: «Идти, шнель! Форштейн? Иначе капут. Форштейн?»

Фашисты, видимо, хорошо поняли старшину, шли ходко, шумно сопя ноздрями. Где-то позади вправо и влево от нас в небо изредка

взлетали ракеты. Но на нашем направлении ни одной. «Хитрят, стервы, — думал я, одной рукой крепко держа гитлеровца за плечо.— Своих не хотят выдать. Только нам это на руку».

Впереди заблестела белая полоска. «Река! Скоро свои», — пела душа. На берегу остановились.

— Иванов, Харламов, Трубицын, — тихо проговорил Жуков, — пойдете первыми. Двое возьмите по проводу и идите по обе стороны от пленного, держите его внатяжке. Ты, Алексей, придержи фрица. Там на середине метров пять надо плыть.

Старшина подтолкнул «языка» в воду.

Мы идем по илистому дну. Вода все выше и выше, и вот уже ноги не достают земли. Гитлеровец хватил через нос воды, кашлянул. И кляп выпал изо рта. Трубицын резко толкнул пленного вперед. Под ногами снова почувствовалось дно. Мы идем, тяжело дыша. Рядом с нами, едва переставляя ноги и что-то бормоча, плетется фриц.

Выйдя на берег, Алексей Трубицын достал новый кляп.

— Найн, найн! — быстро заговорил гитлеровец. — Их бин Австрия. Я есть работник! То фасист.

— Ну смотри у меня, закричишь — убью.

— Найн, найн.

Подшли остальные разведчики.

— Чего ждете? — цыкнул на нас Жуков. — Вы, что, не знаете, что надо, не останавливаясь, идти вперед!

— Да вот, Иван Васильевич, балакает. Он рабочий, а эти фашисты.

— Я, я, — подтвердил из темноты «наш» подопечный.

— Разберемся. Вперед, все, точка!

Через несколько минут к нам присоединились друзья-саперы.

— Бороновский! Спроси этого «рабочего». Не брали они вчера, позавчера кого-либо в плен?

Последовал долгий монолог.

Этот «рабочий» говорит, как я понял, вчера подобрали труп убитого советского солдата с кожаным мешочком на груди.

«Хохлов!» Пронеслась мысль. В роте знали, при уходе на фронт, отец вручил ему мешочек с уральской землею.

— А еще никого не подбিরали?

— Говорит, больше никого.

До самой передовой никто не обмолвился даже словом.

Каждый шел и думал о своем. Поводок я передал Алексею Дубину и теперь топал позади всех по вязкой земле, думая о предстоящей встрече, о пропавших друзьях. «Значит, тезка мой погиб точно. А Коблов? Может быть, укрылся где? Или подобрал его кто-нибудь из близлежащего села? А может быть, труп его никто еще не обнаружил?» Мысли о Коблове увели далеко. Припомнился день. Мы сидели с Василием Кобловым в небольшом окопчике, попеременно наблюдая за передним краем противника, и тихо вели разговор.

— Вот окончится война, Ванюш, и напишут о ней, о подвиге народном, в том числе о нас с тобой, тысячи книг. Чего улыбаешься? Да, брат, напишут. Потому что не было еще такого лютого врага и лютой войны, как не было и такого героизма, как сегодня. Скажу тебе о жене. Бывало до войны, увидит в кармашке тайника брюк трешку обидится на день. «Разве можно, мол, такие деньги тратить на горилку. «Цэ ж цылый килограмм варения». А недавно сообщила, что половину зарплаты ежемесячно перечисляет в фонд обороны. И не только она, а буквально все население отдает все для фронта, для победы. Знаешь, хочется дожить до этого момента, посмотреть, какая

жизнь будет после войны. Приезжай ко мне тогда в гости. Угостит тебя моя жинка варениками со сметаной.

— Приедут обязательно приеду, — ответил я Васильку, а про себя сказал: «С Валькой Козыревой».

— Наши! Наши! «Языков» тащат! — раздались голоса.

«Передовая», — облегченно говорю себе. Где-то здесь мой новый друг Михаил Панкратов. Я бегу к знакомому окопчику. Но застаю там другого солдата. «Панкратов? Не знаю такого. Мы только что подошли».

— Панкратов? Опоздал, браток. Увезли его в госпиталь. Вчера вечером осколком снаряда тяжело ранило.

...К рассвету в штаб бригады наша группа доставила «языков», а час-полтора спустя с двумя пленными сюда прибыла и группа Титова.

— Молодцы, орлы, — хвалил разведчиков полковник Есаулов. — Будете представлены к наградам — И, повернувшись к командиру роты, добавил: — Три дня отдыха.

68-я бригада в составе 8-го мехкорпуса вскоре пошла в наступление, смяла обороняющийся на ее участке вражеский заслон и вырвалась на оперативный простор. В боевом строю наступающих шли разведчики Ханина. Они делали свое нужное и трудное дело, не задумываясь над тем, какой вклад вносят в общий успех.

Виталий ТУФАНОВ

* * *

Все резче звезд накрапы.
Густеет неба синь...
Вновь не дождавшись папы,
Уснул в кроватке сын.

Я подойду к постели,
Коснусь губами лба...
Сынок, неровно стелет
Военная судьба.

Не часто нам с тобою
Дает побыть вдвоем:
То задержусь с отбоем,
А то чуть свет — подъем.

Дежурства до рассвета.
Тревоги до утра.
Нам что? Была б согрета
Под солнцем детвора.

Мечтала б и взлетала
С отцовского крыльца...
А ночь запеленала
Туманом деревца.

И слышно за стеною
Шуршание осин...
Здесь все твое, родное,
Спокойной ночи, сын.

●

* * *

Евгений АВДЮШИН

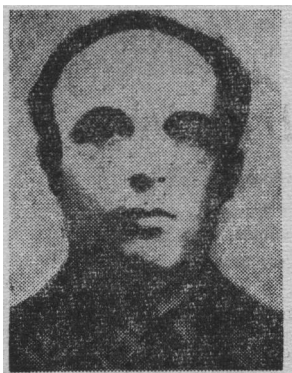
Живем в ожидании "схватки"
Вторую неделю подряд.
Который уж день по палатке
Стеклянные капли стучат.

Но кончится дождь.
И атака
Гремящей лавиной пройдет.
На западе солнечным маком
Июньский закат расцветет.

Ты край у палатки откинешь
И выйдешь навстречу заре
И жизнь эту сложную примешь
Намного живей и острей.

●

Борис БИМБАД

* * *

С моей военной судьбою
Связала ты судьбу свою.
И двадцать лет идем с тобою
В одном, любимая, строю.

Всегда мы шли дорогой главной,
Мой друг по жизни, по судьбе.
За все платили мерой равной,
Но больше выпало тебе.

И горе, и любое дело
Мне было легче одолеть
Лишь потому, что ты умела
Улыбкой сердце обогреть.

И дорог мне тот миг блаженства,
Когда, приняв мои цветы,
Светясь былым лукавством женским,
Нежданно молодеешь ты.

Виталий ТУМАНОВ

ТЕПЛООЗЕРСКИЕ ЦЕМЕНТНИКИ

ОЧЕРК

Теплоозерский ордена «Знак Почета» цементный завод первым в отрасли выполнил задание девятой пятилетки. Он занесен в Книгу трудовой славы Хабаровского края.

Это день сегодняшний. А в минувшую пятилетку предприятие вступало отстающим по всем показателям. Оборудование эксплуатировалось на износ, не достигая проектной мощности.

Требовались радикальные меры по техническому перевооружению производства, а в первую очередь — сплочение коллектива, разuverившегося в своих силах и возможностях.

Из Хабаровска Кожемякин возвращался в Теплоозерск поездом. Побывав в крайисполкоме: представлялся руководству, ознакомился, присматривался к людям, с которыми не один год предстояло иметь дело. И размышлял, прикидывал, по плечу ли ноша — директорство на одном из самых отстающих предприятий отрасли.

Поздно, конечно, терзаться сомнениями. Знал, на что согласился. Начальник Главвостокцемента Е. Г. Древицкий и не скрывал: завод тяжелейший, оборудование старое. С кадрами худо, текучесть большая. К тому же и серьезной помощью не обнадживал.

— Деньжонками, конечно, поддержим, как только почувствуем, что ты сможешь ими разумно распорядиться, — говорил Древицкий. — Реконструируйте производство, требуйте необходимую технику. Но не все сразу. Хозяйство у нас большое, каждый завод внимания требует. За цемент спросим в полном объеме, без скидок на трудности. Сам знаешь: не могут стройки ждать, пока вы там все отладите и порядок наведете.

— Ну, и просовал ты меня по старой дружбе, Евгений Григорьевич...

— Ничего, Георгий Васильевич. Хватит в роли "зама" ходить. Ишь понравилось в тени! Нет, ты потяни-ка лямку с полной ответственностью.

Перейдя с шуточного тона на серьезный, начальник главка добавил:

— Ты с людьми умеешь ладить. Это

важно. На теплоозерском заводе нужна, мне кажется, прежде производственной, моральная реконструкция. Люди разуверились в реальности планов, которые спускаются предприятию. Запустили мы завод, прямо надо признать. Коллектив придется заново сколачивать. Из того же человеческого материала, однако заново. Без надежного «костяка», на который сможешь опереться, завод не подымеешь. Как не смогли это сделать твои предшественники. Тринадцать директоров за четверть века! Ты четырнадцатый.

...Под стук колес Кожемякин думал о том, что уже пережито и вся его трудовая жизнь связана с цементом. Работал он на заводах Урала, Сибири... Был мастером, начальником цеха, заместителем директора. Профессия, надо сказать, не из тех, о которых мечтают с детства. И вот надо же: дети по отцовским стопам пошли. Старший сын работает машинистом вращающихся печей на подмосковном цементном заводе, младший учится в институте на факультете технологии вяжущих материалов. А им с Лидией Ефимовной опять предстоит новое место осваивать, привыкать к новым людям.

Будь помоложе, брался бы за дело круче, решительней. Впрочем, пятый десяток это, говорят, для мужчины — расцвет творческих сил. Так-то оно так, да физические бы не подвели...

Душа побаливает. Осадок неприятный остался от первого посещения завода, вездливый какой-то, точно цементная пыль... Шел по разбитой дороге, через захлавленную заводскую территорию, и злость распирала: "Как не противно по уши в грязи сидеть?!".

Заглянул в обжиговый цех. Тишина. Еле разыскал живую душу.

— Кто тут из руководства есть?

— Я бригадир.

— Почему печи стоят?

— Подшипники сгорели.

— Когда отремонтируют?

— Не знаю

... Вернулся в гостиницу. Жена спрашивает: "Ну, каково впечатление?" - Бодро ответил: "Будем работать!" А про себя

твердил: «Только без паники! Все образуется».

Теперь, после поездки в Хабаровск, Кожемякин несколько успокоился. Почувствовал, что на его опыт возлагают надежды, постараются, несомненно, помочь заводскому коллективу выйти из прорыва.

В Биробиджане в купе вошли двое молодых людей. Пока они шумно рассаживались да прихорашивались, Кожемякин исподволь присматривался к попутчикам. «Вроде этого скуластого с бакенбардами недавно видел? Где же?.. Кажется, в Теплоозерске. Личность приметная».

Теплоозерец сам о себе заявил, продолжая ранее начатый разговор с приятелем:

— Работа у нас не мед. И пыльно, и без премий вкальваем. А вот квартиру я тебе гарантирую. Завод в поселке — всему голова. И квартиры его, кому начальство хочет, тому и даст. Только охотников мало. У нас директора и то не держатся. Говорят, опять нового прислали.

— Ты-то вот не уезжаешь, — возразил второй парень.

— Так у меня семья большая, родители со мной. Куда я от них? А вам с женой больше в общезнании нельзя, дите скоро будет. Такого слесаря, как ты, у нас возмут с поклоном и квартиру подберут. Вот тогда из теплого угла неторопко можно высматривать место поинтересней.

— Вот вы, молодые люди, намереваетесь на стороне место поинтересней искать, — осторожно заметил Кожемякин. — А если свой поселок в порядок привести и завод сделать не хуже других?

— Да он еле дышит, наш завод, — сердито сказал теплоозерец. — От него больше пыли, чем продукции. Впрочем, сошли бы на нашей станции да навели порядок.

Парчи рассмеялись, потешаясь над наивным пассажиром. Но, заметив, что Кожемякин снял с полки портфель и приготовился к выходу, удивились.

— Вроде не примечал я вас в поселке, — осторожно произнес теплоозерец.

Кожемякин решил «доигрывать» партию:

— Сами же предложили выйти на вашей станции и привести завод в порядок. Ну так пошли!

Видно было, как впереди по ходу поезда сгустились желтые облачка пыли над горной цепью. Вот из-за поворота пути показались пыльные корпуса завода, серые и неприглядные поселковые улицы. А вокруг склоны сопки кудрявились рощами, пестрели цветочными лугами.

Курортные места. Впрочем, так оно и есть — поблизости расположился санаторий Кульдур с его целебными источниками. «В таком благодатном краю и вдруг живут одни временщики, — спрыгивая на галечную насыпь перрона, подумал Кожемякин. — А нужны-то хозяева!»

Георгий Васильевич ошибался, когда думал, что в Теплоозерске все «временщи-

кн». Вскоре он сам это понял, знакомясь с коллективом. Какой, скажем, «временщик» Виктор Иванович Врублевский? Работает чуть не с основания предприятия. Опытнейший машинист вращающихся печей. На первых порах работы, пока новое производство на подъем шло, Врублевский великолепно справился с освоением оборудования. А скольких машинистов он обучил! Здесь заслужил звание Героя Социалистического Труда. Конечно, он всей душой переживает, что предприятие в прорыве. Или Борис Николаевич Вавилкин, Галина Васильевна Савичева... Да мало ли кадровых рабочих, которые даже в самое трудное время верили в новое становление завода.

Однако значительную часть производственников составляли работники низкой квалификации. Были здесь и случайные люди, их вполне устраивала обстановка «раскачки и авралов», при которой безразлично можно прогулять рабочий день или устроить пьянку «без отрыва от производства». Находились и скептики, которые заявляли, что из такого завода все равно ничего путного не получится. Говорили так, конечно, по собственной лениности, поскольку технический прогресс всегда претит любителям спокойной жизни.

Кожемякин не спешил с принятием крутых мер, внимательно приглядывался к людям, с которыми ему предстояла совместная работа.

Изменения начались с... заводской проходной. На месте деревянной будки построили небольшое, но достаточно вместительное кирпичное здание, в котором рядом с проходной разместился и отдел кадров. К заводууправлению сделали пристройку, оборудовали в ней медпункт, процедурные кабинеты. Кожемякин нашел умельца-художника, который по фронтону строения смонтировал из цветных стеклоблоков витраж с изображением медицинской эмблемы. Солидно получилось и красиво. Ворота поставили стрельчатые, а сразу за ними — Аллея трудовой славы с портретами передовиков производства. Над воротами лозунг-приглашение «Добро пожаловать!»

«У худой избы сладили парадную дверь», — посмеивались скептики. Да и оптимисты качали с сомнением головами: «С того ли конца начинается новый директор?»

Однако через такую «дверь» на работу ходить оказалось приятней. Вековечную грязь у ворот выскребли, отсыпали перед заводууправлением обширную площадку, заасфальтировали ее. Устроили стоянку для личного транспорта, благо у многих, кто на дальнем конце поселка живет, было желание на своей машине или мотоцикле к заводу подрулить. Ну и хорошо, в общественном автобусе стало свободней.

Попробуйте-ка в квартире входную дверь покрасить... Непременно захочется освежить и прихожую, а еще лучше — от-

ремонттировать всю квартиру. Вот и обшарпанное за много лет заводоуправление заблестело свежей краской, новой мебелью. Появились строители и в цехах Облицовывали плиткой бытовые комнаты, помещения буфетов. Сколько прежнему руководству о бытовых неурядицах говорено, все «руки не доходили». И вдруг — не хожено, не прошено — душ заработал во все рожки, столовая преобразилась. Оказалось, что повара могут вкусно готовить и разнообразить пищу. Директор успевал побывать везде. То он беседовал с сотрудниками отдела в управлении, то советовался, сведя вместе маляров и художников, то о чем-то толковал с рабочими и мастерами... Впрочем, известно о чем; кто, как не они, знали все сильные и слабые стороны оборудования.

Дошла очередь и до дальних углов заводского двора. Предложи кто-нибудь некоторое время назад разбить на территории завода цветники, на смех бы его подняли. Считали, что цветок цементу не сосед. Думали, что без грязи и пыли на цементных заводах вообще невозможно — такова уж «специфика» отрасли!

Директор на переубеждение слов тратить не стал, снарядил делегацию на Ангарский цементный завод. Разговоров по возвращении было много: о беседах и фонтанах, о теплице на территории предприятия, — теплоозерцев там угостили огурками прямо с грядки.

— Вот и у нас так должно быть, — убеждал всех Георгий Васильевич. — Чем мы хуже?

Провели несколько субботников. Территорию завода очистили от мусора, посадили деревья и кустарники. Даже фонтан устроили, а вокруг — декоративный газон. Начал преобразаться завод, и настроение людей стало иным.

Впрочем, до хорошего настроения были впереди еще и серьезные неприятности. Когда завод перешел на новую систему планирования и экономического стимулирования, министерство решило помочь теплоозерцам материально — поощрить лучших производственников. Выделили средства на выплату «тринадцатой зарплаты» («Аванс в счет будущих успехов», — сказал директору начальник главка).

Заводской «треугольник» не хотел никого обидеть (в то время обиды могла обернуться серьезными моральными издержками), включил в число премированных даже весьма посредственных работников. И все-таки до двухсот пятидесяти человек пришлось исключить из списка за прогулы без уважительных причин, за пьянки и прочие серьезные дисциплинарные провинности.

Шуму было! Некоторые «травмированные» лишением премии даже уволились. Правда, жалеть об этом не приходится, не ко двору они оказались выздоравливающему коллективу. Позднее, когда у завода образовался свой солидный фонд материального стимулирования, суммы выплат

намного выросли, а наказанных рублем случаются единицы. Система свою воспитательную роль сыграла.

Человек в двадцать лет — пора юности, весны, расцвета... А завод? Смотря какой. О Теплоозерском цементном говорили: «Старый». За такой срок оборудование не просто изнашивается, а, как говорят производственники, морально стареет. Техника нуждается не просто в ремонте, но в модернизации. Завод должен переедически реконструироваться, иначе производство отстает от современных требований. Необходимо с тех же площадей получать все больше и больше продукции, чтобы идти вровень с новыми родственными предприятиями.

Однако при этом нельзя было снижать выпуск продукции, ведь на нее рассчитывают заказчики. План — непреложный закон, его надо выполнять. Впрочем, теплоозерцы план редко выполняли, да и то дорогой ценой: крутили технику вплоть до аварий. Не хочется худо говорить о прежних руководителях, однако жили они текущим днем: вытянули сегодня плановый показатель — ладно, а завтра как уж получится. Получалось же все хуже и хуже.

Вскоре после назначения Кожемякина директором завода Облученский райком партии рекомендовал секретарем парторганизации завода инструктора райкома Василия Александровича Воронина. Раньше Воронин сам работал на этом заводе, хорошо знает цементное производство, потом был выдвинут отсюда на партийную работу. Теперь в райкоме считали, что его опыт поможет хозяйственным руководителям быстрее сплотить коллектив и укрепить дисциплину.

Для нового руководителя едва ли не самая большая трудность — определить деловые качества людей. Георгий Васильевич приметил, что некоторые специалисты выполняют работу незаинтересованно, как говорится, «от сих до сих». Привыкли люди не очень-то себя утруждать. Другие просто должности занимали не по способностям, оттого у них дело и не ладилось.

Пришли руководители завода к выводу, что необходимо укрепить некоторые производственные звенья, произвести кое-какие должностные перемещения. Недовольства, конечно, не избежать, если действовать лишь по административной линии. Даже отпетый бездельник никогда не признается, что он тормозит дело. Но без ломки не обойтись.

Инженерно-технический «костяк» предприятия комплектовали осторожно и тщательно. Рискнули выдвинуть на руководство некоторыми цехами молодых специалистов, преимущественно из числа бывших кадровых рабочих, окончивших вечерний техникум при заводе. Случалось, конечно, что на их работе сказывалось отсутствие навыков руководства большим коллекти-

вом. Вместо того, чтобы организовать труд слесарей-ремонтников, смотришь, молодой механик сам с ними гайки крутит. Иной выдвиженец, наоборот, из кабинета не вылезает.

Давала себя знать и привычка к мелочной опеке. Обратился к директору молодой начальник цеха обжига Анатолий Рыбалко: печь, мол, отремонтировать надо.

Кожемякин брови удивленно вскинул, недоумевающее пожал плечами:

— Так в чем дело? Хотите, чтобы этой работой я занялся? А может, ремонтники сами справятся?

— Значит, можно? — допытывался все-таки Рыбалко.

— Если пора ставить печь на профилактику, значит, «нужно», а не «можно». Ко-му решать, как не вам, начальнику цеха? Продумайте, подготовьте необходимые расчеты. Напомню, что сроки ремонта должны быть по возможности минимальные. Предложите рациональную расстановку людей. Определите оптимальный режим работы печи после ремонта, чтобы наверстать затраченное время. А мне после доложите.

Ушел начальник цеха смущенным. Раньше руководители завода обычно требовали: «Тянет печь? Вот и крути! План за-валиваем, а он предлагает простой оборудования устроить».

Позднее Рыбалко не раз вспоминал о своих сомнениях. «Как это так: самому решать? А потом отвечай, коли что не так...» Подумав, рассудил по-иному: «По-чему самому? В цехе есть еще инженеры и техники, бригадиры. Каждый ответствен за определенную часть общего дела. Со-обща все решаем. В то же время я наде-юсь на них, доверяю их знаниям, ини-циативе. Вот и мне доверяют...»

Рыбалко, кстати сказать, оказался не просто хорошим, но способным органи-затором. Возглавляемая им творческая груп-па рационализаторов проявила немало творческой смекалки при техническом пе-ревооружении цеха, благодаря чему про-изводство обрело «второе дыхание».

Реконструкция происходила постепенно, без остановки производства, но охватила буквально все цеха и переделы. Были удлиненны обжиговые печи, их оснастили приборами автоматического контроля. Вы-ход клинкера резко увеличился. Усовер-шенствованы и цементные мельницы.

Все минувшие годы завод в качестве техно-логического топлива использовал уголь. Поставлялся он из разных мест, а стало быть, и его качество было различное. Це-лое отделение занималось подготовкой у-гля. И все равно обжиг клинкера шел не-равномерно. Все-таки это капризное топ-ливо — уголь, то он излишне влажный, то очень сухой. Колебания режима сказы-вались на качестве продукта.

Чтобы осуществить перевод производ-ва на жидкое топливо, пришлось модер-низировать печи, создать сложное мазутное хозяйство. Зато после этого в цехе обжига высвободилось 45 человек из 125, улуч-

шились условия труда и экономические показатели, конечно. Машинисты враща-ющихся печей Баштовенко, Кузьмин, Ва-вилкин, Врублевский решили, что в новых условиях они могут обойтись без сменных мастеров, поочередно беря их роль на се-бя. Больше того, договорились обслужи-вать, вместо одной, по две печи. И все это успешно осуществили.

Благодаря тому, что люди научились лучше работать, правильной стали эксплу-атировать печи, достигнута стабильность режима. При жидком топливе технологи-ческий процесс проходит ровно, аварийные ситуации стали редкостью, да и то их обычно быстро ликвидируют. Тем самым достигнуто увеличение срока футеровки печей. Бывало, их останавливали через во-семьдесят—девяносто суток, разбирали за-щитный слой огнеупорного кирпича, заме-няли новым. Постепенно срок службы фу-теровки довели до 300—310 суток. Слу-чаются и «рекорды». Третья печь, напри-мер, крутилась без остановки 450 суток.

В период реконструкции излечили про-изводство от многих «недугов». И пыли стало меньше, цементники этому особенно радуются. Коллектив стал сплоченней, ра-ботает с хорошим настроением. Отсюда отдача. В 1974 году завод впервые достиг проектной мощности — 775 тысяч тонн це-мента, а в завершающем году девятой пя-тилетки перекрыл ее на 125 тысяч тонн. Повисилось качество продукции, освоен выпуск высокопрочного портландцемента марки «600». В десятой пятилетке тепло-озерцы замыслили достичь годового вы-пуска — один миллион сто тысяч тонн цемента. Причем сделать это без дополни-тельных капитальных затрат, за счет даль-нейшей реконструкции.

...А теперь, уяснив производственную си-туацию, заглянем в директорский кабинет во время приема по личным вопросам. В это время легче всего узнать, какими за-ботами живут люди, как сложились отно-шения у директора с коллективом и каков вообще на заводе «моральный микрокли-мат».

В моем блокноте есть запись, сделанная в часы приема посетителей предшественни-ком Кожемякина, поэтому можно срав-нить запросы того времени с нынешними. Вот кто и с чем приходил раньше. С об-ходными листами — машинист вращающих-ся печей, пожилой техник, молодой инже-нер-механик, два слесаря. Свой уход объ-ясняли неудовлетворенностью условиями труда и производственного быта. Двое ра-бочих жаловались на грубость руководи-теля цеха. Двое сетовали, что слишком часто их обязывают работать в сверхуроч-ное время, а их третий товарищ, не воз-ражая в принципе против сверхурочных, требовал лишь их полной и своевременной оплаты.

...Теперь в часы приема в директорском кабинете присутствуют представители парт-

кома, завкома профсоюза, комитета комсомола, отдела кадров и ЖКО. Таким образом, многие вопросы, находящиеся в компетенции присутствующих работников, решаются сразу.

Бывший работник завода, ныне пенсионер, хотел бы еще поработать. После короткого совета предложили ему место в ЖКО. Проситель доволен: «Подойдет!» Быстро удовлетворяются просьбы о переводе на более легкую работу по состоянию здоровья, о трудоустройстве. Предусмотрительная молодая женщина беспокоится о месте в детских яслях для ребенка, который... скоро должен родиться. Пообещали, когда подойдет время, помочь, посоветовали в питание ввести побольше витаминов и пожелали доброго здоровья. Ну, что еще скажешь?

Остальные двенадцать человек — по квартирному вопросу. Заканчивается строительство многоэтажного дома, вот «очередники» и заволновались...

Помните, слесарь, вагонный попутчик Кожемякина, гарантировал приятелю квартиру в поселке? Вот как было. А теперь даже директор завода не может сразу гарантировать. Нет их, свободных квартир. В очереди ждать надо. За что же, спросите вы, похвала руководству предприятия, если обострится жилищная проблема? Парадокс какой-то!..

А вот и нет парадокса. Это свидетельствует о том, что кадры на заводе закрепляются, жители поселка уже не высматривают на стороне места поинтересней. Оно вокруг них такое место. Поселок заросся, появились и продолжают строиться новые многоэтажные дома со всеми коммунальными удобствами. Теплоозерцев уже не устраивают старые дома, они хотят улучшить свои жилищные условия, таких, кстати, в очереди на квартиры добрая половина. Приезжают молодые специалисты, появляются новые семьи. Потому теперь так много претендентов на новоселье.

Однако, как ни объясняй жилищную и детсадовскую проблемы, их надо решать. Улучшению жилищных условий теплоозерцев, их быту, отдыху дирекция, общественные организации уделяют внимания не меньше, чем выполнению плановых заданий. Впрочем, именно это не в последнюю очередь благотворно и влияет на производство. Заложили еще один большой дом, будет и новый детский сад. Физкультурникам недавно подарен стадион и спортивный зал. Для детей работников завода построили пионерский лагерь. Создается своя база отдыха.

Теплоозерск здорово изменился. Не то, что не узнать, многое еще здесь остается от старой застройки. Но на каждом шагу приятно удивляешься. Все основные улицы заасфальтированы, установлены светильники, как в больших городах. Преобразился Дом культуры, будто он не отремонтирован, а заново выстроен. Не зря его теперь Дворцом называют. Подоб-

ная же метаморфоза произошла с гостиницей, столовой, рестораном, заводским молодежным общежитием и профтехучилищем. И те же они, но совсем другие. Не просто удобней и уютней, комфортабельней стали, что ли...

Своеобразным критерием изменения морально-этических отношений может служить такое сравнение. Когда-то близ заводу управления стоял грубо сбитый щит с выцветшими фотографиями производственников. Некоторые снимки покоребились, покрылись слоем грязи. Кто на них изображен, не узнаешь, поскольку подписей не было. Не поощрение получалось, а оскорбление людей.

Теперь монументальная заводская Доска почета с большими красочными портретами возвышается в центре поселка. Вот такая дань уважения достойна ударников труда, на которых должен равняться коллектив. Сегодня у теплоозерцев авторитет высокий: их предприятие идет в числе лучших в отрасли.

За последние годы на страницах литературных произведений, на театральных сценах и киноэкранах мы видим самых различных руководителей предприятий и строков да еще в разнообразной трактовке актеров. Энергичных технократов и флегматичных добряков, простоватых ветеранов и молодых эрудитов, отрешенных от мирской жизни подвижников и пунктуальных рационалистов, успешно совмещающих работу с семейным отдыхом.

Иногда, стремясь создать примерную модель идеального руководителя, синтезируют в одном образе лучшие качества, которые считают присущими и необходимыми нашему современнику. В реальной же жизни приходится воспринимать человека таким, какой он есть. С недостатками и ошибками. И все-таки что же сблизило Г. В. Кожемякина с коллективом и чем поучителен его опыт руководства?

Каково мнение теплоозерцев?

Дадим слово машинисту вращающихся печей Виктору Ивановичу Врублевскому, Герою Социалистического Труда.

— Мне представляется особо важным, что Георгий Васильевич Кожемякин впервые же дни подобрал к людям верный ключ. Он словно разбудил чаше самолюбие: «Не обидно ли, мол, вам чувствовать себя такими беспомощными?» Мы, коммунисты, увидели в нем организатора, комиссара. Не командира, именно комиссара, который не приказывает, а советует. Командовать разобщенным коллективом было бы опрометчиво, распоряжения многие воспринимали скептически. Прежде чем отдавать административные распоряжения, нужен был авторитет.

Со временем директор заслужил такой авторитет. Прежде всего своей обязательностью: все, что пообещал, делает. Люди поверили и пошли за ним.

— Обстановка взаимного уважения и

доброжелательности, установившаяся за последние годы, сказала на развитии творческой инициативы, деловой активности людей, — говорит начальник производственного отдела Лариса Афанасьевна Копыца. — Особенно это ощущается в работе Совета НТО, а также творческих рационализаторских групп.

Впервые в отрасли у нас отработана и внедрена технология помола цемента с применением гранулированного борогипса вместо природного гипсового камня. Это даст большой экономический выигрыш. Впервые у нас используется интенсификатор помола — карбамид, тем самым резко повышена производительность мельниц "Подсмотрев" у металлургов стержневой способ загрузки сырьевых мельниц, мы применили его в своем хозяйстве: помол сырья теперь идет быстрее и качество его лучше.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что техническое перевооружение завода, совершенствование технологии стало кровной заботой коллектива, настоящего рачительного хозяина завода.

— Помню время, — вспоминает секретарь парткома Василий Александрович Воронин, — когда многие на заводе о делах разговаривали только на повышенных тонах. При Кожемякине люди становились добрей: директор категорически пресекал грубый тон во взаимоотношениях, требуя спокойного и делового решения вопросов.

После того как по рекомендации Облuchtenского райкома КПСС коммунисты завода избрали меня секретарем партийной организации, мы вместе с завкомом профсоюза и комсомольской организацией дали решительный бой прогульщикам, нарушителям трудовой и производственной дисциплины. Всю организационную и воспитательную работу проводили в тесном контакте с администрацией, во всех начинаниях поддерживали друг друга. Вот в

таком взаимодействии, считаю, главный залог успеха коллектива

— Что роднит человека с землей, на которой он живет Красота этой земли и доброта. Если уютно и интересно жить на этой земле, то лучше ее для человека не существует, — говорит Георгий Васильевич Кожемякин. — Он станет заботиться об этой земле, лелеять, чтобы стала еще краше, богаче, а стало быть, и щедрее для него же, человека, — хозяина земли.

Так же — поселок, дом, завод...

Надо, чтобы коллектив, каждый его работник полюбил производство, трудился на нем не только ради заработка, но и получал моральное удовлетворение от своей работы.

Учитывая эти психологические факторы, мы и начали реконструкцию "не с того конца", как говорили некоторые товарищи. Мы благоустроивали завод, делали его привлекательней, чище, в этой общей заботе начинал реконструироваться моральный климат коллектива. Такая работа не сразу дает производственную отдачу, какое-то время наши показатели оставались на очень низком уровне. Поэтому нас, если можно так выразиться, не все понимали. Пришлось нам с главным Инженером Виталием Федоровичем Сухановым терпеливо сносить немало упреков. Но, должен сказать, что благодаря энергичной поддержке заводского партийного актива, мы все-таки чувствовали себя уверенно даже в самые трудные минуты.

А начиная с 1974 года проводимая реконструкция оборудования и организационная перестройка постепенно стали приносить все более крупные плоды. Коллектив не только научился справляться с государственными заданиями, но и перекрывать их. стал одерживать победы во Всесоюзном социалистическом соревновании. О верности его курса свидетельствует орден "Знак Почета" на заводском знамени.

Солдаты БАМа

ОЧЕРКИ

XXV съезд партии придал большое значение строительству Байкало-Амурской магистрали. "Кажется, еще совсем недавно первые строители вековечный покой глухих таежных мест, — говорил в докладе съезду Л. И. Брежнев. — Теперь работа в разгаре. Досрочно открыто рабочее движение поездов на трассе Бам—Тында, построено 70 мостов, проложено 1200 километров автомобильных дорог, и строители наращивают темпы работ».

Автор этих очерков побывал в Ургале и Березовом — "горячих точках» трассы Байкало-Амурской магистрали, где воины-железнодорожники ведут главный путь на встречу друг другу, чтобы в соответствии с решением Хабаровской краевой партийной конференции на полтора-два года раньше срока завершить строительство участка Ургал—Комсомольск-на-Амуре. Досрочное сооружение так называемого Дальневосточного кольца (оно состоит из уже существующих веток Известковая — Ургал, Волочаевка—Комсомольск, участка Транссиба и строящегося пути от Ургала до Березового) даст возможность быстрее освоить лесные и горнорудные богатства этого района и получить отдачу от БАМа, ускорить перевозки грузов в порты Тихоокеанского побережья, улучшить снабжение Сахалина, Колымы, Камчатки.

АМГУНЬСКИЙ УЗЕЛ

Амгунь и трасса, как сестры, переплелись друг с другом. Зажатая хребтами — Бурейским, Баджалом, Дуссе-Алинем, — Амгунь мечется, петляет, и трасса, идущая попутной долиной реки, пересекает ее в четырех местах. Приманув проектировщиков, горная река нагородила на их пути множество препятствий. Мало того, что надо строить полукилметровые мосты на быстрине, — предстоит еще пройти несколько головоломнейших прижимов — скал, почти отвесно обрывающихся над водой.

Едем по автодороге, которая то идет понизу, по трассе, то взбирается на "полки», вырубленные в скалах еще во времена первых этапов строительства БАМа. И вдруг камнепад преграждает путь. Огромные глыбы, пританцовывая, летят свер-

ху и, перепрыгивая дорогу, падают на лед. На фоне неба маячат наверху две фигурки в полушубках и ушанках, машут нам, чтоб остановились. Время от времени показываются ножи бульдозеров. Вверх тянется трос. Ага, значит, люди поднялись туда по тросу. А каким чудом попали на скалы бульдозеры?

Об этом рассказал хозяин этих мест командир батальона железнодорожных войск Г. Алымов. Скалистый мыс этот так врезался в реку, что современной железной дороге его не обойти, поездам тут не вписаться. Так что же? Согласно проекту надо было сначала построить временную автодорогу наверх, загнать экскаваторы, срыть сопку и грунт вывезти машинами... А это — 177 тысяч кубометров, считай, год вывозки! Алымов и другие руководители работ несколько раз поднимались где по тросу, где по козым тропам на прижим. Родилось смелое решение: заехать наверх на бульдозерах, разобрать ими прижим и спихнуть его вниз. Вместо года — два-три месяца. И быстрее, и дешевле!

С помощью местного лесника Алымов нашел распадок, по которому бульдозерист Жамайтис первым поднялся наверх и затаскил цистерну с горючим. И вот теперь два бульдозера день и ночь разбирают сопку, а чтобы они не свалились с обрыва, майор поставил двух сигнальщиков.

Но это еще не все. Чтобы прорваться на запад, навстречу строителям, которые тянут железный путь из Ургала, надо преодолеть еще несколько "крепостей». На втором прижиме решено подрезать идущую поверху автодорогу и обрушить грунт вниз, где проходит трасса, а чтобы не мешали деревья и грунт не зависал на них, в лесу будут прорезаны своеобразные лотки. Берму, которая предохранит насыпь от размыва, решено отсыпать позже, уже поездной возкой, это обойдется дешевле. А на третьем прижиме придется потеснить самое Амгунь, занять у нее метров двадцать ее ложа, а взамен расширить русло на другом берегу.

— Вон уступчик, на котором спасаются от волков козы и изюбры, — показывает мне Алымов.

Стоим на Сонахском прижиме. Кручи — аж дух захватывает. Внизу упругие излунины Амгуни, лесистые острова, берега,

заросшие гигантскими тополями. А над головой черные зубцы, пронзающие небо. Сумрачная крепость на пути строителей. И не верится: неужели действительно «разберут» эту громадину до самой подшвы, «потеснят» русло и пройдут?

— Пройдем, — коротко бросает Алымов.

Массивный, туго обтянутый полушубком и обутый в подшитые кожей валенки, майор всепронзающе и всепогоден, как его бульдозеры. Он являет собой основательность и уверенность. Родом из милой его сердцу Тульской области, много гор, степей и болот повидал он на своем веку. За плечами — и Монголия, и Сибирь, и КамАЗ, где он строил дороги и подъездные пути. И всюду, куда приходил со своими бульдозерами и экскаваторами, майор вносил дух основательности и деловитости. Вот и тут, хоть и слывет человеком своеобразным, чуть ли не чудачком, майор начал жизнь на болоте не с палаток, как все, а с деревянных казарм. И уже успел за год службы на БАМе обзавестись и хорошей столовой, и клубом, и даже собственным ансамблем, который играет на танцевальных вечерах.

Главное же, чем известен майор Алымов, это той сметкой и удачей, с которой вступил он в спор с природой, нагородившей на его пути столько препятствий. «Разобрать сопку!» — «Сдвинуть русло!» — это его стиль. Делается это без всякой рекламы, как само собой разумеющееся. А чтобы солдаты-строители как следует поняли его замысел, он поднял однажды батальон по тревоге и совершил марш-бросок на прижим, чтобы люди взглянули на БАМ сверху и поняли всю сложность, прониклись грандиозностью стройки и уверенностью в своих силах.

Солдаты и БАМ... Так уж повелось с давних времен, что русские воины шли в тихоокеанские края не под грохот пушек, а под стук топора. Так было в эпоху Н. Муравьева и Г. Невельского, когда казачьи сотни и солдатские батальоны закладывали новые русские города и станции на берегах Амура и Уссури. Так было в конце прошлого и в начале этого века, когда железнодорожные батальоны участвовали в строительстве величайшей дороги — Транссибирской магистрали. Так было в 30-е годы, когда воины легендарного командарма В. Блюхера закладывали заводы и сам город Комсомольск-на-Амуре, в составе «Колхозной дивизии» распахивали целинные земли Дальнего Востока. И вот снова пришли в этот край Солдаты-строители, солдаты-создатели.

Днем и ночью, при свете фар, в мороз и ветер разбирают вставшую на пути сопку бульдозеристы Алымова. Не затихая ни на час, рокочит экскаваторы на речной косе, грузят оранжевые самосвалы, которые, как челноки, снуют от этого импровизированного карьера к будущему развезу Сонах, где идет отсыпка полотна, и бульдозер, разравнивая горки грунта, уют-

жит насыпь. На веноксборочной базе шьют звенья, и путеукладчик, буксируемый мощным тягачом, укладывает путевую решетку.

День и ночь идут работы. В любую погоду. И это поражает. Поражает размах, тем более здесь, где особенно чувствуется сложность стройки. Только на одном притоке Амура четыре моста и несколько прижимов! А это — миллионы кубометров земли и метров проходы скважин под фундаментами, миллионы и миллионы рублей.

Да, трудная стройка БАМ и дорогая. Здесь по-особому понимаешь насущную необходимость тех строк из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», в которых говорится об освоении природных ресурсов в зоне, примыкающей к БАМу, по мере завершения строительства отдельных участков магистрали. Великая стройка как можно быстрее должна начать окупать себя!

Об этом шел у нас разговор с Алымовым и директором Средне-Амгуньского леспромхоза С. Матюшенко, который ездил с нами на прижимы. Молодой инженер, полный забот и планов, он зорко присматривался к лесам, разрезанным трассой, и радовался:

— Смотрите, какой добрый лес вон там в долине! А лиственница-то, чувствуете, аж гудит! Настоящая белая лиственница! А это аянская ель! Смотрите, какая стройная. Это ж королева!

Директор дотошно расспрашивал строителей о том, когда будет открыто рабочее движение до Сонаха, чтобы сразу же перебросить людей и технику и развернуть новый лесоучасток.

Еще во времена первых этапов строительства БАМа к северо-западу от Комсомольска-на-Амуре до Березовки была проложена железная дорога, служившая раньше как лесовозная. Сейчас мало кому известная Березовка, окруженная сияющими вершинами гор и белоснежными хоровами берез, стала одной из самых горячих точек трассы БАМа. Она переполнена людьми, машинами, материалами. Помимо подразделений железнодорожных войск здесь базируются отряды мостостроителей, строители Амгуньского лесопромышленного комплекса и Тугурской лесовозной дороги.

Леса и леса без конца и без края простираются вокруг, заиндевевые, зачарованные, безлюдные и, казалось бы, безжизненные. Лишь цепочки соболиного следа да лежки диких коз у самой насыпи, как рентгеноскопия. выдают скрытую жизнь тайги, богатой зверем. Бессчетные остропокие, темно-зеленые рати величественной аянской ели одевают склоны хребтов, прозрачные лиственничники заполняют долины, а то вдруг море белых берез среди белых снегов и сияющих вершин радует глаз праздничным светом. А в поймах рек подпирают небеса гигантские,

как триумфальные колонны, тополя, стройные чозении и красноверхие ивы.

По-настоящему глухие и дикие, эти места таят в себе нерестилища кеты, обиталища медведей, коз, изюбров, богаты соболем, белкой и иным зверем, изобилуют грибами и всевозможной ягодой. А кто знал их, эти места, кому они были ведомы?.. Лишь румяным бородачам-староверам, поселочки которых на пять-десять домов вылезли на свет божий по трассе века. Лишь охотникам да старателям, забравшимся на эти хребты и строившим зимовья в верховьях ключей, питающих Амгунь.

О чем-то еще отдаленно напоминали слова: «Аянская ель» и «Тугурская долина». Ах, да... Тугур, Аян, Охотск — это же Тихоокеанское побережье, с которого началось освоение нашим народом восточных районов страны. Когда-то эти крепкие, как железо, лиственницы, эти царственные ели рубили на матчи, на шангоуты, на обшивку бригантин наши прадеды — морепроходцы, вышедшие сюда по Амуру и другим рекам, зимовавшие тут и строившие корабли, чтобы предпринять еще более далекие и дерзкие плаванья ради приисков новых земель — на Сахалин и Камчатку, на Курильские и Алеутские острова.

Давно это было, и остались от той поры лишь пунктиры на карте: выючные тропы — бывшие «тракты», по которым велось сообщение тихоокеанских земель с центром страны. По такому вот пунктиру, только севернее, пробирался из Аяна в Якутск через страшноватый хребет Джугджур, ерзя на лошадиной спине и то охая от «прелестей» тракта, то смеясь, тучный Гончаров, остроумно описавший это путешествие в книге «Фрегат Паллада».

Теперь строго по выючной тропе из Березовки долинами Амгуни, а потом Тугура идут строители лесовозной дороги, которая даст тот миллион триста тысяч кубометров леса, который намечено вывозить в Березовку в связи с предстоящим тут строительством лесопромышленного комплекса.

Уже сделанная часть дороги стрелой прорезала темно-зеленые рати. Но вот и глухая стена тайги, и просека, и вешки, и бульдозеры, корчующие пни, и веселые вагончики, в которых живет головной отряд. Прораб Михаил Зизенко ушел с тракторами по трассе, и делами управлял молодой краснощекий механик Гена Кучеба, сопровождаемый огромным лохматым псом.

Скоро сквозь тайгу сплошным потоком пойдут лесовозы. Дошел черед до самых потаенных глубин страны. Аянскую ель повезут отсюда в порты Дальнего Востока, и она даст стране золото, превратится в брус для домов и оконные переплеты, будет изрублена в щепу и, став белыми пухлыми листьями целлюлозы, обернется потом шелком, штапелем, киноплён-

кой и множеством иных товаров. Целлюлоза! В наше время — это столь же ходовой товар, как металл, уголь, нефть. И здесь, вот в этих самых далеких лесах страны, возникает одна из крупнейших баз для производства целлюлозы.

Сегодня здесь происходят отрядные перемены, что несет десятая пятилетка традиционной отрасли промышленности. Я увидел тут и передовую технологию и новую технику. Это бесчокерный трактор с огромной рукой-манипулятором, исключающий тяжелый и опасный труд чокеровщиков, — на нем умело орудовал рычагами бригадир Иван Шабанов, первым освоивший эту машину. А на нижнем складе, где раньше резали лес бензопилами и катали крючьями, действовала полуавтоматическая линия разделки хлыстов, и всеми операциями управлял из стеклянной будки оператор, он лишь нажимал кнопки пульта.

Перед отъездом в Березовку я встречался с главным инженером проекта из Гипролеса К. Кирюхиным. Он привез разработанную институтом генеральную схему комплексного развития и размещения предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности Дальневосточного экономического района и план промышленного освоения лесов в зоне БАМа. В богатейшей тайге от Усть-Кута до Байкала с большими запасами ели, сосны, кедров намечено построить мощные лесопромышленные комплексы — Таюрский, Усть-Кутский, Киренский, Казачинский. От Байкала до Ургала суровее климат, леса реже, беднее, в них преобладает неприхотливая лиственница. Но и тут надо осваивать нехоженую нерубленую тайгу, только здесь планируется вывозить древесину в пакетах с лесосек прямо на станции БАМа и оттуда — во двор потребителя. Всего в зоне магистрали будет построено тридцать-сорок новых леспромпхозов. А помимо того намечается сооружение целлюлозно-бумажных комбинатов в городах Свободном, Хабаровске, третьей очереди комбината в Амурске, большое увеличение объемов производства газетной и писчей бумаги, древесных плит, кормовых дрожжей, фанеры, шпона, мебели, технологической щепы.

И вот первые ласточки. В зоне БАМа началось сооружение первых лесопромышленных комплексов: Тындинского, Бельянского и Амгуньского. Характерной особенностью является их долговременность. Если раньше Леспромпхозы проектировались на тридцать-сорок лет, то теперь они рассчитываются на постоянное лесопользование. Соответственно с этим и лесорубы будут жить не в маленьких временных деревушках, а в поселках городского типа с многоэтажными домами и всеми удобствами. Сооружение такого поселка на двенадцать тысяч жителей уже началось в Березовке.

Десятая пятилетка будет пятилеткой комплексного использования древесины.

Это значит, что в дело пойдет все: и дровяная, и малоценная древесина, и листовые породы, будет налажена утилизация отходов, переработка их на технологическую щепу. И первые шаги уже сделаны, о чем говорит и опыт Средне-Амгуньского леспромхоза. Создание таких вот мощных узлов, как Амгуньский, перенесение трудовых затрат с деляны в обжитые места, а значит, и стопроцентное использование древесины, и ликвидация сезонности — вот то новое, что несет пятилетка.

Одним из первоочередных объектов, которые беспокоили Матюшенко, были и очистные сооружения. Да, здесь от охов и вздохов о "зеленом друге" перешли к грамотному использованию великого дара природы. Директор с особой гордостью рассказывал мне о технологии узких лент, благодаря которой сберегается подrost, показывал буйные леса в поймах, которые сохранены как водоохранные, не-

смотря на весь соблазн свалить их ради "кубиков" для плана, и строгие границы волоков, и полосы семенников, и автолессовозные дороги. А это значит: конец сплаву, наносящему вред нерестовым рекам, конец спорам с органами рыбоохраны и лесоохраны и штрафам. Здесь не на словах, а на деле берегут лес, заботятся о его возобновлении, что и будет служить вечной базой лесопользования.

В прошлом году воины-железнодорожники уложили тридцать километров главного пути к западу от Березовки. В дни работы XXV съезда они дошли до сонных прижимов и открыли разъезд Соных. Это путь к богатствам, которые будут служить народу.

Уже затемно, при луне, мы возвращались в поселок. Всюду по трассе светились огни, рокотали машины. Как по волшебству проснулись, ожили вековые леса.

Окончание следует.

Уборка урожая в Добринском совхозе Ленинского района

Фото С. Балбашова

МОИ СОСЛУЖИВЦЫ

ОЧЕРК

Руки Сергея меня поразили: ладонь в тарелку, пальцы от мозолей тверже дерева. Когда Сергей заметил, что я обратил внимание на его руки, он неожиданно сказал:

— Вы когда-нибудь нюхали стружку лиственницы? Я этот запах всегда помню

На следующий день я смотрел, как трудится старший сержант Сергей Кожакарь, и вспоминал его слова. Сергей хотел сказать этим, что стружка пахнет не только лесом, но и трудом. Он разделся до пояса и лихо рубил зеленые ветки с поваленной лиственницы. Загорелая спина его лоснилась от пота. Тучи комаров вились около него, но он не замечал их. Был увлечен работой.

В солдатской спецовке Кожакарь всегда в гуще событий. То самосвал надо подогнать: грунт подсыпать под строящийся дом, то подтащить конструкцию сборно-щитового комплекта. Как всегда он спокоен, не суетлив, уверен в себе. Казалось, что старший сержант Кожакарь вовсе и не командует подчиненными. Но это только казалось, в этом весь секрет его командирства.

На стройке он как рыба в воде. А с трибуны говорит — волнуется. Как-то пришел он к замполиту — младшему лейтенанту Виктору Капустину — с просьбой помочь подготовить выступление на комсомольском активе. И рассказал, как решили они во взводе довести сменную норму до 130 процентов. Рассказал о делах своих товарищей.

Выступление Кожакаря на комсомольском активе заинтересовало строителей.

— Добротнo ли строим? Да, стараемся. Премии получаем, выпелы, ставят нас в пример другим. Но от недостатков мы не избавились. Щиты в домах ставим попорченные. А какими их нам привезли? Знаете песню: "Потолок ледяной, дверь скрипучая"? Так она будет спета для нас, если нам будут поставлять и дальше такие конструкции. Убедительно просим разобраться, — повернулся он к командиру.

После актива мы шли с Сергеем по стройке — по будущей станции Байкало-Амурской магистрали.

Вдоль автомобильной дороги поднимались кварталы жилых домов, велось строительство магазинов, школы, больницы, яслей, кафе. Нарождался современный поселок городского типа. А полгода назад здесь была марь и стояла тайга.

— Наше подразделение прибыло на БАМ в феврале, — рассказывал Сергей, вышагивая по-солдатски прямо, уверенно.

Рассказывал и все вокруг примечал. Когда подехала колонна со строительными материалами, заглянул в машину, улыбнулся водителю: "С прибытием". Но вот мимо промчался самосвал на бешеной скорости, рассыпая кучи гравия. Кожакарь погрозил кулаком вдогонку: «Куда мчишься сломя голову!»

— До армии, — рассказывал о себе Сергей, — я окончил Иркутский техникум транспортного строительства. Работал старшим мастером балластного карьера в управлении Ангарстрой. Здесь стал плотником. В первые месяцы научился различать породы древесины. Потом освоил плотничье дело, начал столярничать... Прогоня, пальцы, пояса, расшивы — путал еще мудреные термины плотницкой науки. И вообще на заводе все казалось куда проще: у каждого свое рабочее место. А здесь посмотришь — рабочее место без конца и края.

Для непривычного глаза суета какая-то. Только не так это. Присмотришься, каждый занят своим делом: один с помощью отвеса, карандаша и метра делает разметку, второй по разметке забивает колышки, третий отпиливает доски для поясов, четвертый подносит опалубочные щиты. Когда разметка закончена, собираются все вместе, прибавляют доски к колышкам — получается квадрат. Затем пришиваем к доскам щиты. Вскоре, смотришь, готова деревянная коробка — первый ярус готов. Потом второй уступ и так далее, как по нотам...

Здесь, на станциях, все дома сделаны руками Кожакаря и его товарищей. Общезинит на шестьдесят человек и три девятиквартирных жилых дома из сборно-щитового фонда, пять рубленых двухквартирных жилых домов из лиственницы, с красивыми террасами. И это сделано всего за шесть месяцев! А ведь воины еще несли службу, занимались боевой и политической подготовкой.

Старший сержант Кожакарь награжден серебряным знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, многими ценными и именными подарками командования и вышестоящих организаций. В его служебной картотке около пятидесяти благодарностей!

Конечно, не Сергей рассказал мне о своих наградах. О них я узнал от командира роты лейтенанта Александра Титовского. Вообще в подразделении о Кожакаре говорят с таким уважением и любовью, что невольно позавидуешь ему.

В мой приезд к военным строителям команда старшего сержанта Кожакаря трудилась на ударном объекте — на строительстве яслей. Соревновалась она с коллективом, который возглавляет младший сержант Вадим Терещенко. У подчиненных Терещенко был тоже важный объект — школа.

Дело в том, что ни школу, ни ясли не планировали к сдаче в этом году, тем более к двадцатому августа. Но вдруг оказалось, что детей в поселке уже столько, что необходимы и школа, и ясли. Срочно попросили заказчиков поставить им строительные материалы и проекты для этих объектов.

Теперь трудно вспомнить, кто из воинов первым предложил сократить сроки строительства на пять дней. Но, кажется, это был командир отделения младший сержант Александр Эмсин.

— Трудно будет, — сказал командир роты. — И так сроки очень жесткие.

— А мы на легкое и не рассчитываем, — раздалось в ответ.

На том и порешили: сдать школу не двадцатого августа, а на пять дней раньше, то есть пятнадцатого.

— А мы, что, хуже? — поднялся Андрей Щebet. — Предлагаю на неделю раньше срока построить ясли.

Предложение было принято единогласно.

На следующий день перед работой Сергей предупредил товарищей:

— Ну, вот что, если взялся за гуж — не говори, что не дюж. В общем, давайте работать...

Перед каждым воином старший сержант поставил задачу, расставил плотников по своим местам. И замелькали топоры, ровно, одно к одному ложились бревна. Трудно приходилось устанавливать связующие листовенницы большого размера. Но все равно стены росли на глазах.

— Дела бы быстрее пошли, — говорил Кожакарь, — если бы бревна доставляли нам трелевщиком, а то их на руках приходится носить.

— А почему трелевщик не работает?

— Вязнет в марях.

Трудно, ничего не скажешь. А все же каждый дом они сдают в срок.

Отлично трудятся комсомольцы ефрейторы Михаил Бутенко, Андрей Щebet (он только что вернулся из отпуска, командир поощрил его краткосрочной поездкой на родину), рядовые Андрей Шваберланд, Александр Сергачев и другие. Их комсорт отмечает в боевом листке.

В команде Терещенко отличились плотники рядовые Николай Сангов, Сергей Зыков, Леонид Кашеев, Николай Матвеев.

При подведении итогов работы за день замполит сообщил, что команда младшего

сержанта Терещенко выполнила сменное задание на 135 процентов. У Кожакаря выполнение сменного задания — 130 процентов.

— Быть того не может, — сомневается ефрейтор Бутенко.

— Перестань, — останавливает его Кожакарь. — Завтра лучше работать надо.

И действительно, на следующий день ребята Кожакаря вырвались вперед. Обязательство свое выполнили: объект сдали на "отлично". И без раскочки приступили к новому.

Конечно, нелегко приходится ребятам. Но сказал ли старший сержант Кожакарь хоть раз недоброе слово про эту дорогу и поселок, что строят они здесь, про хмурую тайгу, зажавшую их, словно клещами, про вагончики, где в зимнюю стужу промерзают стены, а по ночам, когда в железной печурке уже нет тепла, одеяла прихватывает морозом? Если да, то сказано это беззлобно, про себя. Иной раз подумает и он про теплую квартиру, взгрустнется о доме, но только на минуту, не более. А взглянет на улицы, что оставляют они за собой, и тотчас иные у него мысли. Да и нельзя ему грустить: ведь он же комсорт, командир.

Придут сюда вот по этой самой просеке поезда, расступится перед ними таежное море, уступая место поселкам, станциям и городам. Появятся в них дома культуры, кинотеатры... И девочки, провожая взглядом ночные огоньки поездов, идущих к Тихому океану или в Москву, вспомнят о них — строителях.

Галя Каманина, корреспондентка из «Солдатского часа» Амурского областного радио, просила рядовых Юозаса Борейко и Анатолия Щипачева рассказать о том, как они добились высоких результатов.

— Ребята, ну что же вы? Полугодовую норму выполнили за восемь месяцев, а перед микрофоном молчите...

Однако ребята с нескрываемым удивлением смотрели на Галю: мол, что мы такое сделали и почему нас мучают? В то же время и девушку им жаль. Сидит она у них в палатке, проделав сотни километров самолетом и машиной, а где и своим ходом для того, чтобы взять у них интервью.

— Давайте я попробую рассказать, — предлагает наконец Анатолий.

Могучими руками он бережно берет микрофон:

— Зовут меня Анатолий, по фамилии — Щипачев. Рядовой. Работаю машинистом экскаватора. В паре со сменщиком и другим рядовым Юозасом Борейко на днях мы выполнили полуторогодовую норму. Конечно, поработать пришлось. Старались...

— А почему за восемь месяцев? — уточняет Галина.

— В первые месяцы года мы оба были помощниками машиниста и только весной начали работать самостоятельно, — поясняет Юозас.

— А если бы вы работали с первых дней, выполнили бы две годовых?

— Не знаем, — в один голос отвечают друзья.

Галя щелкает выключателем, настойчиво убеждает их:

— Сделали же вы за восемь месяцев полторы годовых, а за четыре месяца неужели полугодовую не осилите?!

Вот уж действительно простая арифметика. Но знает ли она, каких огромных усилий стоит загрузка одного кубометра грунта в пятидесятиградусный мороз? Ковш экскаватора никак не может «угрызть» землю, смерзлась она.

— Придется взрывать, — решил тогда Юозас. — Машина не возьмет.

Начальник смены пожал плечами: ночь, взрывники спят, пока их поднимешь.

Юозас понимал, что произвести взрыв в такую темень почти невозможно, но ковш экскаватора скрежетал по застывшему грунту. При таком напряжении машина могла поломаться. Он старался, словно хирург, по шуму двигателя и тряске рычагов определять степень сопротивления пласта, каждый раз быстро принимал новое решение.

Желая уберечь экскаватор от поломки, Борейко шел на снижение нормы выработки. Анатолий днем и то дотянул только до пятисот кубиков. А землю ждали на всех объектах, не говоря уж о том, что для отсыпки полотна дороги требовалось все больше и больше. Командир так и сказал: "Для нас БАМ — это земля".

Летом куда веселей, тут в прямом смысле шла борьба за каждую секунду. С марта по июнь Борейко и Щипачеву удалось сократить цикл экскавации с тридцати секунд до пятнадцати. Эта борьба за секунды и позволила им добиться наивысшей производительности труда.

С самого начала между друзьями разгорелось острое соперничество. Страсти накалялись по мере роста их мастерства. Каждый раз, заступая на смену, они спрашивали друг друга:

— Сколько?

— Восемьсот!

— Молодец! Попробую сделать восемьсот пятьдесят.

— Давай жми, а то Володя Барынин на пятки наступает.

Рядовой Владимир Барынин возглавляет экипаж соседнего экскаватора. Ребята там тоже сильные, технику любят. И комсorghу взвода младшему сержанту Сиверскому приходится в конце дня быть арбитром, вместе с начальником смены «подбивать бабки».

— Утерли вам нос, — смеялся Анатолий.

Владимир помалкивал, но себе на уме: каждый день понемногу настигал соперников. Борейко и Щипачев не хотели уступать первенства.

— Сколько? — спрашивал Юозас.

— Тысяча двести, — отвечал Анатолий.

Вечером вывесившая боевой листок, Си-

верский одобительно процокивал языком: «Ай да молодцы! Вот дают!»

Против фамилии Борейко цифра 1250! Они даже самосвалы ставили по радиусу выгрузки. Как только загрузится одна машина, тут же наготове вторая. Таким образом, погрузка грунта производилась непрерывно.

Вносили новое, совершенствовали старое. И так изо дня в день. Жарко было, и сейчас жарко, да ведь мороз-то какой! Под утро далеко за сорок переваливает. Двигатель стучал ритмично, натяжные тросы поскрипывали замороженной смазкой.

Карьер жил размеренно. К экскаваторам подъезжали самосвалы, грузились и отъезжали. Топтались возле костра начальник смены и помощники машинистов. Все складывалось хорошо. Но, когда на востоке по небу мазнуло розовым, в большом организме экскаватора заскрежетал металл. Чуткое ухо Юозаса сразу уловило: случилась беда. И он уже догадывался о причине.

Ковш сиротливо упал на дно карьера. Посветив переноской, Юозас чертыхнулся. Так и есть, полетели шестеренки и подшипники реверса. Ему-то было известно, что это значит. Справочник по нормированию определял на ремонт такой поломки полтора суток. И не на таком холоде, а в теплом боксе.

Полтора суток... Это почти три смены, свыше тысячи невыброшенных кубов грунта.

Застегивая на ходу полушубок, прибежал Анатолий. Потом пришли свободные от смены машинисты других экскаваторов. Быстро организовали разборку. Заменяли подшипники, шестеренки. Так же быстро и сноровисто принялись за сборку. Солнце еще не село за стену лиственниц, а Анатолий уже сыпал грунт в застоявшиеся самосвалы.

«Быстро разобрали, быстро заменили, собрали быстро...» Легко писать об этом. А на морозе все куда сложнее. Не везде в рукавицах можно работать. Кожа пальцев прилипала к настывшему металлу, отдрать ее можно только с кровью.

Все это помнят они и микрофона стесняются. Комсомольцы думают просто, порбочему: никакие они не герои, работают как и все. Понимают, что земля очень нужна, без нее отсыпка станет.

Человеку свойственно размышлять о своей работе, вообще не быть к ней равнодушным. Это неравнодушные уже само по себе есть стимул, без которого Борейко и Щипачев вряд ли достигли таких высоких результатов.

Мне вспоминается беседа с Анатолием и Юозасом о цене рабочего времени. Друзья единодушны в том, что цена рабочей минуты, часа поднимается день ото дня. А это говорит о том, сколь бережливыми и организованными должны мы быть.

— Иному разговор о том, что в труде надо беречь каждую минуту, — говорит

Юозас, — может показаться излишне категоричным. И все-таки надо действительно беречь! И дело тут не в крайностях, не в том буквально, что человек за рычагами экскаватора не может дать себе ни минуты передышки. Нет, суть — в самом отношении к рабочему времени, в воспитании каждым такого отношения к рабочей минуте, когда чем-то неестественным становятся безделье, опоздание...

— Мы, например, — продолжал Анатолий, — взяли себе за правило приходить на смену всегда на несколько минут раньше. Порасспросим, что и как, на что обратить внимание. Это нам здорово помогает.

Разговор о цене времени ребята завели не просто так, они продолжили спор, разгоревшийся на комсомольском собрании. Некоторые сослуживцы высказались так: мол, мы не автоматы, за временем не угадываемся. Согласившись с тем, что люди не автоматы, Юозас сказал, что очень важно разумно, по-хозяйски использовать рабочее время.

— На наш взгляд, — подчеркнул Бореико, — вот в чем должна выразиться борьба за время: в первую очередь, неравнодушное отношение к работе, к технике, борьба за секунды. Таковы те рычаги, которые помогают стройке давать сверхплановые кубометры.

...Через неделю Юозас и Анатолий, скрывая волнение, слушали передачу о себе Гая не поскупились на красочные эпитеты в их адрес. Рассказала она о достигнутом ими успехе и о том, что воины за отличную работу награждены внеочередным отпуском, завоевали право подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС. Сказала, что их служебные карточки испещрены благодарностями. Упомянула корреспондентка и о их чувствах, полных высокого пафоса.

— Откуда она обо всем узнала?! — недоумевал Анатолий. — Вроде мы ей ничего такого не говорили.

— Замполит постарался, — убежденно сказал Юозас.

А вообще передача им понравилась.

Пройдут годы — и кто-нибудь, рассказывая о строительстве станции на восточном участке БАМа, обязательно запишет: «Первый ковш для отсыпки земляного полотна насыпал в кузов машины экскаваторщик ефрейтор Владимир Круглов».

Этот ковш запомнят навсегда и Владимир я его сослуживцы, под восторженные крики "Ура!" отправлявшие первую машину на отсыпку великой дороги. Трудное и незабываемое было время. По две нормы за смену делал Круглов. Он знал: грунт ждут строители и от него во многом зависит успех дела.

Круглов победитель социалистического соревнования. Удостоен почетного звания

«Лучший механизатор», награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Ударник-74», занесен в Книгу почета железнодорожных войск, последняя награда — медаль «За трудовую доблесть...» Никто во всех подразделениях и строительных организациях не может соперничать с ним.

— Трудное у вас дело? — спросил я как-то Владимира.

Он не согласился:

— Механизм современный, надежный. А когда любишь дело — не в тягость управлять такой машиной. А если чуточку фантазии к этому, деловой, конечно, то вообще работа станет только в радость. Вот пример вам: для сокращения цикла экскавации нужно совместить две операции — подъем ковша с поворотом платформы и разгрузкой и обратный поворот — со спуском ковша. Обычный цикл экскавации — тридцать-тридцать пять секунд — я стараюсь довести до семнадцати-восемнадцати секунд. Удастся — радуюсь.

...В карьере обычный трудовой день. Сверху экскаваторы и снующие вокруг них ярко-оранжевые «Магирусы» кажутся жучками. Такой глубины вырыт котлован, откуда ежеминутно вывозят десятки тонн песчанистого грунта.

Чтобы спуститься вниз, необходимо обогнуть весь карьер по крутой спирали. Навстречу натуженно гудят груженные доверху самосвалы, с большой осторожностью они въезжают в карьер: малейшая ошибка может привести к беде. Со дна карьера видны только кусочки неба да верхушки деревьев, растущих на краю обрыва.

Как птица летает у него ковш.

— У ефрейтора Круглова ковш без дела не бывает, — сказал начальник смены карьера прапорщик Александр Прохоров.

Круглов действительно работал артистически: подтягивал натяжным тросом ковш почти к самой кабине экскаватора, поворачивал стрелу и, опустив сразу натяжной и подъемный тросы, кидал ковш далеко вперед, в карьер. Ковш летел со скоростью брошенного камня. Но в тот момент, когда он должен был со страшной силой удариться о дно карьера, движение его вдруг замедлялось, и он спокойно врезался в грунт блестящими остриями зубьев.

Груженный ковш подтягивался снова под стрелу и вместе с ее поворотом взмывал над кузовом самосвала. Опрокидывался и, не останавливаясь, летел в карьер.

В одно мгновение происходило все это.

— В Алма-Ате, где я учился, тоже машинисты классные, — сказал рядовой Акбаржанов, ученик Круглова. — Но Володька, однако, куда лучше работает, сноровистее! Сiju вот наблюдаю за ним и не пойму, как он совмещает циклы. Это, черт возьми, не мастерство, а колдовство!

БАМ, Восточный участок

Остров Шумшу помнит все

ОЧЕРК

Есть на самой северной оконечности Курильской гряды, совсем рядом с Камчаткой, небольшой островок Шумшу. Когда в Москве люди только ложатся спать, здесь уже встает рассвет. Когда на далекой кубанской земле поспевает хлеб, болатистые низины острова еще покрыты снегом, и не успеет растаять он, как выпадает новый.

Узкий пролив отделяет остров Шумшу от соседнего острова Парамушира. Там, в долине, среди невысоких сопков раскинулся город рыбаков и рыбообработчиков, город мужественных и сильных людей — Северо-Курильск.

Семью Гайдуковых найти в Северо-Курильске очень легко.

— А! Гайдуков? Иван Семенович? — переспросят в военкомате. — Который Курилы освобождал? Во-о-он там, на Сахалинской живет.

— Гайдукова? Ивана Семеновича? Знаем, знаем! — ответят в школе. — Он часто на пионерских сборах выступает... Его два сына у нас учились. А теперь Валера.. Валерий Иванович электриком работает.

А на рыбокомбинате без лишних слов просто зачитают характеристику: «Старший механик, коммунист И. С. Гайдуков к работе относится добросовестно, имеет много благодарностей, почетных грамот...»

Мы сидим в маленькой, тесноватой комнате, где живет семья Гайдуковых, и Иван Семенович, нервно перебирая твердыми, загрубевшими от работы пальцами края скатерти, волнуясь, рассказывает о своем голодном детстве, когда единственной похлебкой было варево из коры дубов. О матери, у которой из девятинадцати детей выжило лишь девять, остальные от голода умерли. Об отце, которого беляки за ноги подвешивали и шомполами пороли. О брате Григории, которому посмертно звание Героя Советского Союза присвоили...

Сам Иван Семенович не предполагал, что судьба забросит его на Дальний Восток. Когда учился в школе, отец заглядывая в учебник, мечтательно приговаривал:

— Вот вырастешь, Ваня, поедем с тобой на Камчатку. Говорят, что рыба там штабелями лежит...

Не дожидаясь отца до того времени, когда сын уехал туда служить.

Теперь уже брат Савелий стал мечтать в письмах: «Демобилизуюсь, приеду, Иван,

к тебе. Вместе будем на катере работать».

Не дождался Иван Семенович своего брата. Савелий вместе с товарищами одним из первых встретил фашистов на Буге и пал смертью храбрых.

Не думал, не гадал Иван Гайдуков, что здесь, на Востоке, выпадет на его долю сводить счеты с врагом за погибших братьев.

Остров Шумшу, исконно русский остров, который ему пришлось освобождать, 70 лет был плацдармом для нападения на Советский Союз, преграждал выходы в океан. Здесь стояли гранитные столбы с надписью «Курильские острова — ключ к господству Японии в северных морях». Еще здесь находилось 80 тысяч солдат и офицеров, было несколько аэродромов вместимостью на 600 самолетов, две военно-морские базы, густая сеть укреплений, артиллерийские и пулеметные сооружения, связанные между собой подземными железобетонными галереями и ходами. В то время остров напоминал ошестинившегося зверя.

Это был май 1945 года. Наша страна уже праздновала долгожданную Победу, и домой возвращались поседевшие на фронте солдаты. А с полуострова Камчатка в разные города нашей Родины шли письма:

"Дорогая мама! Мне рано думать о доме. Если что здесь будет, то в грязь лицом не ударю... Твой сын Николай Вилков».

«Мама, трудитесь так, как я буду защищать Родину. Если потребуется — жизнь отдам, Вас и Родину не посрамлю... Яков Аникаев».

«Дорогие мама и сестра! Иду в бой. Жив буду или погибну, все это будет во имя счастья народа... Григорий Третьяков».

Еще некоторые письма не успели дойти до адресата, а их авторы уже произносили слова клятвы: «Через несколько часов мы встретимся в смертельной схватке с врагом и будем бить его беспощадно. По-клянемся же в том, что приказ Родины выполним с честью. Освободим нашу землю — Курильские острова!»

Они пошли на штурм острова и погибли. Многим только-только 18 лет исполнилось.

В ту ночь, 18 августа 1945 года, на море разыгрался сильный шторм. Катер, на котором прибыл И. Гайдуков к остро-

ву, подбрасывало, как скорлупку. Кто-то крикнул: «За мной, ребята!» И прыгнул в воду. Иван Семенович догадался снять тяжелые «рузельтовские» ботинки с обмотками и поплыл вслед за товарищем, держа над водой оружие. Вдруг словно огнем обожгло руку. «Ранило!» — мелькнула мысль. До берега осталось совсем немного, ноги уже чувствовали дно, но силы покидали его с каждой секундой. Теперь боевое снаряжение — автомат, каска, гранаты, диски, патроны — все это казалось пятипудовым грузом. Последнее, о чем успел подумать: «Надо бросить хотя бы противогаз». И потерял сознание. По счастливой случайности волной его вынесло на берег. Очнувшись в то самое время, когда очередная волна пыталась захлестнуть и унести в морскую пучину. Собрал боец последние силы, здоровой рукой вонзил нож в слежавшийся береговой песок, подтянулся раз-другой и вылез наконец на сухое место.

Впереди раздавались выстрелы, рвались снаряды. «Теперь я сам себе санитар и сам себе воин», — решил Иван Семенович, наскоро перевязал рану и пошел догонять своих. Вместе с товарищами уничтожал вражеские танки, забрасывал гранатами доты, штурмовал неприступную высоту...

Иван Семенович рассказывает, а я смотрю на его лицо, покрытое сеткой глубоких морщин, на то, как улыбается он до бродушно, приветливо, и думаю: «На Западе один из Гайдуковых первым поднялся на защиту Родины, на Востоке второй Гайдуков закончил Победу... А сколько их было, таких парней, смелых, отважных, которые предоставили нам возможность радоваться небу, солнцу, траве. А теперь вот себе на смену вырастили достойное поколение*».

Эти мысли связаны с письмом, которое Гайдуковы-старшие получили года два назад:

«Командование части, в которой служит ваш сын Валерий, сообщает о его замечательной, примерной воинской службе. Он отличник боевой и политической подготовки, за отличное знание военного дела, высокие показатели в учебе, хорошие организаторские способности и личную дисциплинированность ему присвоено звание «сержант»... Большое вам спасибо за воспитание сына, трудолюбивого, скромного, верного защитника нашей социалистической Родины...»

Для Ивана Семеновича и Клавдии Романовны это письмо — самая высокая награда за всю их жизнь. Хотя были у Гайдукова-отца и личная благодарность от командира дивизии Дьякова как лучшему пулеметчику, и боевые медали, и награды за трудовые успехи, но благодарность от командира части, где служил сын, — ценнее всех.

Не скрывая гордости, Иван Семенович показывает почетные грамоты сына за активное участие в комсомольской жизни

района, за помощь в охране государственной границы...

А сам то и дело поглядывает на дверь:

— Как бы не вошел. А то скажет: «Опять расхвастался».

Клавдия Романовна. тяжело вздыхая, успокаивает:

— Да не придет он скоро. Опять, наверное, со своим отрядом на улицах дежурит.

— Это мать про оперативный комсомольский отряд говорит, — поясняет Иван Семенович, — Валерка наш комиссар в нем. С подростками большую работу они ведут. Следят, как учатся, чтобы по ночам не болтались, где попало. Есть у нас еще семьи, где родители выпивают, а пацаны — без надзора, так Валерий с них глаз не спускает.

Эта встреча с Иваном Семеновичем, разговор, знакомство с его женой состоятся позже. А сначала мы с Валерием пребываем на местах боевых подвигов Гайдукова-старшего.

Поехать на остров Шумшу Валера согласился с удовольствием.

— Вдруг что-то новое узнаю об участниках операции, — сказал он, — когда я в школе учился, мы часто по этим местам ходили, собирали экспонаты для уголка Боевой славы. Потом армия. Я ведь службу на Камчатке проходил, откуда батя в бой ушел...

Местные власти острова любезно выделили нам самую выносливую машину, предупредив, что Шумшу шутить не любит — из-за непогоды можно просидеть на острове целую неделю. И вот мы в пути.

Мы проедем через весь остров, мимо тех мест, где высаживался десант, где Иван Семенович вместе со своими товарищами прыгнул с катера в холодную двухметровую глубину, вплавь добрался до берега и пошел освобождать родную землю.

Наша дорога идет то по крутым, ухабистым сопкам, то по гладким бетонным площадкам заброшенных аэродромов. Встречаются многочисленные реки, озера, болота, поросшие густой, сочной осокой.

По площади остров Шумшу небольшой, всего 380 квадратных километров. А в августе 1945 года этот маленький клочок земли дал нашей стране девять Героев Советского Союза.

Здесь все напоминает о событиях тридцатилетней давности: то тут, то там валяются поржавевшие спинки походных кроватей, останки полубогворевших самолетов, гильзы, патроны...

Вот проезжаем мимо ржавых, раскоряченных танков. Один — перевернут, другой — с развороченной гусеницей, третий — завалился на бок... В этом месте, вон в той небольшой болотистой ложбине, залегала группа Александра Водынина, а когда на дороге показалось восемнадцать вражеских машин, бойцы дали клятву стоять насмерть. И раненый Водынин, истекая кровью, взял противотанковую гранату, поднялся во весь рост, швыр-

нул ее в сторону танка, а под другой бросился сам, прижав к животу мину. Его примеру последовали трое товарищей — сержант Петр Рында, матросы Михаил Власенко и Иван Кобзарь.

Всего несколько дней назад Иван Кобзарь писал с Камчатки своему брату:

«Дорогой брат Григорий! Поздравляю тебя с историческим событием — Днем Победы над фашистской Германией! Сколько радости и гордости было у нас в тот день, когда мы услышали слово «Победа». Мне только очень обидно, что я не участвовал в боях. Ну, ничего. Большевики не должны жалеть. Туда, куда партия пошлет нас, там мы и должны стоять на боевом посту... Заверяю тебя, дорогой брат, что традиции русского и советского флота здесь, на Дальнем Востоке, мы не опозорим...»

В нескольких метрах был от него вражеский танк. С каждой секундой все ближе и ближе надвигалась стальная машина, все отчетливей различались на желто-зеленых бортах рисунки синих драконов...

О чем размышлял в эти минуты коммунист Иван Кобзарь? Может быть, дом родной вспомнил, мать, друзей фронтовых... А может, подумал: «Вот и настала моя минута посчитаться с врагом, слышишь меня, дорогой брат Григорий?» А где-то сзади раздавались крики «Банзай!», рвались снаряды. Тяжелораненый моряк, собрав последние силы, преодолевающий жгучую боль, рванулся вперед и бросился с миной под гусеницы. Раздался взрыв.

Из письма оставшегося в живых четвертого участника операции Петра Бабича, из рассказов отца, из воспоминаний близкого друга семьи Героя Советского Союза Петра Ивановича Шутова Валера Гайдуков установил: да, именно здесь курильские «панфиловцы» сдержали свою клятву, именно здесь захлестнулась атака вражеских танков.

Над островом низко плывут темные тучи. Они то сливаются вместе, то, словно поссорившись, торопливо бегут друг от друга. Тогда в образовавшемся оконце виден кусочек чисто-голубого неба. И золотистые солнечные лучи спешат прорваться через это оконце — надо поскорее растопить прошлогодний снег, ведь уже осень, скоро выпадет новый. Будто расплавленный металл величаво и торжественно течет на землю, наполняя мрачно-зеленую гамму красок нежными оттенками. Желтые языки солнца ползут по дороге, спускаются в коричневую гущу бочуга, подбираются к подножию небольшой сопки.

— Это 171 высота, — показывает на нее Валера. — теперь сопка Вилкова.

Медленно подъезжаем к ней. Оставляем машину и идем пешком. Идем дорогой подвига, мужества к высоте, которая была тогда последней и главной в жизни наших бойцов.

По одну сторону — низкие кусты кедрового стланика сцепились в один колючий,

жесткий массив. По другую — беззаботно стелется мелкотравье.

Открытая местность. Ни деревца, ни кустика, ни буторка, где могли бы в тот день спрятаться идущие на штурм. А впереди — глубоко вросший в землю железобетонный дот. Из его двух амбразур хлещет огонь. Свинцовый ветер несет на встречу наступающим, а они все ползут и ползут вперед. Ужасается враг: «Они, что? Бессмертны?» Конечно, бессмертны. Как бессмертны подвиги юных героев — Николая Вилкова и Петра Ильичева. Это они, презирая смерть, первыми бросились к маленьким узким щелям вражеского дота.

Остановись на секунду, время! Земля, подставь свои мягкие, теплые ладони, сейчас твои сыновья упадут грудью на амбразуры. И на миг все смолкнет. Потом звенящую тишину разорвет громкое раскатистое «Ура-а-а!» Пойдут вперед друзья-товарищи, а они останутся лежать здесь. Навечно. И первыми будут встречать утренние рассветы нашей Родины

Где-то поблизости, вот к такой же амбразуре, подбежал Григорий Третьяков. Поднял руку с гранатой, хотел бросить и упал, как подкошенный. Гриша Третьяков, у которого отец — бывший красный партизан — умер от голода, а мать за связь с красными подлежала расстрелу. В семье Третьяковых пятеро детей было, один другого меньше. Собрала как-то мать отцовские пожитки и отправилась менять их на хлеб. А товарняк, в котором ехала, заперли и загнали в тупик. Вернулась домой — а двое младшеньких от голода умерли...

Очень любил Григорий цветы. Вокруг дома сирени насадил, а вечерами, как выйдет на улицу с гитарой, на фуражке обязательно живой цветок красуется. Друг детства Алексей Булавин так и прозвал его «клумба». Вместе служить на Камчатку попали, вместе пошли освобождать русскую землю. Только пришлось Алексею Булавину одному победу праздновать, без товарища в родное село возвращаться.

Очень переменчива погода на Курилах. Прошло какое-то мгновение, а уже густой морозящий туман плотной кисеей накрыл всю сопку и памятники, что стоят недалеко друг от друга, в тех самых местах, откуда ребята совершили свой бросок в бессмертие. Чуть отойдешь в сторону, и обелиски растворяются в тумане, их не видно. Но зато в гордой и признательной памяти нашей они всегда горят ярким огнем.

Можно долго стоять здесь, вспоминая погибших, которые лежат рядом, в братской могиле, и тех, кто остался в живых, кого разбросала судьба по разным городам и селам нашей великой страны. Но шофер вежливо напоминает:

— На обратный путь часа два уйдет, а нам еще надо на мыс Курбатова заехать.

Садимся в машину. Впереди, с мыса

Курбатова, сквозь пелену серого тумана и густую завесу дождя приветливо мигает огонек. Когда подъезжаем поближе, то перед глазами вдруг как бы вырастает огромный скалистый мыс, похожий на массивную тушу мамонта. Наверху высокая, около двух десятков метров бетонная башня маяка. Отсюда, из железобетонного дота, оборудованного выкатными орудиями, враг закрывал проход нашим десантникам. А у них был один-единственный приказ: «Вперед и только вперед». Группа бойцов во главе с начальником химической службы майором Курбатовым получила задание ликвидировать огневую точку неприятеля. Мгновенно оценив обстановку, Курбатов отдал команду: «В обход!» Нагрузились взрывчаткой, поползли. Когда враг их заметил, было уже поздно. Дот взорвали. Подвиг майора Курбатова Родина отметила орденом Красного Знамени.

На мысе Курбатова живет вместе с родителями пятилетний вихрастый пацан Сережка Сапрыгин. Его лицо, густо усыпанное коричневыми веснушками, и кисти рук успели потемнеть от загара, хотя солнце здесь — редкий гость. А загорел Сережка от мокрого соленого ветра. Гуляет этот ветер день и ночь по отлогому берегу океана — местам высадки боевого десанта, — а туда часто ездит мальчуган вместе со взрослыми.

Вот и сейчас он только приветливо улыбнулся нам, по-хозяйски осмотрел машину и без лишних вопросов забрался в кузов. А когда мы остановились возле памятника погибшим краснофлотцам, Сережка положил несколько красных цветков к подножию, постоял рядом, тоже в молчании, строго вытянувшись, руки по швам.

Хотелось сказать ему: «Расти, Сергей, отважным, смелым, мужественным. И помни: ты родился в счастливое время. И живешь на земле, политой кровью твоих дедов, на Земле с большой буквы. Береги эту Землю!»

Несмышлениш Сережка будто прочитал мои мысли, натянул поглубже фуражку, чтобы не слетела, и, задрав голову, внимательно посмотрел на пятиконечную звезду обелиска. Потом шмыгнул носом и быстро побежал к машине.

Холодный штормовой ветер вдруг принес с Тихого океана полосу колючего дождя. Валера поднял капюшон куртки, зябко поежился, улыбнулся:

— Сегодня я в гости приезжал, не работать, а посмотреть.

Это он вспоминает свои недавние посещения острова, когда вместе с комсомольцами из узла связи привез сюда строительные материалы и занимался ремонтом памятников.

— Некоторые спрашивают: зачем, мол, я переписку веду с родственниками погибших, — продолжает Валера, — а вот взгляните на этот памятник. Написано: «Старшему лейтенанту Гурьеву и 16 краснофлотцам». А кто они? Как их фами-

лии? Какой подвиг совершили? Мы ведь знать должны! Или вон там...

Он ведет меня мимо зарослей кедрового стланика к морю, где врезалась в береговую песок полуобгоревшая десантная баржа. Соленые воды и продолжительные ветра успели здесь поработать: глубокие язвы коррозии покрыли весь корпус, палуба превратилась в ржавое решето. Только судовое орудие осталось неподвластным времени.

— Посмотрите, — Валера приглашает подняться на палубу, — пулемет еще очень крепкий. Ржавчину можно снять, а если в масле прокипятить, то будет, как новый. Его можно в областной музей отправить...

Немного помолчав, он продолжает:

— А во-о-он, видите, — и протягивает руку в сторону, — деревянная тумба с невысокой оградкой? Могила. А чья? Что сделал этот человек? Танк подбил? Или дзот гранатами забросал? Может, его родные до сих пор ищут? Вдруг мать еще жива... Ведь кто-то его хоронил. Он-то должен помнить? Я уже через местную газету объявление делал — молчат.

И закончил решительно:

— Его надо найти.

Сказал просто и коротко. Не договорил только, что вместе со своей бессменной помощницей по розыску Людой Кисловой напишет и разошлет для этого уйму писем, что, как и прежде, станут приходить ответы: «Не могу точно сказать», «Не видел», «Не помню», «Спросите еще у одного участника, вот его адрес...» И Валера снова и снова будет писать в военкоматы, запрашивать Центральный архив, Петропавловский музей, разыскивать новых свидетелей...

Но я почему-то верю: придет, наконец ответ и можно будет на безымянном обелиске сделать посмертную надпись. Потому что ни одна славная страница боевой летописи не должна быть затеряна. Потому что на нашей земле «никто не забыт и ничто не забыто».

Мы должны знать имена всех простых парней в солдатских гимнастерках и полосатых тельняшках, которые обвязывались гранатами и бросались под гусеницы танков, грудью закрывали амбразуры вражеских дзотов... Мы должны знать имена всех артиллеристов, летчиков и пехотинцев, которые в скоротечных, но жестоких сражениях за освобождение русских островов показали свое мужество, стойкость, горячую любовь к Отечеству.

Они не только вернули эти земли, но остались обживать их. От японцев в наследство получили несколько сырых построек, гнилые казармы да старые баржи и развалившиеся суденышки. Пришлось срочно заниматься ремонтом, строить жилье, заготавливать топливо, запасать корм для животных, которых ожидали с прибытием парохода. Этот пароход должен был привезти и продукты. А пока перебивались трофейным рисом и галетами.

Большим праздником был в ноябре 1945-го день, когда на острове появились первые женщины и дети — это к некоторым курильчанам прибыли семьи. В их комнатах стали важно расхаживать куры, а в одном доме даже поселилась свиноматка. Пленные японцы недоверчиво косились на русских, приговаривали:

— Ай-ай, мадам, остров умирать будешь!

А они не хотели умирать, даже и не думали об этом. Никто не думал. Наперекор предсказаниям разыскали на мысе Васильева глину, стали делать кирпич, построили пекарню с настоящей печью и стали выпекать душистый пышный хлеб с румяной корочкой.

И не беда, что вскоре пришла суровая вьюжная зима с жестокими ветрами и обильным снегом. Партийная организация заранее отобрала среди бойцов опытных каюров. С осени подготовили нарты, и, хотя собаки были не ездовые, средства передвижения служили надежно.

Вскоре построили школу. Первую школу в истории этих мест! И маленькие курильчане сели за парты...

Давно все это было. Годы летят стремительно, будто чья-то невидимая рука быстро прокручивает киноплёнку. Мелькает кадр за кадром, все меньше и меньше солдат Великой войны остается на экране. Тем прочнее должна быть память о них.

Лаоцзровский край. Урожай 1976 года

Фото С. Балбашова

Академик А. П. ОКЛАДНИКОВ

УЗЛОВЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНОГО ВОСТОКА (Приморье и Приамурье)

Ранняя история советского Дальнего Востока, до XVII века, представляет собой обширное и вместе с тем столь же заманчивое для историка исследовательское поле. Оно привлекает поколение историков, в том числе археологов, как своими территориальными масштабами (одна Камчатка тянется с юга на север на 1200 километров!), так и локальным своеобразием происшедших здесь процессов.

Поскольку речь идет в данной статье именно о ранней истории Дальнего Востока, где основное место занимают вещественные, археологические, источники, следует в этой связи сказать, что мы получили от прошлого, от старой русской науки и от исследователей сравнительно недавнего прошлого большое и ценное наследство. Достаточно вспомнить имена таких исследователей, как А. В. Гребенщиков, И. Бичурин, В. П. Маргаритов, А. И. Разин, Ф. Ф. Буссе, П. Кафаров, В. К. Арсеньев и другие, чтобы оценить их энтузиазм и смелость первопроходцев.

Однако объем их вклада был непропорционален как территориальным, так и хронологическим масштабам Дальнего Востока. И дело не только в масштабах исследований, но и в их методологии, в том, что это было время — девятнадцатый век и начало двадцатого столетия, — когда еще не было и речи об освещении прошлого Дальнего Востока с марксистских, материалистических позиций, когда кругозор исследователей был сужен традициями старой домарксистской науки.

И только в недавнее время на востоке страны возникают такие мощные научно-исследовательские центры нашей страны, как Сибирское отделение, а затем и Дальневосточный научный центр Академии наук СССР. Укрепляется сеть высших учебных заведений, где существуют гуманитарные подразделения. Собственно, происходит невиданное прежде накопление источников по ранней истории Дальнего Востока. Можно сказать, что теперь в ряде

отношений археология Дальнего Востока по интенсивности полевых исследований, а также и публикациям их результатов выдвигается в ряд с такими районами Северной Азии, как, например, с Прибайкальем, где археологи трудятся уже многие десятилетия и где детально разработаны общепризнанные схемы периодизации археологических памятников и древних культур.

Вместе с тем, возникают новые большие проблемы, встают перед исследователями новые задачи. Становится возможным охватить одним общим взглядом историю народов Дальнего Востока и связанные с ней большие исторические проблемы¹.

Первая и начальная для истории Дальнего Востока проблема. Проблема — первоначального заселения этих пространств Северной Азии человеком.

Под впечатлением первых сообщений русских путешественников (Атласов, Стемер, Крашенинников) о «живом» каменном веке на северо-востоке Азии складывалось представление о молодости последнего на Дальнем Востоке в целом, об имевшем здесь место запаздывания культуры на многие тысячелетия. Так писал, в частности, В. К. Арсеньев в своей известной работе о ледниковом периоде, «первобытном населении Восточной Сибири»².

¹ Первый опыт такой обобщающей сводки: А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. См. также: А. П. Окладников. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. «Вопросы истории». 1964, № 1, с. 44—57. Его же. Новое в археологии Дальнего Востока. «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3, с. 97—117.

² В. К. Арсеньев. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Соч., том. 5. Владивосток. 1948, с. 113—136.

Первостепенный интерес поэтому представляют новые открытия на территории Приморского края и Приамурья, свидетельствующие о неожиданно раннем заселении человеком Дальнего Востока. Открытия эти относятся к эпохе палеолита. Особый интерес среди вновь открытых здесь памятников палеолита вызывают местонахождения примитивными галечными орудиями. Первое такое местонахождение обнаружено было в верхнем течении реки Зеи у селения Филимошки, неподалеку от эффектного гольца Бекдегеуль, замечательного своими реликтовыми формами ледниковой эпохи, грандиозными чашами, карами, в которых некогда лежали снежники.

В непотревоженных стратиграфических условиях, на высокой террасе, в слое древнего галечника, под мощной толщей глинистых отложений в Филимошках найдены оббитые гальки, в том числе типа "чопперов", то есть своего рода протурбул с широким рубящим лезвием. Там же, в галечниках, обнаружены своеобразные изделия из галек «с носиком», с выступом образованным двумя выемками с боков.

Такие же примитивные галечные орудия, чопперы, галечные нуклеусы, орудия с носиком, найдены были затем в местности Усть-Ту на Зее и вблизи поселка Кумары — бывшего Кумарского острова на левом берегу реки Амур.

Архаичский облик найденных на Верхнем Амуре и Зее галечных орудий сразу же вызвал в нашей памяти древнейшие орудия Африки, в том числе в низах знаменитого Олдовейского разреза, предшествующие сериям отложений с шелльскими и ашельскими, абbevильенскими изделиями. И не только Африки, но и Западной и Восточной Европы.

Так неожиданно встал вопрос о том, что в великом движении древнейшего человека, на ступени архантропов, в первоначальном освоении нашими предками планеты, приняли участие и первые обитатели Дальнего Востока. Однако остается еще неясным геологический возраст таких галечных орудий на Амуре и Зее. Нет в нашем распоряжении и таких фаунистических остатков, которые послужили бы надежными свидетельствами древнего возраста галечного инвентаря этих поселений. Единственное, о чем можно уверенно говорить, о раннем возрасте замечательного улайского поселения на Алтае, которое не моложе росс-вюрмского межледниковья по западным гляциологическим альпийским схемам. Тем не менее, для решения этой проблемы немаловажное значение имеют открытия памятников иного рода, явно древних, нижнепалеолитических, которые должны следовать за галечными орудиями Амуре. Алтая и Монголии. Это как на Амуре (Кумары), в Сибири, в том числе за Байкалом и на Алтае, уже многочисленные в настоящее время местонахождения, в которых представлены в достаточно выразительных новых

сериях леваллуазские приемы обработки камня. В основе этой техники находится уже не галька-нуклеус, а специально подготовленное характерными приемами ядрище-нуклеус и снятые с него пластины правильной треугольной формы.

Таким образом, наличие этой леваллуазской техники наглядно свидетельствует о последовательном и прогрессивном развитии древнейшей культуры обитателей Дальнего Востока. Вместе с тем, многочисленные аналогии этим леваллуазским памятникам Амуре и в Северной Азии и в Центральной Азии (например, в нижних слоях поселения-мастерской Мольты-Ам на реке Орхоне) свидетельствуют о единстве этой древнейшей нижнепалеолитической культуры на огромных пространствах Старого Света, от Амуре и до Африканского континента.

При всем том уже в эпоху палеолита обнаруживается и своеобразие культурно-исторического пути древнейшего населения Дальнего Востока. Об этом свидетельствуют обнаруженные каменные изделия в палеолитическом слое известного поселения у деревни Осиновки в районе Усурийска, а также и в пещере Географического общества около города Находки.

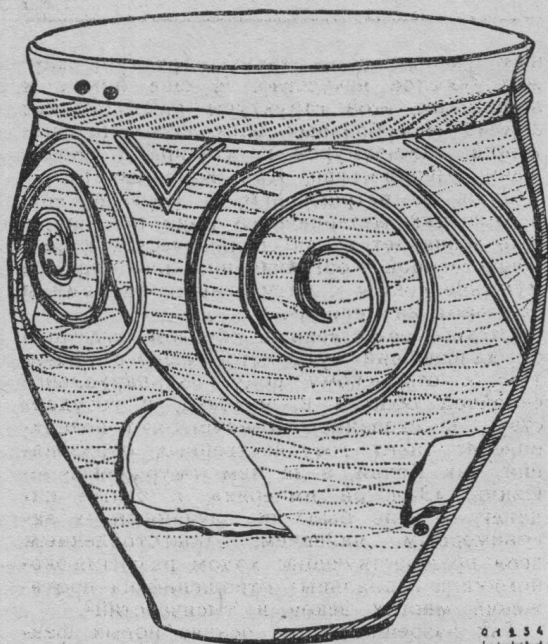
Еще сильнее черты своеобразия сказываются в последующее время, в эпоху позднего палеолита, или мезолита, судя по аналогичным находкам на Японских островах, 17—10 тысяч лет тому назад. И, наконец, в полной мере такое своеобразие обнаруживается в неолитическое время, когда складываются оригинальные культуры неолита в Приморье, на Верхнем и, в особенности, на Нижнем Амуре.

Особенности неолита Нижнего Амуре яснее всего видны на фоне неолитических культур таежных районов Сибири и лесной полосы Европейской части РСФСР. На Западе, начиная с района Шилки, господствовал бродячий или во всяком случае полуседлый быт охотников тайги, основным жилищем которых служил шатер типа урасы или чума. На Нижнем Амуре существовали обширные полуподземные жилища. Вместо временных стоябищ — большие поселки, нередко из десятков таких зимних жилищ.

Иначе выглядел и весь домашний инвентарь, в первую очередь, глиняные сосуды. Они были не круглодонными, как на Западе — от Байкала до Балтики, а плоскодонными. Принципиально отлично было и искусство — не прямолинейная, а криволинейная орнамента господствовала на Нижнем Амуре.

Так встает новая большая проблема, обнаруживается важнейшая своеобразная черта неолитической культуры Дальнего Востока, от которой зависело и все дальнейшее направление развития не только культуры, но и общественного уклада. Речь идет о влиянии не столько соседей, сколько природной среды на ход исторического развития дальневосточных племен.

В пределах нашего Дальнего Востока

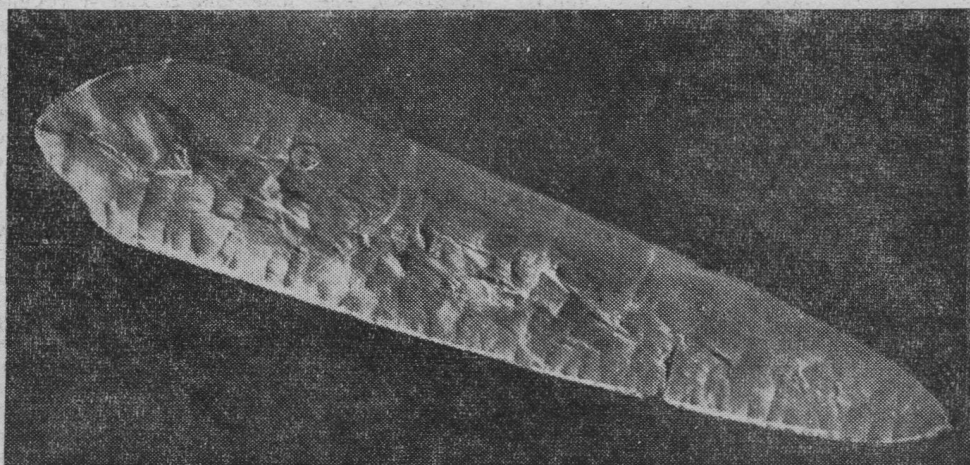
0 1 2 3 4 5 6

Неолитический сосуд со спиральным орнаментом

◆
Фрагмент неолитического сосуда с личиной, найденного на Амуре (остров Сучу IV тыс. лет до н. э.)

◆
Голова статуэтки. Неолитическое поселение на острове Сучу

◆
Каменный парадный клинок эпохи неолита. Найден у села Ноглики на Сахалине

можно наблюдать, как известно, серию ландшафтно-географических зон, начиная от арктической пустыни на Крайнем Северо-Востоке и кончая ландшафтами уссурийской тайги.

Таким образом, уже с первого взгляда можно было ожидать, что исследователь найдет здесь своего рода уникальную лабораторию для постановки одной из важнейших проблем исторической науки, исторического материализма, о взаимодействии человека и природы, о роли географической среды в развитии общества и его культуры. И нужно ли говорить, что эти проблемы приобретают особое звучание в наш век, когда так остро стоит задача природной среды будущего человечества. Не пригодится ли в этом важнейшем, жизненно важном деле опыт предшествующих поколений?

Что касается, конкретно, Амура и Приморья, то уже первые русские путешественники на Дальнем Востоке, например, ботаник Максимович, были поражены резким отличием дальневосточной природы от того, что они наблюдали к западу от Яблонового хребта. Их потрясло богатство растительности и животного мира на Амуре и в Приморье, поразили богатые «амурские прерии» в широкой долине Зеи и на Среднем Амуре. При этом сама природа предопределила два контрастных направления развития хозяйственной деятельности населения того же Приамурья. На Нижнем Амуре сезонный ход морской проходной рыбы, кеты и горбуши, способствовал возникновению особого жизненного уклада оседлых рыболовов. Замечательной по наглядности этнографической аналогией этому укладу могут служить индейцы Северо-Западной Америки. С другой стороны, на Среднем Амуре и в Приморье столь же рано или почти столь же рано возникает примитивное земледелие, в котором основным источником пищи служило просо. Дознательством этому служат, прежде всего, орудия для обработки земли, такие, как каменные мотыги плечикового типа. Целые серии подобных мотыг встречены, например, при раскопках неолитических жилищ в районе города Находки. Их обилие нельзя объяснить ничем иным, как употреблением их для обработки, вскапывания земли. Встречаются обычно и плиты зернотерок и куранты к ним. Остатки просовых зерен и каши из проса обнаружены в поселениях бронзового и раннего железного века, непосредственно связанных с неолитическими культурами.

Главной характерной чертой этого уклада неолитических насельников Нижнего Амура, обусловленной наличием постоянного и обильного источника пищи — кеты и горбуши, была оседлость, о ней выразительно свидетельствуют большие размеры и многочисленность полуподземных жилищ.

Соответственно должна была существовать и достаточно сложная, развитая структура первобытной общины. Косвен-

ным указанием на такую структуру служит богатое искусство. И еще ближе к пониманию этой структуры приводит нас анализ своеобразных наскальных изображений нижнеамурской группы (Сакачи-Алян, Шереметьево, Кия, Калиновка).

Судя по петроглифам, в неолите, еще в условиях материнского рода на Амуре, уже возникает такая специфическая форма общественной организации, как тайные мужские союзы с ритуальными танцами и обрядами инициаций¹.

Отсюда естественным образом намечается дальнейший путь исторического развития: к отцовскому роду, патриархально-семейной общине я, наконец, к государству. Из сказанного следует, что возникновение таких государственных образований, как Бохай, а за ним чжурчженей — Цзинь, «Золотой империи», а также киданей Ляо было не случайным, а закономерным явлением, подготовленным всем предшествующим ходом развития экономики и социальных отношений на протяжении многих веков и тысячелетий².

Так разрешается на основе новых фактов старый спор о корнях, о происхождении и истоках этих государств, занимавших в свое время важное место в экономической, политической и культурной истории Азиатского материка. Они выросли, как и учил нас марксизм, на местной основе, имели свои глубокие исторические корни на местной дальневосточной почве.

Само собой разумеется, история дальневосточных племен протекала не в изоляции от всего остального мира, не в своего рода «безвоздушном пространстве».

Рядом находились другие страны, где протекал собственный исторический процесс и формирование мощных культурных центров, складывались свои государственные образования. Таковы Япония, Корея, Китай. И не только эти страны, но и соседняя Монголия, а также Южная Сибирь. И еще далее: Средняя Азия, наконец — Восточная Европа, где происходило становление русского государства в то же время, как возникли Бохай и государство чжурчженей и киданей на Востоке. Существовали многосторонние и разнообразные связи между народами этих стран и народами Дальнего Востока. Примером служат контакты между мохэскими, или шивейскими, племенами Приамурья, с одной стороны, тюрками Забайкалья и Мон-

¹ А. П. Окладников. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971, с. 101—111. Его же. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968, с. 131—146.

² Ж. В. Андреева. Древнее Приморье. М., 1970; А. П. Деревянко. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973; Э. В. Шавкунов. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968; В. Е. Ларичев. Тайна каменной черепахи. Новосибирск, 1966.

голии, — с другой. Эти контакты прослеживаются с полной определенностью как на археологических материалах (петроглифы Сакачи-Аяна, металлические украшения и другие предметы из мохэских могильников), так и на сообщениях письменных источников, летописей. Существенно при этом, что чем шире разворачивается фронт исследований, тем отчетливее и многообразнее выступают складывавшиеся тысячелетиями конкретные культурно-исторические связи, обнаруживается взаимодействие культур Дальнего Востока с Западом, с степными районами Евразии, с таежными областями Сибири и далее — Уралом. Яснее выступает большое значение этого взаимодействия, его значение для прогрессивного развития народов Дальнего Востока и их культур.

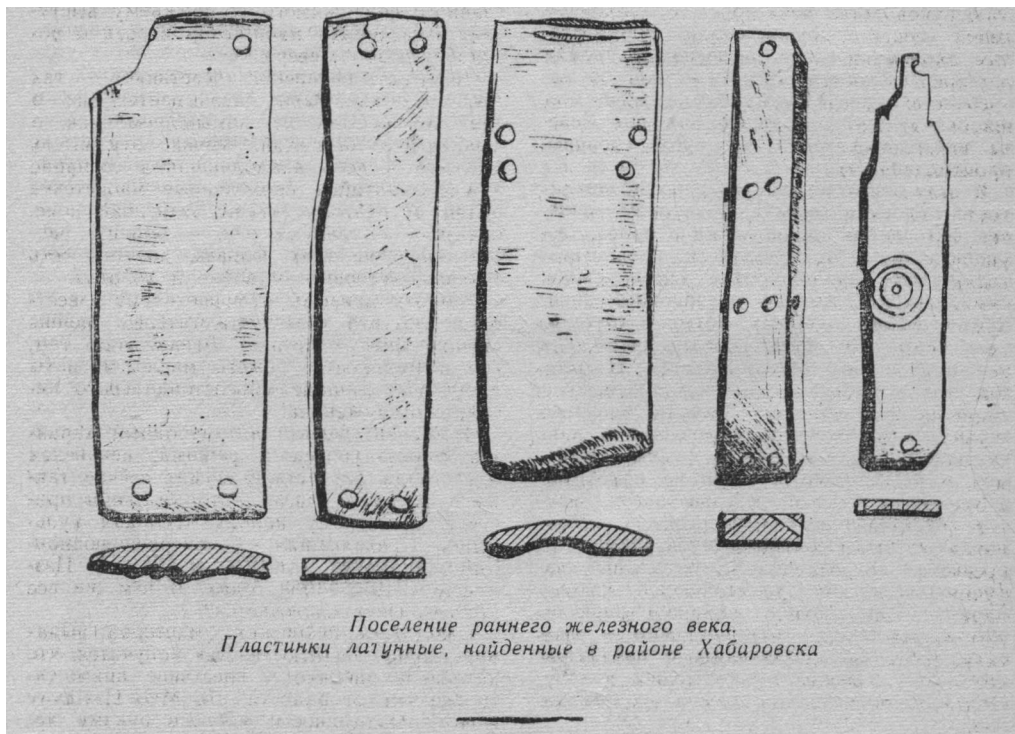
Но в основе исторического процесса, тем не менее, находилось развитие собственных производительных сил и экономики, закономерная эволюция социальных отношений и культуры, подготовившие переход от родовой общины к классовому обществу и государству. Этот процесс, образно выражаясь, можно назвать суверенным процессом. Такая суверенность, как мы видели, находит ярчайшее выражение в самобытности, в резко выраженном своеобразии культуры дальневосточных племен и народов с самого начала, с каменного века.

Борьба за независимость, за свободное развитие проходит красной нитью и через всю историю средневековых государств Дальнего Востока, особенно в чжурчженское время, когда местная государственность достигает наиболее высокого развития и предстает в самых эффектных формах, в том числе и в области внешней политики. Вспомним хотя бы победоносные войны государства чжурчженей с сунским Китаем¹.

Это своеобразие культуры прослеживается и на протяжении дальнейшей истории народов Дальнего Востока, вплоть до современности. Таким образом, несмотря на жесточайший удар, нанесенный высокой средневековой цивилизацией Дальнего Востока, несмотря на катастрофу, вызванную монгольским завоеванием, армиями Чингисхана, прослеживается неразрывная «связь времен».

Таковы основные результаты исследовательской работы советских археологов, историков и этнографов, а также антропологов, позволившей заново написать историю нашего Дальнего Востока.

¹ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. Его же. Колыбель древних цивилизаций. «Амур — река подвигов», Хабаровск, 1970, с. 122—160.

Поселение раннего железного века.
Пластины латунные, найденные в районе Хабаровска

Е. КАЗЕННОВ

ПУТЬ БАНКРОТОВ

Главные усилия пекинского руководства направлены на форсирование, наращивание военно-экономического потенциала.

С этой целью маоисты на протяжении многих лет проводят политику максимальной концентрации средств, жесточайшей экономии за счет самых насущных жизненных интересов и потребностей китайских трудящихся. Еще в 1958 году Мао Цзэ-дун, который и в самые голодные для страны годы не отказывал себе ни в чем, провозгласил циничный, издевательский по отношению к китайским труженикам лозунг «Бедность — это хорошо».

Осуществляя гонку вооружений, маоистское руководство отказалось от предоставления существенной помощи тем отраслям экономики, которые связаны с удовлетворением повседневных жизненных потребностей населения. В то же время оно широко использует их в качестве источника накоплений для наращивания военной промышленности.

В результате этого минимальные потребности страны в зерне удовлетворяются менее чем на 60 процентов, в химических удобрениях — на 40 процентов, в тракторах — примерно на 30 процентов. Минимальные потребности китайского населения в тканях удовлетворяются всего на одну треть. Еще хуже снабжается население продуктами животноводства и растительным маслом, которое, по существу, является единственным видом жиров в стране. В расчете на человека в день средние нормы мяса составляют 16 граммов, а растительного масла — 6 граммов.

Заработная плата большей части рабочих составляет 35 юаней в месяц, общий доход крестьян во многих хозяйствах не превышает 6 юаней; для сравнения: наручные часы стоят до 240 юаней, фотоаппарат — 300 юаней, радиоприемник — 390 юаней, такая несложная хирургическая операция, как удаление миндалин, обходится больному в 15 юаней и т. д. Платным является обучение в школах Китая.

Хроническое недоедание, нещадная эксплуатация труда, работа по десять-двенадцать часов в сутки при отсутствии систе-

мы отпусков и охраны труда способствуют широкому распространению заболеваний.

Милитаристская политика пекинского руководства тяжелейшим бременем ложится на плечи китайских трудящихся, в ней прежде всего проявляется сейчас глубоко антинародная сущность маоизма.

Чтобы затушить антинародный характер маоцзэдуновского режима и его истинные цели, пекинская пропаганда без устали выплескивает на страницы газет и журналов, в эфир и на экраны кино все новые и новые порции мутной лжи и дезинформации. В потоке вранья в качестве главного содержимого по-прежнему выступает затасканная маоистская версия о военной угрозе с Севера.

Послушать пекинских клеветников — так мы, советские люди, оказывается, ни о чем другом так не помышляем, как о ...нападении на Китай. Именно эту мысль изо дня в день вдалбливают в сознание каждого китайца прожженные маоистские вранли. А поэтому: «туже затягивай пояс, китаец», — требуют они, — «пищу, рассчитанную на трех человек, должны есть пятеро», «готовься к войне и голоду».

Чем эти призывы отличаются от известного лозунга всех поджигателей войны «пушки вместо масла»? Разве лишь тем, что возможности иметь масло маоисты давно уже лишили многострадального китайского труженика?

Чтобы затушить антинародный характер маоцзэдуновского режима, пекинская Пропаганда без устали шумит сейчас также о «великих благах, которые якобы принесла китайскому народу «великая культурная революция» — контрреволюционный переворот, осуществленный Мао Цзэ-дуном в 1966—1969 годах. В чем же все это «величие» заключается?

Послушать пекинских мастеров выдавать черное за белое — так получится, что китайские рабочие и крестьяне прямо-таки без ума от радости, что Мао Цзэ-дуну и его приспешникам удалось руками армии и хунвэйбинов разрушить Коммунистическую партию Китая и создать под ее именем свою мелкобуржуазно-национали-

стическую организацию, служащую орудием военно-бюрократической диктатуры, режима личной власти пресловутого «кормчего» — «председателя Мао».

По словам маоистов, китайский народ весьма и весьма счастлив оттого, что его лишили права и возможности определять путь развития своей страны, избирать органы власти, знать реальное положение дел в государстве и в мире, свободно и сознательно участвовать в решении политических, производственных и личных вопросов.

Твое дело, твердят пекинские правители китайскому труженику, больше, от зари до зари, работать и меньше потреблять; обо всем остальном, даже о том, сколько тебе иметь детей, до какого возраста их кормить, а затем (как пишут в директивном тоне китайские газеты) «со слезами радости на глазах» отправлять навечно в глухомань — обо всем за тебя думает «председатель Мао».

«Культурная революция» нанесла огромный ущерб китайской экономике, отбросила на несколько лет назад и промышленность, и транспорт, и сельское хозяйство. Непрерывно следующие с тех пор одна за другой репрессивные политические кампании то и дело вызывают новые трудности в экономике.

«Культурная революция», по существу, лишила страну культуры. Жертвами развязанного маоистами физического и морального террора стали не только миллионы людей, но и богатейшие культурные ценности, само образование, литература и искусство, и поныне не возрожденные в их подлинном смысле. Ведь нельзя назвать литературой и искусством шаблонные книги и спектакли, из которых все посвящено прославлению «председателя», его реакционных «идей», войны и в которых нет места живым человеческим чувствам. И каким может быть просвещение, если «сам председатель» утверждал, что «чем больше читаешь книг, тем становишься глупее»? Стремление к знаниям в маоистском Китае считается подозрительным. Не случайно студент Цзилинского сельскохозяйственного института Ван писал: «Важнейшее указание председателя Мао, как весенний гром, развеяло мои пустые мечты стать специалистом». Ван не одинок. И это в то время, когда поступить в институт в Китае из-за крайне ограниченного набора и многочисленных рогаток стало почти так же трудно, как верблюду пролезть через игольное ушко.

Замедление темпов развития экономики, колоссальный регресс в области культуры — вот что принесли с собой «культурная революция» и ее побег, включая нынешнюю кампанию «борьбы против правоуклонистского вихря». Маоистская пропаганда, по существу, утверждает, что китайский народ прямо-таки ликует по этому поводу. Ведь именно таковы «великие победы великой культурной революции»! Она не только не принесла никаких ре-

альных благ китайскому труженику, но и до предела обокорнала те, что были завоеваны упорной борьбой и трудом китайского народа при братской бескорыстной помощи Советского Союза и других социалистических стран.

Причин для ликования у китайских рабочих и крестьян по вине Мао Цзэ-дуня и его приближенных вовсе нет. Как свидетельствуют многочисленные факты, население китайских городов и деревень только в писаниях чиновников аппарата маоистской пропаганды «радуется» по поводу мнимых «великих побед». В реальной же жизни широкие массы китайских трудящихся испытывают отнюдь не ликование, а недовольство маоистской политикой наступления на их жизненные интересы.

Наиболее яркими проявлениями этого недовольства явились крупные забастовки и волнения промышленных рабочих в 1975 году и стихийные выступления масс, подавление которых властями вылилось в кровавые «события» 5 апреля 1976 года. Волнения рабочих во многих провинциях имели место и в мае этого года.

Не оставляя попыток «внушить» трудящимся страны «великую радость» по поводу их бедственного положения, пекинское руководство в последнее время стало в широких масштабах применять военную силу для подавления выступлений трудящихся.

Жесточайшее насилие над обществом со стороны маоистского режима — еще одна главная характерная черта современной внутривластной жизни в Китае. Маоисты осуществляют его с помощью мощного аппарата принуждения, центральная роль в котором отведена армии — «становому хребту» военно-бюрократической диктатуры группы Мао Цзэ-дуня.

Армейские части осуществляют контроль за проведением крестьянами сельскохозяйственных работ, ведут идеологическую обработку населения в духе маоизма, выявляют недовольных маоистскими порядками, расправляются с неугодными.

Армия служит маоистам главной опорой при проведении репрессивных политических кампаний.

«Железным кулаком» своей диктатуры, который они постоянно держат над головами трудящихся и нередко пускают в ход, называют маоисты отряды миньбинов, или так называемого ополчения, являющегося частью вооруженных сил страны.

Одним из основных компонентов разветвленного аппарата принуждения являются органы общественной безопасности, которых подчинена полиция. Ликвидировав прокуратуру, следившую за соблюдением законов, маоисты наделили органы безопасности правом производить аресты, вести допросы, следствие и принимать репрессивные решения по собственному усмотрению.

Маоисты опутали всю страну липкой полицейской паутиной. В качестве филиалов и осведомителей полиции выступают

созданные повсеместно так называемые комитеты охраны порядка, дворовые комитеты, «роты охраны» и «часовые» из числа подростков, престарелые жители, которых заставляют сидеть вдоль дорог и наблюдать за прохожими. Всемерно поощряются доносы.

Важное место в маоистской системе подавления и насилия занимают также суды, для деятельности которых в настоящее время характерны беззаконие и произвол. Как писал китайский юридический журнал «Чжэнфа яньцзю», работники судов и органов безопасности обязаны поступать по формуле: «Как скажет председатель Мао, так я и сделаю». Право выносить приговоры в современном Китае имеют и руководящие работники административно-партийного аппарата.

Карательная политика китайских властей направлена прежде всего и главным образом против тех, кто стихийно или сознательно сопротивляется политико-экономическим установкам группы Мао Цзэ-дуна. Для подавления всех подлинных и мнимых противников Мао Цзэ-дун еще перед «культурной революцией» объявил, что около пяти процентов китайского населения, то есть тридцать пять миллионов человек, — это «классовые враги», к которым относятся, в частности, так называемые «вредные элементы». Такой ярлык власти могут навесить на любого неугодного им человека и целые слои населения. В марте прошлого года центральный рупор маоистов журнал «Хунци» писал, что теперь к «классовым врагам» можно отнести уже до десяти процентов насе-

ния, то есть более восьмидесяти миллионов человек.

С помощью репрессий, идеологического одурманивания и массового морального террора маоисты стремятся запугать и обмануть китайский народ, держать его в постоянном страхе и послушании и тем самым приглушить проявления глубокого противоречия между экономическими интересами трудящихся и милитаристскими целями правящей группировки. Очевидно, что группа Мао Цзэ-дуна намерена и впредь вести наступление на жизненные права рабочих, крестьян и интеллигенции, откладывать на неопределенный срок решение острых социально-экономических проблем, продолжать осуществление своего центрального лозунга «Готовиться к войне».

Чтобы отвести от себя недовольство трудящихся материальным и социальным положением, маоистский режим прибегает ко все новым политическим кампаниям, которые, в свою очередь, вызывают новые кризисы маоистского курса.

Меры, к которым прибегает китайское руководство, не в состоянии стабилизировать положение в стране. Они лишь увеличивают тот огромный ущерб, который уже нанесли маоисты китайскому народу.

Путь, по которому ведет сегодняшний Китай группа Мао Цзэ-дуна, коренным образом противоречит жизненным интересам китайских трудящихся, а поэтому бесперспективен. Маоистский путь милитаризации, антисоветизма, ужесточения военно-бюрократической диктатуры и эксплуатации народа — это путь банкротов.

Этнограф С. Понятовский о В. К. Арсеньеве

В 1914 году польскому этнографу-антропологу довелось встречаться в Хабаровске с В. К. Арсеньевым. Но прежде чем рассказать об этой встрече, хочется несколько слов сказать о польском ученом. Понятовский много лет преподавал в Варшавском университете. С 1921 года он редактировал известный польский научный журнал «Архив антропологических наук».

В сентябре 1939 года гитлеровская Германия совершила вероломное нападение на Польшу. В первые же дни войны гибнет смертью храбрых единственный сын С. Понятовского — Анджей. Во время фашистской оккупации пожилой профессор, оказывается среди тех поляков, которые стремились отдать все свои силы на борьбу со смертельным врагом. С. Понятовский тайно организовал для студентов Варшавского университета специальный научный семинар, на котором смело проповедовал антифашистские гуманистические идеи.

В ноябре 1942 года гестаповцы схватили ученого. Сперва они отправили его в варшавскую гестаповскую тюрьму Павяк (теперь на ее месте, на улице Доельна 24/26, существует особый музей тюрьмы Павяк, в котором сосредоточено немало документов, разоблачающих кровавые преступления гитлеровцев в Варшаве). Затем Понятовского перевезли в Майданек. Жена Понятовского не выдержала всех обрушившихся на нее испытаний и умерла в 1943 году. Из Майданека Понятовский был переведен в новый лагерь смерти — Литомержиц, в северной части Чехословакии. Там 6 июня 1944 года он скончался, не выдержав издевательств гитлеровских палачей.

Еще с конца 1942 года гестаповцы охотились за рукописями С. Понятовского. С риском для жизни польский ученый В. Антоневич спрятал их сперва у себя на квартире, а затем передал библиотекарю Варшавского университета Софье Любецкой. Она укрывала их среди фондов университетской библиотеки. Там они и пролежали до освобождения Польши Советской Армией.

После окончания второй мировой войны,

по настоянию ученика С. Понятовского Эдварда Буланды рукописи и картотеки Понятовского были переданы в распоряжение вроцлавского этнографического общества — «Польского товарищества люднознавczego» (там они и хранятся по сей день под инвентарными номерами 293—295).

В 60-х годах по инициативе профессора Юзефа Гайнека, возглавлявшего редколлегия этнографического журнала «Люд» («Народ») и кафедре общей и славянской этнографии Вроцлавского университета началось подробное изучение вроцлавского архива Понятовского. Тогда Барбара Гейденрих особое внимание обратила на рукописи Понятовского, связанные с его поездкой на Амур в 1914 году, на его дневники, воспоминания, различные научные записи. Среди материалов Понятовского оказались ценные сведения по антропометрии орочей и нанайцев. За научную обработку этих данных и взялись польские антропологи Ф. Вокрой и Ю. Глинка. В 1966 году результаты этих работ были опубликованы в журнале «Люд» (том 50). Именно там были впервые напечатаны дневники и воспоминания Станислава Понятовского, в том числе записи о его встречах с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Об этих ранее неизвестных сведениях мне и хочется рассказать читателям журнала «Дальний Восток».

В молодости Станислав Понятовский учился на механическом факультете Варшавского политехникума и надеялся стать инженером. Еще в студенческие годы он стал членом польской социал-демократической партии (ППС) и одним из активных членов революционной группы «Кузнецы». В 1904—1905 годах он активно участвовал в различных революционных выступлениях. Когда революция 1905 года потерпела поражение и начался период гонений и расправ, Понятовский эмигрирует в Швейцарию. Стремясь расширить свой общественный кругозор, он поступает на философский факультет Цюрихского университета. Тут-то его и увлекла впервые этнография и особенно антропомет-

рия. Дело в том, что как раз в этот период в Цюрихе читал лекции антрополог Рудольф Мартин, который разработал свою собственную систему антропологических измерений с целью определения степени генетической близости отдельных народов между собой. Понятовский увлекся антропометрией, и это позволило ему уже в 1911 году защитит в Швейцарии докторскую диссертацию. После этого он вернулся к себе на родину — в Варшаву. Но ему удалось устроиться лишь на должность ассистента варшавской антропологической лаборатории. И тут ему помог счастливый случай.

Уже в конце XIX века в Соединенных Штатах многих ученых стала волновать гипотеза о том, что далекие предки северо-американских индейцев были выходцами из Сибири. Заговорили о большом сходстве между индейцами и некоторыми народами Сибири, например, эвенками. В США возник план организации обширных этнографических и антропологических исследований в Сибири. Первоначально подробные исследования проводились на северо-востоке Сибири — среди чукчей, коряков, юкагиров и ительменов. Затем исследования решено было расширить. Видный американский ученый чешского происхождения Грдличка посетил Восточную Сибирь в 1912 году и, окончательно уверовав в то, что американские индейцы во многом похожи на некоторые народы Сибири и Дальнего Востока, добился от Вашингтонского национального музея и Смитсоновского института выделения значительных средств на проведение новых исследовательских работ среди народов Сибири и Дальнего Востока. Особенно А. Грдличка был заинтересован в проведении там антропометрических работ. Проезжая через Варшаву, Грдличка познакомился со Станиславом Понятовским и предложил ему принять участие в изучении народов Приамурья. Польский исследователь принял это предложение и стал готовиться к экспедиции. В 1913 году он тщательно изучал специальную литературу и прошел курс обучения у профессора Матеского по снятию гипсовых масок с человеческих лиц.

В мае 1914 года Понятовский прибыл из Варшавы в Петербург. Здесь он встретился с известным польским исследователем Якутии Эдвардом Пекарским, посетил Русское географическое общество, где познакомился с Ю. М. Шокальским и ученым секретарем общества А. А. Достоевским (племянником писателя) и получил от них рекомендательные письма. Познакомился он и со столичными этнографами. Особенно его тепло принял в Музее антропологии и этнографии знаток этнографии Дальнего Востока Л. Я. Штернберг. И в обществе и в музее Понятовскому рекомендовали обратиться в Хабаровске за содействием к знатоку южной части русского Дальнего Востока — Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву.

В Петербурге хорошо знали Арсеньева. В 1911 году В. К. Арсеньев два раза выступал в Географическом обществе с обстоятельными докладами об Уссурийском крае и, кроме того, он через А. А. Достоевского передал в дар обществу свою демонстрационную карту средней части Уссурийского края. Карта эта совсем недавно была найдена, реставрирована и передана в Библиотеку Академии наук СССР.

Еще лучше В. К. Арсеньева знали в Музее антропологии и этнографии. В течение 1910—1914 годов он постоянно присылал в музей ценнейшие этнографические экспонаты. Особенно тесными были отношения В. К. Арсеньева с Л. Я. Штернбергом. В конце лета 1910 года В. К. Арсеньев некоторое время принимал участие в работе этнографической экспедиции Л. Я. Штернберга на Нижнем Амуре и в Александровске-на-Сахалине. Арсеньев и Штернберг часто писали письма друг другу. И поэтому неудивительно, что Л. Я. Штернберг посоветовал Понятовскому познакомиться с Арсеньевым и дал на его имя рекомендательное письмо.

18 мая 1914 года Станислав Понятовский выехал из Петербурга в Сибирь. Путь в Хабаровск шел через Владивосток. Из Забайкалья он ехал по КВЖД. Во Владивостоке Понятовский побывал в местном музее, где ему опять-таки рекомендовали в Хабаровске прежде всего познакомиться с Арсеньевым.

В Хабаровск Понятовский прибыл поздно вечером 2 июня и уже ранним утром 3 июня пошел разыскивать Владимира Клавдиевича.

В своих воспоминаниях Понятовский так характеризует Арсеньева: «Худощавый, несколько выше среднего роста, на вид лет 40 (что позднее он сам подтвердил). Лицо несколько сурово, но очень симпатичное. Мы разговорились, и при этом сразу же создалась атмосфера как между добрыми знакомыми. Арсеньев сопровождал меня по музею, объяснял, говорил немножко о своих собственных исследованиях. Местными вещами музей исключительно богат».

Кратко рассказав об истории создания хабаровского музея, Понятовский отмечал, что в нем особенно много экспонатов, приобретенных самим Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым.

«В области этнографии — пишет Понятовский — наиболее богато представлены орочи. Наибольшую ценность представляет фигура шамана со всеми его аксессуарами, которые были пожертвованы Арсеньеву сыном шамана. Экспонаты осматривали с 4 до 7 с половиной часов. Я познакомился также с Винцентом Домбровским, обрусевшим поляком с Украины, который уже не понимает по-польски, но с ним можно было говорить по-русски. В прошлом он был агрономом, теперь — хранитель музея. Домбровский сообщил, что слышал будто в одном месте выкапывают какие-то кости из земли. Договорились с Арсеньевым и Домбровским на сле-

дующий день около 12 часов дня их посмотреть...»

Далее Понятовский записывал: «Четверг, 4 июня. Отправились около 12 часов с Арсеньевым и Домбровским копать упомянутые кости. Но ничего подобного не оказалось. Возвращаясь назад, встретили орочей. Арсеньев присоединился к ним, и мы пошли до постоянного двора, точнее сарая, в котором они остановились. Арсеньев уговорил их прийти на следующий день рано утром в музей. Затем пошел дождь. Посидели у меня в отеле до 5 часов. Позже поехали к Лопатиным, которые живут недалеко от почты. Занимают они там 3 скромные комнаты».

Здесь шла речь о семье известного дальневосточного этнографа И. А. Лопатина, большого знатока этнографии нанайцев. Лопатин был другом Арсеньева. Понятовский пишет о Лопатине так: «Он — лет 26—27, светлый блондин с видом веселого приказчика. Его жена Любовь Григорьевна, тоже светлая блондинка с длинным носом и узкими глазами, но отнюдь не некрасивыми*».

Утро 5 июня Понятовский провел в поисках гипса, пригодного для изготовления масок. Приобретая необходимое, он около универсального магазина Чурина нанял носильщика и отправился в музей к Арсеньеву, надеясь начать снимать маски с тех орочей, которые обещали туда прийти. «В Музее, — пишет Понятовский, — помимо Арсеньева и Домбровского был Лопатин. Орочи нас обманули. Дал показательный урок изготовления гипсовых масок, продемонстрировал свои инструменты и мартиновскую технику краниологических обмеров» (то-есть систему измерения головы или черепа по методу Рудольфа Мартина).

6 июня Арсеньев вновь заходил к Понятовскому, чтобы помочь ему приобрести одежду для экспедиции. Вечером Понятовский посетил квартиру Арсеньева. Он сообщает: «Арсеньев жил... за мостом на даче своего приятеля топографа полковника А. Ф. Ахматьева». Понятовский отмечал, что Арсеньев, готовясь к новой экспедиции к орочам и нанайцам, отправил свою семью к родным на запад.

Понятовский записал со слов самого Арсеньева некоторые сведения из его биографии: «Арсеньев — сын земского обывателя, окончил реальное училище, потом отец отправил его в военную школу, хотя он сам того не хотел и мечтал заняться естествознанием. По окончании училища служил в Остроленце (Польша), а позднее несколько месяцев в Повяжках под Варшавой. Уже будучи офицером изучал естествознание по книгам университетского курса. Создал у себя аквариум, держал у себя различных зверей, вел сборы коллекций и других вещей. Ничто другое его не интересовало. Во время службы в Польше два раза был в Варшаве, которую естественно не мог осмотреть всю».

Арсеньев признавался, что в этот пери-

од он особенно живо интересовался пауками, которых он в большом числе приносил домой.

В 1900 году (а отнюдь не в 1899, как утверждают многие авторы) Арсеньев поехал из Польши на Дальний Восток. Первоначально предпринимал свои походы по Приморью по собственной инициативе за свой счет. Положение это изменилось лишь после того, как он стал «начальником охотных команд».

«За время своих поездок он смог как никто другой до него изучить весь Уссурийский край, создать множество топографических карт, собрать геологические, зоологические, этнографические и археологические коллекции, — пишет Понятовский, — составить списки и планы различных руин творений наземных, созданных предположительно в период так называемого средневекового царства Бохай, составил огромный словарь языка орочей-удэхэ (ogoczonoie udihe), причем он, не зная научной транскрипции, придумал свою собственную фонетическую транскрипцию, и одновременно собрал много первосортных материалов по самым различным областям знаний. И это ему удалось сделать с большим успехом, потому что, как он сам мне наивно сказал, из 33 университетских курсов по естествознанию он проштудировал 28 или 29 с прилежанием усердного студента».

Для нас в этом сообщении Понятовского особенно любопытно упоминание об «огромном словаре языка орочей-удэхэ». Очевидно, что Понятовский, видел этот словарь уже в 1914 году! Значит, уже тогда он существовал.

Польский ученый живо заинтересовался и первыми печатными трудами В. К. Арсеньева. Хороший отзыв он дает о «Военно-статистическом и географическом очерке Уссурийского края» и о кратком описании его экспедиций 1900—1910 годов, которое было опубликовано Приамурским отделом Русского географического общества в Хабаровске в 1912 году.

Большой интерес у Понятовского вызвали подробные географические карты Уссурийского края, составленные самим В. К. Арсеньевым.

Тогда же, 6 июня, Понятовский впервые познакомился с путевыми дневниками Арсеньева. Они привели его в восхищение. «Какие капитальные дневники Арсеньева!» — восклицал он.

В понедельник, 6 июня, Понятовский вновь встретился с Арсеньевым в музее. Здесь он застал И. А. Лопатина и предложил ему изготовить маску с лица самого... Владимира Клавдиевича! Арсеньев согласился и Лопатин под руководством Понятовского принялся за работу. Вскоре эта маска была успешно изготовлена. Как хотелось бы разыскать эту маску 42-летнего В. К. Арсеньева! Не знают ли что-либо о ее дальнейшей судьбе научные сотрудники Хабаровского краеведческого музея?

Затем Понятовский с большим интересом читал подготовленные В. К. Арсеньевым «Материалы по истории Уссурийского края».

Днем у руководителей Амурского «отдела водных коммуникаций» Понятовский добывал карты Амура. По возвращении в гостиницу он некоторое время работал над своим дневником, но эта работа была прервана приходом Владимира Клавдиевича, который принес ему некоторые свои рукописи, в том числе рассказ о «кристально чистом человеке»... о Дерсу Узала! Понятовский пишет, что он читал эти рукописи «с огромным интересом». Недавно было достоверно установлено, что В. К. Арсеньев впервые встретился с Дерсу Узала лишь 3 августа 1906 года у Лудевы, но потом Арсеньев по праву литератора сделал Дерсу Узала главным героем рассказа о его путешествии в 1902 году на реку Лёфу. Как признавался сам В. К. Арсеньев писателю М. М. Пришвину он «несколько перетасовал события во времени ради художественной убедительности». Очевидно, что Арсеньев показал Понятовскому свой самый ранний рассказ о Дерсу Узала, который Л. И. и Ю. А. Сем был опубликован в журнале «Дальний Восток» (1972, № 9, с. 133—135). В своих воспоминаниях Понятовский довольно подробно пересказал содержание этого рассказа Владимира Клавдиевича. Важно отметить, что Понятовский написал свои воспоминания еще до выхода книги Арсеньева. «В дебрях Уссурийского края» Особоенно понравился Понятовскому рассказ о том, как Дерсу Узала смог предсказать начало выюги и как он спас Арсеньева под снегом. Когда Понятовский закончил чтение рукописи, Владимир Клавдиевич большой горечью сказал: «К сожалению, сам Дерсу стал жертвой местного бродяги или колониста, который соблазнился какой-нибудь парой рублей или двустолковой».

9 июня Арсеньев по телефону сообщил, что в музей пришел один ороч, с которого можно снять маску. Понятовский поспешил исполнить желание Арсеньева. Это был Суленджа Батани с реки Анной. Он был серьезно болен: «...был худ, плевал кровью, не имел силы для тяжелой работы». Понятовский сфотографировал ороча, и эта фотография дошла до наших дней. Батани рассказал Арсеньеву и Понятовскому о страшной судьбе всей его семьи, которая погибла во время эпидемии оспы. Арсеньев весьма заботливо отнесся к орочу Сулендже Батани: он его сытно накормил, укутал и уложил спать в самом музее. Лишь на следующий день - 10 июня — Понятовский снял маску с больного ороча. Тогда же он снял маску и с другого знакомого Арсеньева — нанайца Джена из Торгоны.

В этот же день Понятовский познакомился с юношей Гришей Спыжевским, который решил уйти из шестого класса реального училища лишь бы принять лич-

ное участие в новой экспедиции Арсеньева. Но генерал-губернатор Приамурья Н. Л. Гондатти помешал отъезду Арсеньева в новую экспедицию. Тут же было решено, что Спыжевский присоединится к экспедиции Понятовского. Вместе со Спыжевским выразили желание поехать еще два его молодых друга — сын лесничего Женя Воропаев и Коля Делле (впоследствии видный прибалтийский геолог).

В тот период в Приамурье существовал порядок, по которому все грузы хабаровского музея в пределах края перевозились бесплатно. Для этого груз должен был иметь особую наклейку. Арсеньев охотно предоставил Понятовскому целую пачку таких наклеек, что значительно облегчило ему впоследствии пересылку собранных коллекций из различных мест Приамурья в Хабаровск.

11 июня Понятовский в присутствии Арсеньева учил снимать маски своего молодого помощника Г. Спыжевского. Затем в течение двух дней Понятовский вместе со своими помощниками вел в Хабаровске различные закупки для своей экспедиции.

Вечером 13 июня Понятовский вновь посетил Арсеньева. Этот визит оставил у него наилучшее впечатление: Арсеньев «читал мне отрывки из его исключительно интересных дневников». Затем Понятовский побывал у Лопатиных и договорился о совместном выезде в Сакачи-Алян.

Днем 15 июня Понятовский и его спутники отправились из Хабаровска по Амуру на катере, принадлежавшем отцу Коли Делле — П. И. Делле. Катер был довольно большого размера и имел каюту.

«Поездка была весьма приятной. — писал Понятовский, — Амур — огромная полноводная река... Ехали мы главным руслом, временами — по протокам. Небо было пасмурным, дул сильный ветер, временами накрапывал дождь. Из-за половодья вода в Амуре грязная, желтая, вспененная. Чувствовал себя прекрасно, целый час стоял, рассматривая реку и берега».

Особенно большое впечатление на Понятовского произвел строившийся тогда железнодорожный мост через Амур — «наидлиннейший мост в Старом Свете».

Нанайско-русское селение Сакачи-Алян тогда состояло, по данным Понятовского, из 20 жилищ, поставленных на высоком берегу и растянувшихся на полверсты. Напротив каждого дома находились лодки

Катер экспедиции Понятовского сел напротив селения на мель. Нанайцы охотно помогли участникам экспедиции перебраться на берег, а затем сняли катер с мели. Прибывших пригласил к себе нанайец Гаврила, у которого в прошлые годы оставался Лопатин. Однако вскоре явился нанайец Дмитрий Оненко и уговорил Понятовского переехать к нему. В жилище Оненко тогда гостил шаман Коя из селения Муху и восьмидесятилетняя шаманка. Понятовский поставил свою палатку у юрты Оненко и сразу же занялся этно-

графическими исследованиями: опросом нанайцев, фотографированием и антропометрическими работами. Особенно его заинтересовало то, что местные нанайцы начали успешно заниматься огородничеством, причем не только для удовлетворения своих собственных нужд, но и на продажу.

16 июня молодые помощники Понятовского отправились на лодке на охоту. Но начавшийся дождь помешал охоте. Однако их ждала другая большая удача: они увидели знаменитые наскальные изображения — сакачиалянские петроглифы, о которых не раз столь подробно писал академик А. П. Окладников. Эти «писаницы» были известны амурским краоведам еще в конце XIX века. Однако по дневнику Понятовского создается впечатление, что Лопатин и Арсеньев узнали о них только в 1914 году!

Понятовский, получив от своих помощников, первые сведения о сакачиалянских писаницах попросил Дмитрия Оненко рассказать о них. Его сообщение Понятовский приводит в своих воспоминаниях: «...Когда-то на небе было три солнца, и потому вода в реке была горячая: она кипела так, что камни стали мягкими и люди палками и прутами легко могли на них делать рисунки».

В тот же день Понятовский решил сам осмотреть писаницы — «камни с орнаментом». Они произвели на него большое впечатление. «В том месте, — писал Понятовский, — темные скалы близко подходят к берегу, образуя на большом протяжении крутой обрывистый берег. От тех скал отламывались большие камни, часто правильной формы угольники, которые лежали то на песке, то на берегу, то выступали из-под воды. На ровных поверхностях тех камней небрежно выдолблены личины людей, зверей, орнаменты. Эти рисунки вследствие выветривания проступают слабо. В нескольких местах они находятся над водой, другие — под водой и видны они лишь при низком уровне воды».

Понятовский сфотографировал эти петроглифы. В его коллекции сохранился снимок, на котором изображен молодой этнограф И. А. Лопатин, сидящий на камне с изображением одной из сакачиалянских «личин». Эти маски-личины теперь благодаря трудам А. П. Окладникова получили мировую известность.

В Сакачи-Аляне Понятовский собрал немало различных рисунков местных жителей, особенно детских рисунков, которые говорили о больших художественных способностях нанайцев. Здесь же были сняты маски с нескольких нанайцев и составлен краткий первый нанайско-польский словарь.

Вернувшись на несколько дней в Хабаровск, Понятовский и его помощники 21 июня рассказали В. К. Арсеньеву о результатах своих изысканий.

Затем Понятовский вернулся на некоторое время в Сакачи-Алян, а с 4 июля отправился по другим амурским селениям.

Экспедиция работала в поселке Нижние Мари, затем в Муху, были в Даде, в Дайерге, в Найхе. в Торгоне, в Троицком, на острове «Баркас Баочан» (?), затем в Манго, в селении Хунгари и в различных стойбищах по одноименной реке. 1 - 2 августа были во «Вниченском», (Может быть, Вознесенском? — Б. П.), а в селе Средне-Тамбовском, где пробыли с 5 по 7 августа 1914 года, узнали о начале первой мировой войны.

В эту поездку Понятовским и его помощниками проведены обширные этнографические и антропологические изыскания, собраны богатейшие коллекции, которые позднее при содействии В. К. Арсеньева были отправлены в Варшаву.

Когда С. Ф. Понятовский вернулся в Хабаровск он вновь встретился с В. К. Арсеньевым. Владимир Клавдиевич положительно оценил результаты сборов Понятовского, и они, наивно полагая, что война скоро закончится, договорились организовать в 1915 году новую исследовательскую экспедицию.

Арсеньев подарил Понятовскому ряд своих печатных работ, попросил его заодно отвезти в Петербург Л. Я. Штернбергу свои работы в основном по Уссурийскому краю и «Вымирание инородцев Амурского края». Арсеньев помог Понятовскому упаковать собранные им коллекции. Они беседовали на различные научные темы. Арсеньев обстоятельно отвечал на вопросы Понятовского и даже специально для него составил небольшую этнографическую карту Уссурийского края. Польские этнографы разыскали эту карту и опубликовали ее в 1966 году. Она сопровождается очень полезной объяснительной запиской самого Арсеньева, в которой перечислены все малые народы края.

Арсеньев очень тепло распрощался с Понятовским. Надеялся на новую скорую встречу. Но им так и не суждено было увидеться вновь.

Понятовский произвел на Арсеньева очень хорошее впечатление. Это видно из его писем. Еще в первые дни знакомства с Понятовским 28 мая (10 июня) 1914 года Арсеньев писал Л. Я. Штернбергу: «Был у меня от Вас Понятовский. Мы хорошо познакомились, измеряли инородцев и лепили с них маски. Полное содействие я ему оказал». После отъезда Понятовского Арсеньев писал тому же Штернбергу: «Он пробыл у нас в г. Хабаровске довольно долго. Мы познакомились и немного занимались вместе. Он научил меня снимать маски. Спасибо за то, что Вы посылаете ко мне с письмами людей, любящих антропологию и этнографию. От него я узнал новости из научной литературы и вообще почерпывал знания».

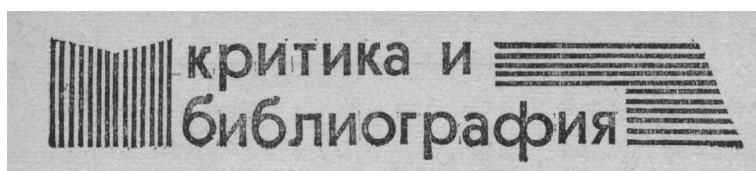
Арсеньева и Понятовского роднила их глубокая увлеченность наукой, в первую очередь, этнографией, для них обоих характерно гуманное отношение к малым народам Приамурья, большая сердечная человечность. История их краткой дружбы—

одна из страниц в истории русско-польских культурных отношений.

Научные труды Понятовского по этнографии и антропологии народов Нижнего Амура еще должны быть тщательно изучены советскими учеными. Для нас же дневники и воспоминания Станислава Понятовского являются новым ценным источником сведений о выдающемся писателе и исследователе Дальнего Востока

В. К. Арсеньеве. В записях Понятовского он предстает перед нами человеком большой души. И мы с благодарностью вспоминаем польских патриотов, которые, рискуя своей жизнью, смогли спасти от уничтожения столь ценные документы. Сердечное спасибо нашим польским коллегам этнографам и антропологам, которые опубликовали эти документы во Вроцлаве в 1966 году.

Л. ВОЛЬПЕ

ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

Одно из лучших стихотворений своего цикла «Монгольские стихи» Петр Комаров посвятил Георгию Маркову. Оба они были участниками освободительного похода, очевидцами и летописцами боевого подвига советских воинов, за три с небольшим недели нанеших решающее поражение силам японского империализма на Дальнем Востоке. Среди воинов-освободителей оба писателя встретили 3 сентября 1945 года — День Победы над милитаристской Японией. Эти события П. Комаров отразил в стихотворных циклах: «Из маньчжурской тетради», «Монгольские стихи», «Корейские мотивы»; Г. Марков — в повести «Орлы над Хинганом» (первоначально называвшейся «Солдат пехоты»). Среди строк, посвященных Георгию Маркову, были и такие:

Питьевой воды на переход
Два глотка осталось у солдата.
На коня взглянул он виновато,
Дал ему: бедняга не дойдет...

Не в песках свой след оставил он,
Не в пустыне — голой и безводной. —
В благородной памяти народной
След солдата гордо сохранен.

К благородной памяти народной обращена и повесть «Орлы над Хинганом». Над этим произведением писатель начал работать в 1945 году в ходе самих развивавшихся событий. Фрагменты повести публиковались в газете «Суворовский натиск» в октябре 1945 года. Но потребовалось еще почти два года, нужно было еще немало подумать и потрудиться, чтобы «Орлы над Хинганом» могли быть обнародованы в журнале, а затем выйти отдельной книгой (это произошло в 1949 году).

Повесть «Орлы над Хинганом» еще недостаточно исследована и оценена нашей критикой, а между тем она важна для

понимания творческого пути выдающегося советского писателя и общественного деятеля, Героя Социалистического Труда, по праву занимающего свое место в строю старых солдат. Среди таких заметных произведений нашей литературы, как романы «Строгов», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь» она не затерялась, привлекает к себе внимание многих читателей.

Г. Марков всегда в совершенстве знает то, о чем пишет. «Писатель, обладающий поистине уникальным знанием родной Сибири, глубоко чувствующий суровую красоту ее природы, слышащий малейшие нюансы поразительно богатой, сочной речи коренных сибиряков, хранящий в памяти не только строгую точность фактов истории своего края, но и множество полных чарования легенд и преданий...». Нельзя не согласиться с этой характеристикой, данной автору «Строгов» критиком Ю. Идашкиным¹. Вот это же доскональное знание быта, помыслов и душевных тайн своих героев, всегда присуще Г. Маркову, дает себя чувствовать и в его единственной фронтовой повести.

Если говорить о теме, то «Орлы над Хинганом» следует отнести к произведениям редким. Почему же редким? Да потому, что на эту тему писателями написано чрезвычайно мало. О разгроме армий японских милитаристов мы можем прочитать в великолепных мемуарных работах Маршала А. М. Василевского «Дело всей жизни», Маршала К. А. Мерецкова «На службе народу», генерала армии И. А. Плиева «Дорогами войны». Но это мемуары. И хоть любим мы их, ценим, внимательно изучаем, заменить художественной прозы они не могут. «По самой специфике задания», — как сказал недавно Леонид Леонов². А тема-то благодатная.

«Мне думалось, — писал в заметке,

¹ «Октябрь», 1971, № 5, с. 195.

² «Литературная газета». 1976 г., 19 мая. с. 3.

предпосланной переизданию повести, Г. Марков, — что пройдет какое-то время — и в литературе появятся новые романы и повести, посвященные подвигу советских людей на Дальнем Востоке. К сожалению, пока дело ограничилось несколькими названиями, и мне представляется, что эта тема останется поныне неисчерпанной. Но я убежден, что художники слова не оставят этот материал без внимания и рано или поздно он найдет самое широкое освещение в разнообразных жанрах литературы» (387)¹. С тем большим интересом мы вновь обращаемся к произведению Георгия Маркова. «Орлы над Хинганом» — это свидетельство очевидца. Но это — и волнующая повесть, созданная одним из мастеров нашей литературы. Повесть эта о подвигах, о быте войны, о людях, сделавших самый быт подвигом.

В критике не раз уже говорилось о том, что кульминационным, центральным пунктом фронтовой повести, до предела натягивающим все струны ее сюжета, извлекающим из них волнующую захватывающую, надолго запоминающуюся мелодию, является сцена боя. Экспрессивная. До предела заполненная действием. Определяющая судьбы основных героев. В «Орлах над Хинганом» такой сценой стала сцена ночного боя солдат и офицеров самостоятельного действовавшего стрелкового батальона с остатками отчаянно сопротивлявшейся дивизии японцев. Бой велся разрозненными группами в незнакомой, труднопроходимой местности. Не только выстрел самурая, но и неосторожный шаг по выходящей над обрывом горной тропе могли стать причиной гибели бойца. Смелость, ловкость, обученность, дисциплинированность, инициатива решали тут все. И прав командир батальона, прокленный всеми ветрами, жарами и морозами Забайкалья и Дальнего Востока майор Тихонов, когда после боя перед новым маршем говорил своим подчиненным: «Только орлы, могучие волные птицы, обитали на Хингане. Советские воины поднялись выше орлов. Честь и хвала вам, славные солдаты Страны Советов!»

Все предшествующее развитие сюжета ведет читателя к этой сцене. Длительная, четырехлетняя подготовка, решительный марш-бросок, бой и завершающие версты великого похода — таковы этапы четко слаженной композиции повести. Первая ее часть — характерный образец «повесть-хроники». Вторая — своеобразно разработанная «повесть-эпизод». В произведении советский человек показан в решительной, бескомпромиссной схватке с коварным, хищным, хорошо вымуштрованным и вооруженным агрессором. И в не менее решительной схватке с дикой, не-

обузданно жестокой, но и по-своему привлекательной природой. Мастерство писателя-баталиста и творца выразительных ландшафтов, всегда переменчивых и непостижимых картин природы, получает тут достаточный простор.

О Г. Маркове, пейзажисте, писано уже немало. Его пейзажи всегда органически связаны с действующими среди них людьми. Без них не понять и самих людей. Еще раз взгляды в своеобразные, неповторимые пейзажи повести «Орлы над Хинганом», попытаемся определить, что нового удалось тут сказать художнику.

Природа в повести поражает своей мощью, необузданной силой. Вот бойцы наспех сформированного батальона (дело происходит ранней осенью 1941 года), высадившись на забытом богом полуостанке и совершив утомительный переход, остановились на привал в пади Ченчалтай. Бойцам еще не ясно: привал ли это, место ли постоянного пребывания. А кругом сопки, место необжитое, безрадостное. И писатель, двумя-тремя штрихами передав приметы этого будущего расположения, ни слова не сказав еще о настроении солдат, дает нам почувствовать, что это за настроение: «...Небо здесь было совсем иным. Оттого что обзор местности был ограничен, горизонт смыкался с землей за первыми же сопками. Облака тут висели низко, и казалось, что весь этот безрадостный клочок земли живет под каким-то стеклянным колпаком!» (396).

Мы понимаем, как тесно новичкам под этим стеклянным колпаком. А ведь жить тут ни день, ни месяц, ни год... Но представление о «колпаке» обманчиво. Учебные походы, броски по тревоге к границе, преследования диверсантов... Сопки размыкают свой тесный строй, и природа показывает себя в новом и новом облике.

Передавая ее ярость, писатель меняет стиль изложения; фразы становятся энергичнее, резче, разбиваются на короткие, стремительно чередующиеся отрезки. Словесная живопись сменяется словесной графикой. Трудно людям, бесконечно трудно... Нелегко, наверное, и писать об этом. То, что было пережито вместе с бойцами и командирами, вошло в душу, навсегда запало в память. Отсюда некоторая нервность, пронзительность, ощущаемая в этих описаниях: «...Вдруг над одной из сопки поднятый вихрем взметнулся в небо столб рыжей степной пыли. Он с легкостью и стремительностью пронесся по горбату хребту сопки, перескочил на другую сопку и, промчавшись по ней, рассыпался в воздухе на несколько бешено крутящихся мячей. Еще через пятнадцать-двадцать минут эти мячи запрыгали по всей степи. Воздух сразу заполнился мельчайшей пылью, и вдруг стало сыро и сумрачно. Желтое, лучащееся солнце поблекло и вскоре приобрело цвет жженого кирпича» (127). Все мрачнеет и мрачнеет цветовая гамма этой пришедшей в движение гравюры: рыжее переходит в серое, сумрачное, само

¹ Цифры в скобках здесь и дальше обозначают страницу 3-го тома «Собрания сочинений» Г. Маркова, М., «Худ. лит.», 1973.

живительное солнце повисает над головами беспощадным жженым кирпичом. Но и в этой обстановке нужно не теряться, действовать, бороться.

В центральных эпизодах первой части повести писатель и показывает нам, как эта борьба проходила. Не получившие еще настоящей армейской закалки солдаты, ведомые коммунистами, оказывают сопротивление разявившейся стихии и выходят победителями из этих испытаний. Сплачивается, становится единым целым воинский коллектив.

Г. Марков преднамеренно поставил перед собой задачу развертывать все действие в рамках сравнительно небольшого подразделения. «Я думаю, — писал он, — что мой рассказ о людях «в пределах батальона» даст читателю верное представление о чертах времени и особенностях морального облика советского человека, призванного Родиной на тот пост, который обеспечивал защиту ее великих интересов» (387). Батальон капитана (получившего позднее звание майора) Тихонова — «отдельный». Организационно он не входит в состав полка или бригады. Он действует самостоятельно. От инициативы и распорядительности капитана Тихонова и его помощников зависит все. Шквалы ливневого дождя, сокрушающие всех и все, безжалостные морозы с иглистой, сбивающей с ног пургой, каменистой, не поддающийся ломам и кирко-мотыгам грунт, почти полное отсутствие воды и топлива — таковы «сюрпризы», с которыми постоянно приходилось сталкиваться бойцам. И то, что люди батальона сумели противопоставить свою волю и силу духа необузданной природе, — залог грядущих успехов этого войскового коллектива.

Писатель исподволь, не торопясь, рассказывает о жизни батальона среди этой нелюдимой, суровой, но постепенно прикипающей к сердцам природы. Бывший председатель колхоза Петухов, постоянно приглядывающийся к ней своим зорким хлеборобским глазом, кричит однажды в сердцах: «Вот дьявольское местечко!.. Все тут не в меру. Солнце начнет светить — жара несносная, дождь пойдет — будто реки с неба хлынут, ветер подует — коня с ног валит, снежок вот затрусит — света белого не видно...» И вторят ему бойцы и командиры, кто вслух, кто про себя. А контакт между миром природы и миром человека становится все более нерасторжимым. Тот же Петухов в конце концов убеждается, что и эти места могут быть обжиты, что и здесь природа может и должна приносить пользу человеку. Трудная зима 1941—1942 годов сплотила батальон, закалила бойцов. Нам теперь до подробностей знаком их быт, характер их деятельности. И автор вроде бы на полуслове, а на самом деле выполнив свою задачу, прерывает изложение, чтобы во второй части повести показать своих героев в условиях боевой страды, в обстановке непрерывного подвига.

Вторая часть повести открывается выразительным описанием: «В те июньские дни тысяча девятьсот сорок пятого года небо над степью было закрыто мутно-желтым шатром пыли. День и ночь гудела и содрогалась земля от грохота танковых колонн, от рокота самолетных моторов, от рева автомобилей, от топота лошадей. С наступлением сумерек над степью поднималось яркое зарево, как от гигантского пожара. Это сливались в единое море света огни фар, костры биваков, лучи прожекторных установок противовоздушной обороны». Картина стремительная, зажигающая, но... У меня она вызывает некоторые сомнения. Может быть, писатель, увлеченный полетом фантазии, несколько отошел тут от того, что было на самом деле. В фундаментальном теоретическом исследовании «Начальный период войны» (М., Воениздат, 1974) читаем: «Операцию нужно было готовить в глубокой тайне от противника», «Первостепенное значение придавалось маскировке сосредоточения и развертывания войск в исходных районах для наступления. Все перемещения соединений и частей производились только ночью... Несение службы на государственной границе сохраняло режим мирного времени. Радиостанции вновь прибывших объединений и соединений работали только на прием» (298). «Наступление советских войск началось в ночь на 9 августа 1945 г. (в 00.10—01.10) внезапно для противника, без артиллерийской и авиационной подготовки». Эти мысли развиваются далее в мемуарах Маршала Советского Союза А. М. Василевского «Дело всей жизни» (М., Госполитиздат, 1973). Автор, в описываемый период возглавлявший Главное командование войсками Дальнего Востока, утверждает: «Элемент неожиданности был столь велик, а удар, полученный Квантунской армией с северо-запада так силен, что она после него уже не смогла оправиться».

Мне кажется, что Георгию Маркову в повести «Орлы над Хинганом» удалось передать силу этого удара. Если описания, предваряющие рассказ о боевом походе, о стремительном броске через пустыню, наводят на спор с автором, то самый рассказ, сердцевина второй части и всей повести, покоряет, прежде всего, точностью и в передаче деталей военной обстановки, и в изображении природы, и в раскрытии настроений и переживаний советских солдат. Здесь соблюдена верность тона. Даже цветовая окраска описаний усиливает это впечатление.

Мы шли, полуослепшие от пыли,
В степных песках прокладывая путь.
Но мы не путешественники были —
Нам не дано до боя отдохнуть, —

вспоминал о тех днях Петр Комаров. Вот именно: не путешественники, а воины-освободители. И как ни тяжел, невыносимо тяжел поход, до боя отдохнуть не дано

было никому. И снова приходят на память строки П. Комарова:

...Здесь даже летать никому неохота,
А как же пехота все это прошла?

Когда читаешь страницы повести Г. Маркова, воспроизводящие перипетии этого похода, ощущение такое, как будто это у тебя горят натруженные ходьбой по раскаленному песку подошвы ног, огненные блики мелькают в воспаленных, припорошенных пылью глазах, пересохшая гортань молит хоть о маленьком глоточке влаги. Нужно было, конечно, самому испытать все это для того, чтобы потом передать так правдиво.

В походе, а затем в бою раскрывается внутренняя сущность каждого из героев повести. Мастерство психологического анализа, с которым не раз встречались читатели «Строговых» и «Соли земли», и тут проявляет себя. Каждый из бойцов и командиров батальона показан так, что его уж не спутаешь с другими. А все вместе они составляют сплоченный боевой коллектив. И даже в ночном бою, среди острых граней и пропастей Большого Хингана, когда действовать приходилось разрозненными мобильными группами или в одиночку, нерасторжимая связь членов этого коллектива не ослабевала. Выявление и передача неповторимого своеобразия каждого из участников боя — бесспорная заслуга писателя. Интерес к внутреннему миру рядового бойца — свидетельство его демократизма. Выгоревшие гимнастерки и пропитавшиеся солью портянки, шершавые, с наростами мозолей руки и пристально глядящие из-под касок глаза — все в сфере его внимания. В повести нет какого-то одного центрального героя — все главные, Но все-таки есть несколько фигур, к которым Г. Марков присматривается особенно пристально.

Вот Филипп Иванович Егоров, с которым мы повстречались на первых же страницах повести и с трудом расстаемся в ее конце. Человек основательный, неторопливый, умеющий глубоко проникнуть в суть каждого дела, семь раз отмерить и один — отрезать, но так, что наверняка перекраивать уж больше не придется. Это интеллигент с повадками крестьянина или, вернее, крестьянин, в условиях советской действительности сумевший подняться к вершинам интеллектуальной жизни. Из скупых авторских отступлений мы узнаем о его прошлой гражданской жизни. Учитель-географ, селекционер-новатор, получивший к тому же еще до войны хорошую военную подготовку... И не случайно именно ему командир батальона своею властью доверяет командование ротой.

Егоров живет жизнью своих бойцов. Его рота становится лучшей ротой батальона. Отличная выучка определяет характер боя. Бойцы роты Егорова действуют расчетливо, уверенно, самоотверженно. Не зря, наверное, Егоров так много времени

проводил в доверительных, задушевных беседах с самым молодым из них — Викторианом Соколовым. Этот недавний студент-первокурсник привлекал его к себе горячностью, комсомольским задором, чистотой и откровенностью помыслов. В бою Соколов оказался в особенно сложной ситуации, требовавшей абсолютной самостоятельности, проявления незаурядных воинских способностей. Всем этим юноша солдат был наделен в полной мере.

Соколов вместе со своими товарищами выходит на боевое задание сразу же после партийного собрания, на котором его приняли в ряды коммунистов. Легко можно представить себе состояние молодого воина: тут и чувство нравственного подъема, и глубокое осознание легшей на его плечи великой ответственности, и вполне понятное волнение впервые вступающего в бой солдата. Прибегая к внутреннему монологу, писатель сумел передать гамму этих чувств, вовсе непростых для воспроизведения. Героя постигает неудача: при падении с кручи Соколов, сильно повредил ногу. Кромешная тьма. Одиночество. Тревожное ожидание встречи с врагом... Встреча эта произошла и из смертельно-опасного поединка Соколов вышел победителем. «Град камней обрушился с новой силой на Соколова. Он в изнеможении опускает голову, открывает рот и лижет горячим языком влажный, обточенный ветром голый валун. Над Хинганом заиграет заря...»

Эта слегка варьируемая фраза — «Над Хинганом разгорается заря...», — как музыкальный лейтмотив, сопровождает всю сцену боя. Розовые блики зари подсвечивают осунувшиеся за эту тревожную ночь лица солдат. Каждый из них выдержал испытание боем, каждый внес, пускай самый маленький, вклад в дело победы. Терентию Шленкину, например, удалось захватить японского унтера.

Образ Шленкина, своеобразный, не встречавшийся еще нами в других произведениях фронтовой прозы, является находкой писателя. Скептик, балагур, ловкач, умевший, судя по его рассказам, в довоенное время выжимать из жизни все, что предоставляли в его распоряжение возможности развешенного ревизора конторы «Утильсырье». Свой человек в «системе», Шленкин искал местечка потише и был всегда «кум королю». Свои «мирные» привычки он пытался перенести и в военную среду. Да не тут-то было: Шленкин быстро почувствовал — на фронте «филонам» и «сачкам» покоя не будет. Шаг за шагом, эпизод за эпизодом разворачивает автор эволюцию этого характера, согрешая свое острое, порой прямо-таки сатирическое изображение добрым юмором. В походе, а затем — в бою мы встречаемся уже с несколько иным Шленкиным. То есть во многом он остается самим собой, только вот отрицательные, обывательские, в сущности, черты его характера исчезают, а все явственнее проступает то, что делает

его подлинно советским человеком, отличным товарищем, находчивым солдатом. В стремительном мелькании кадров возникает перед нами сцена пленения японского унтер-офицера. «Миг — и пилотка втолкнута в рот врага. Еще миг — и руки японца связаны ремнем. Он бьется и стонет, в горле у него что-то булькает, в животе страшно урчит... Над Хинганом занимается заря...»

Разрозненные картины боя соединяются в одно целое. Дикий, непривычный пейзаж становится соучастником человеческих дел. Главная задача повести — прославление нравственного величия советских воинов-освободителей — выявляется с полной отчетливостью. Г. Марков показывает, что идеями, ведущими наших людей через все преграды, были идеи родной Коммунистической партии. Принадлежность к партии окрыляла воинов, слово ее вдохновляло. Собирая на кратком привале среди труднопроходимых хинганских круч партийное собрание, замполит батальона Петр Петрович Буткин, старый, закаленный коммунист, шедший партизанскими тропами еще в годы гражданской войны, вдруг неожиданно для себя растрогался «Партия! Где только ни видел твоих сынов Буткин! В глухой сибирской тайге, на лесах стройки Кузнецкого завода, в самом водовороте деревенской жизни лицом к лицу с озверелым кулачем, во главе колхозов, переброшивших весь уклад сельского быта, в траншеях на самой границе и вот — на Хингане! На Хингане! Волнующие чувства бесконечного преклонения перед партией захватывает Буткина. У него першит в горле».

Талант Г. Маркова — это, прежде всего, талант повествования. Его сила — в выпуклых, пластических, полных света и красок описаниях. Но не чужда ему и публицистика. Страстная, но в то же время согретая мягким сердечным теплом. Таковы и переживания замполита Буткина.

Настоящим командиром-коммунистом предстает пред нами командир батальона Тихонов. Это, в сущности, один из немногих, наиболее полно показанных в повести представителей кадровой армии, военный специалист высокого класса, офицер, шедший к главному делу своей жизни долгие и долгие годы. «Военная косточка» выявляет себя в каждом его шаге, каждом слове. Главная черта его характера — спокойная твердость, уважительное, строгое, справедливое отношение к подчиненным. Таков он во время первого нелегкого перехода от места высадки к пади Ченчальтой, таков в дни напряженной учебы, постоянных тренировок, таков он во время марша по раскаленным пескам пустыни, таков он и в бою. Офицер-воспитатель, даже в самых сложнейших, опаснейших обстоятельствах не забывающий об этой своей функции. Именно к нему стягиваются все нити боя. Именно он в нужную минуту и секунду поспевает отдать верное распоряжение. Именно он на-

ходит точные слова, способные вдохновить бойцов, подготовить к новым действиям. «Родина ждет от нас подвигов, и мы способны эти подвиги свершить. Не правда ли, товарищи? — спрашивает Тихонов. И все кричат в один голос: «Правда!» Кричат и те, кто полчаса назад изнемогал от усталости. Колонна начинает движение» (579). Однако, как мне кажется, образ этот дорисован не до конца, недостаточно просветлен изнутри. Если для раскрытия внутреннего мира своих персонажей-солдат писатель находит множество художественных средств и красок, то для передачи переживаний комбата Тихонова он почти все время использует слова, взятые из одного словаря. И это приводит к некоторой однотонности. В самом деле: «...Не в силах скрыть своего изумления, проговорил Тихонов» (471); «...Тихонов изумленно подумал» (519); «Тихонов слушает Буткина с изумлением» (540). Это как-то не вяжется со всем стилем повести, с ювелирным, бережным отношением к слову, присущим Г. Маркову.

Автору «Орлов над Хинганом» постоянно приходилось и приходится общаться с крупнейшими современными мастерами литературы. Их взыскательность, непримиримость к малейшим творческим просчетам известны каждому. Об их уроках рассказывает сам Георгий Моисеевич в книге «Жизнь. Литература. Писатель» (М., «Советский писатель», 1971). Работа Г. Маркова над его произведениями показывает, что эти советы не пропали даром. Требовательность к себе, взыскательность, обостренная совестливость — качества подлинного художника. Упорный труд помогает усилить лучшие, наиболее привлекательные стороны творческой индивидуальности писателя. Писатель, видящий свои просчеты, не боящийся сказать о них сам, добьется многого. Суд его вкуса всегда строг и нелицеприятен.

В повести «Орлы над Хинганом» часто слышится прямая речь персонажей. Она яркая, экспрессивна, передает порывы горячих душ. Заметны в ней локальные, чистые краски, отсутствие оттенков, полутон. Может быть, в этом тоже одно из проявлений творческой индивидуальности писателя? Его романтический настрой проявляет себя и в романтических описаниях природы, и в романтических характерах действующих лиц. Все вместе они создают целостную картину жизни, а в кульминационной части повести — целостную картину боя. Это ведь непростая задача — из разрозненных зарисовок, то появляющихся, то исчезающих образов, из многих самостоятельных эпизодов создать целостную картину. Люди изображенного Г. Марковым батальона представляются нам целостным воинским коллективом, западают в память надолго.

Произведение, посвященное освободительному походу советских войск, знакомит нас не только с конкретными историческими событиями. Это — повесть о

сердцах, о чувствах. До нас доносится голос сердца. «Влекомый собственным сердцем», «тревога за них бьется в его сердце», «замирает сердце»... Эти и им подобные метафоры не случайны в образной системе повести. Так писать мог только человек, сердце которого билось в унисон с сердцами его героев.

Старые солдаты-сибиряки и дальневосточники не забывают писателя, пересчитавшего вместе с ними длинные версты тяжелого похода по раскаленным пескам пустыни, прошедшего сквозь бои и запечатлевшего на страницах фронтовой повести их общий подвиг.

Творческая работа Георгия Маркова высоко оценена Родиной: недавно за роман «Сибирь» он удостоен Ленинской премии. Вместе с миллионами советских и зарубежных читателей мы, читатели-дальневосточники, радуемся этой награде и ждем от писателя новых ярких произведений о наших замечательных современниках — строителях коммунизма.

■ ■ ■

СВЕТЛАЯ ДАЛЬ ЗОВЕТ...

Живет в человеке неукротимая жажда познания. Желание открыть для себя новые места, новые красоты родной земли, узнать новых людей...

Чувство это близко молодому инженеру Максиму Грачеву герою новой повести Александра Прихненко «Спасатели»¹. Не смог усидеть он в родном Приазовье. Благородное беспокойство души позвало его в дальние дали. По окончании института поехал он на наш Северо-Восток, туда, где труднее, где нужнее люди, где он сможет принести больше пользы.

Это вторая книжка А. Прихненко. Первая — сборник «След человека» был опубликован года два назад. Обычно первые произведения молодых авторов основаны на их личном жизненном и трудовом опыте. Такова и новая книга А. Прихненко, написанная в жанре очерковой прозы. Содержание ее раскрывает хроникальная, дневниковая запись трудовых будней моряцкого коллектива. Здесь нет твердого сюжетного построения, четкой системы образов. Персонажи намечены довольно бегло, пунктирно: характеры их не развертываются в столкновениях и конфликтах. Полнее обрисован лишь Максим, ведущий дневник, в котором можно предполагать самого писателя.

Приемы чисто художественного письма — широта обобщений, типизация явлений и характеров, домыслы, выдумка — тут сильно приглушены. Тем не менее повесть.

построенная на достоверном, вполне конкретном и необычном материале, вызывает несомненный интерес.

На Дальнем Востоке немало редких и трудных профессий. Здесь трудятся китобои, вулканологи, парашютисты-пожарники, защищающие таежные массивы от огня. Александр Прихненко приоткрывает перед нами еще один малоизвестный участок человеческой деятельности — работу морских спасателей. Экспедиционный отряд аварийно-спасательных, подводно-технических работ поднимает суда, потерпевшие аварии в море. Максим в этом отряде инженер по судоподъему. До этого он работал на судоремонтном заводе в Приморске. Да показалось ему, что слабо используются там полученные им знания. Он сгоряча ушел из полюбившегося ему коллектива. Самовольный этот уход остался укором на его совести.

Максим не тот легковесный романтик, что «едет за туманом и за запахом тайги», побродяжить, поглазеть на новые места. Он не любитель ложной экзотики и способен открывать возвышенное «в привычном труде, в отношениях между людьми, в природе». Самое главное для него — работа по сердцу, где бы он мог трудиться увлеченно, с полной самоотдачей. Он убежден, что только это приносит подлинную радость, делает настоящим человеком, творцом. Это он и находит в отряде спасателей.

В пустынном море, среди буйных валов, под дикий рев и хлест метели, горстка мужественных людей освобождает из каменного плена израненные оледеневшие суда, напорившиеся на рифы. Спасательные работы, требующие предельного напряжения сил и воли, ведутся днем и ночью: иногда затрачиваются долгие недели, чтобы вырвать у океана очередную жертву. Для этого требуются крепкие телом и духом люди.

С душевной теплотой говорит Прихненко о коллективе спасателей, особенно о бригаде водолазов — Добрынине, Захарове, Бойко. Они ведут опасную работу на дне моря, исследуя грунт, корпус, производя подводную сварку, готовя суда к подъему. Все это простой, немногословный народ, спокойный и уверенный в себе. Внешне ничем особым не отличающиеся люди, а делают они дела под стать богатырским.

Останавливает внимание краткое упоминание о том, что сварочные работы на аварийном судне ведет и женщина. Вися над бурлящей бездной, она спокойно приваривала проушину к корпусу, о ней говорили, что лучше ее никто эту работу не сделает, она — ас в своем деле. На суше женщина уже прочно завоевала место в сварочных работах. В море же это редкое явление. Как правило, это не практикуется, «не женская это работа». Но исключения есть.

В отряде спасателей Максим работал увлеченно. Его смелые технические реше-

¹ А. Прихненко. Спасатели. Камчатский дневник. Повесть. Хабаровск, Кн. изд., 1976.

ния находили практическое применение. Слаженная, дружная работа технического руководителя и исполнителей давала желаемый эффект, приносила удовлетворение всем ее участникам. Чем больше узнавал Максим работающих рядом людей, тем крепче привязывался к ним. Действительно, не могут не восхищать их трудовой азарт, упорство, выносливость, их приверженность к такому трудному и необычному делу.

И, наверное, нет для них большей радости, чем встреча в открытом море с кораблями, которые они вернули к жизни. А те, в знак особого уважения и признательности, приветствуют спасателей тройным приспуском флага.

У Александра Прихненко развито чувство природы, тонкое ее понимание. Суровая красота Севера покорила его своим величием. В дневнике разбросаны краткие, но довольно впечатляющие зарисовки северных просторов, разнообразные морские пейзажи. Характерно, что почти всегда в них ощущается присутствие человека, следы его созидательной деятельности; автор словно отдает дань неутомимости наших людей, проникающих «на самый край земли» и оживляющих его трудом своих рук.

На Дальнем Востоке, навсегда полюбившемуся ему, нашел Максим самое для себя драгоценное — настоящее дело и настоящих людей, нашел свою светлую даль. Нашел это, надо полагать, и сам автор. По второй его книжке видно, как он все основательнее «вгрызается» в жизнь Севера, как обогащается жизненным и трудовым опытом; заметно крепнет и его творческий почерк. Хотя дневниковые записи не могут еще претендовать на особую глубину и полноту в отображении действительности. Встречается в повести местами и некоторая сентиментальность, наивность во взглядах на жизнь, на людей, на человеческие взаимоотношения. Но есть в ней и располагающие к себе качества — чистосердечная доверительность, душевная деликатность, неизменно доброе внимание к людям.

Заметна у автора и определенная робость, боязнь заговорить в полный голос. Тут хочется пожелать ему больше творческой смелости, дерзания, внутренней раскрепощенности. Первые книги молодого прозаика надо принимать как подступы к главной теме. В творческой лаборатории автора, как принято говорить, вынашиваются, кристаллизуются образы, сюжеты, замыслы новых уже собственно художественных произведений. Такие произведения будут у Александра Прихненко. В человека, идущего непроторенной тропой, ищущего, целеустремленного, можно верить.

О. ЖУРАВИНА.

КОНЕЦ «ЧЕРТОВОЙ ПАСТИ»

«Конец «Чертовой пасты»¹ — так назвал свою повесть бывший военный журналист А. Ляпин. И хотя название повести больше подходит для приключенческого или детективного произведения, речь в ней идет о действительно событии — воинском подвиге в годы Великой Отечественной войны, совершенном сержантом Антоном Баюклы. Коммунист Антон Ефимович Баюклы повторил подвиг Александра Матросова.

Будучи военным корреспондентом газеты «Суворовский натиск», уже годы спустя после окончания Великой Отечественной войны, автор узнал о подвиге сержанта Антона Баюклы. Узнал и о том, что подвиг его, по сути дела, отмечен только в истории части, где служил герой. Редко, но случалось и так.

Начались годы кропотливого сбора и изучения документов, розыски сослуживцев и знакомых Антона Баюклы, ездил автор и на родину героя, беседовал с родными. Собранные им материалы журналист представил в Верховный Совет СССР, и 6 мая 1965 года указом Президиума Верховного Совета Антону Ефимовичу Баюклы посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Повесть А. Ляпина «Конец «Чертовой пасты» издана на самом краю Земли Советской — Камчатским отделением Дальневосточного книжного издательства. Стараясь придерживаться почти документальной точности, знакомя нас со своим героем, автор убедительно показывает, что подвиг Антона Баюклы не случаен — он итог высокого осознания сержантом своего воинского долга, результат убежденности советского патриота, защищающего свою социалистическую Родину. Это проявление идейной зрелости армейского коммуниста.

Автор восстанавливает картину армейской службы Антона Баюклы. Вот он приходит в батальон и назначается командиром расчета тяжелого пулемета. Баюклы хорошо знает службу, его ценят командиры и любят подчиненные. Новый командир расчета быстро находит путь к сердцу каждого из них. А лучший путь к этому — самому быть примерным воином, справедливым начальником, старшим другом и советчиком солдат.

В книге мы видим, как проходила служба Антона Баюклы в мирных условиях. Воинская служба не легка; она требует стойкости и выносливости, мастерского владения оружием и солдатской сноровки, высокой дисциплины. Требуется понимание своего воинского долга каждым воином. Тем более все это необходимо в суровую годину войны. И дается солдату служба тяжелым трудом.

¹А. Ляпин. «Конец «Чертовой пасты». Петропавловск-Камчатский, Камчатское отд. Дальневост. кн. изд., 1975.

Как воспитываются в войне эти качества, автор повести хорошо показал на примере учебного боя батальона, в котором служил Антон Баюклы. Длительный, изнурительный марш через таежные дебри, болота. Впереди условный «противник», но ведь неподалеку и граница, за которой закопался в землю, прикрылся бетоном коварный враг, готовый в любой момент навязать нам уже не учебный, а настоящий бой.

В учебном бою батальон потерпел «поражение». Все усилия солдат и командиров потрачены впустую из-за того, что нашелся среди них человек, который пошел на обман, не выполнил боевой приказ, подвел своих товарищей. Кто нечестен, беспринципен, не выполняет своего долга в мирные дни, тот не надежен в дни войны.

Так и случилось потом с этим персонажем повести.

И логично, что именно коммунист Антон Баюклы, чтобы выручить своих товарищей по оружию и добиться победы, совершает обесмертивший его подвиг. К нему он был подготовлен всей своей жизнью. Героический его поступок логично вытекает из его характера, его идейной убежденности. Болгарин по национальности, Антон Баюклы был подлинным советским патриотом, как миллионы его сограждан, разгромивших немецкий фашизм и японский милитаризм, отстаивавших свободу и независимость своей родины.

Все ли удалось А. Ляпину в его сравнительно небольшой по объему повести? К сожалению, нет. Приходится сказать об этом при всем уважении к благородному труду автора по сбору и разысканию материалов об Антоне Баюклы, по увековечению памяти героя.

Свое произведение А. Ляпин называет повестью, хотя это, конечно, документальная повесть. Впрочем, это не дает никаких скидок. На художественном уровне произведения сказались и недостаточный литературный опыт автора, и его стремление как можно точнее, скрупулезнее следовать собранному им материалу. Автору далеко не во всем удался показ внутреннего мира героя, всей многогранности его дум, чувств, мотивировки поступков и т. п.

Небольшое произведение явно перенаселено действующими лицами, эпизодическими персонажами. Мелькают фамилии, звания, должности людей, которые хотя и имеют какое-то отношение к происходящим в повести событиям, но, появившись, тут же исчезают из поля зрения автора и читателя.

Стараясь показать более широко ход войны против японских милитаристов, автор порою пытается решать задачи, которые явно не входят в рамки произведения. И делает это далеко не лучшим образом. К сожалению, страниц с сухим пересказом событий тех дней в повести много. Да и язык повести часто напоминает торопливо написанные боевые доне-

сения или газетные заметки с места событий. Так, например, читаем: «Видимость в направлении движения отсутствовала...», «То из одного, то из другого дота вдруг вырывались сумасшедшие очереди».

Хотелось бы, чтобы А. Ляпин, собравший исключительно ценный материал о жизни и подвиге героя — Антона Баюклы, с большей требовательностью, без торопливости отнесся к работе над повестью при подготовке ее к переизданию.

М. ЧАПАРОВ.

■ ■ ■

ИМПЕРИЯ

«ТРЕХ БРИЛЛИАНТОВ»

Каждый, кто побывал в Японии, может подтвердить — в любом городе, в любом мало-мальски значительном населенном пункте этой страны, в самых неожиданных местах он видел торговую эмблему: три красных ромба, сходящиеся вершинами в одной точке. Эта эмблема назойливо напоминала о себе в торговых заведениях, на промышленных предприятиях, вдоль автомобильных магистралей, в вокзалах, буквально везде.

Ромбы в эмблеме символизируют бриллианты, три по-японски «мицу», а бриллиант — «биси». Таким образом образовалось слово «Мицубиси», ставшее наименованием крупнейшей и старейшей японской монополии — «дзайбацу», — которая в 1970 году отметила столетие своего существования.

Истории и деятельности этого крупнейшего монополистического объединения современной Японии посвятил свою книжку «Империя «трех бриллиантов»¹ журналист-международник Юрий Бандура.

Юрий Бандура хорошо знает, о чем пишет, он длительное время проработал в Японии. Его книжка это, по сути дела, написанный в острой публицистической форме памфлет. Автор ярко и убедительно рисует историю зарождения империи «трех бриллиантов», роста ее могущества и то огромное значение, которое она имеет не только в экономике этой крупной капиталистической страны, но и в определении основного курса ее внутренней и внешней политики.

Автор книги показывает, как с первых дней зарождения «Мицубиси» ее основатели — семейство Ивасаки — в качестве программы деятельности этой монополии провозгласили «сэки хоко». Четыре иероглифа, составляющие эти слова вершители «Мицубиси» толковали, как «служить государству». Нынешние рекламные спецы толкуют «сэки хоко» более пространно и

¹ Ю. Бандура. Империя «трех бриллиантов». М., Политиздат, 1976.

обтекаемо: «содействовать развитию общественного благосостояния через деловые операции компании».

Убедительно, на основе фактов из истории империи «трех бриллиантов», ее послевоенной и современной деятельности автор книги показывает, что «Мицубиси» — типичная для любого капиталистического государства монополистическая «империя», а не чисто японское явление «За разглазольствованиями о «служении государству», — пишет он, — не скрывается ничего, кроме железобетонной уверенности: все, что хорошо для государства, — хорошо и для «Мицубиси». Потому что государство — это они и есть, хозяева империи «трех бриллиантов», семья Ивасаки и ее ближайшие верноподданные».

Основатель империи Ятара Ивасаки был вассалом хозяев княжества Тоса на острове Сикоку. Когда был свергнут феодальный род Токугава, правительство Мейдзи расчистило путь для развития капитализма. Поскольку князьям было запрещено заниматься предпринимательством, владельцы княжества, игравшие большую роль в правительстве, помогли своему слуге основать торговую компанию, а позже правительство, фактически бесплатно, вручило Ятаро Ивасаки два новых парохода.

Владельцы «Мицубиси» всегда имели отнюдь не бескорыстных покровителей в правительстве. Конечно, «Мицубиси» была не одинока. За покровительство, за правительственные подачки шла борьба не на жизнь, а на смерть. Конкуренты безжалостно хватили друг друга за горло. Хозяева «Мицубиси» оказались более ловкими, пронырливыми, и прошло не так уж много лет, как они владели не только кораблями, но и шахтами, судоверфями, рудниками, железными дорогами, кредитными и торговыми предприятиями. Уже к концу второй мировой войны «Мицубиси» оказалась на втором месте среди прочих монополий — «дзайбацу» — Японии.

Как и для всех монополий — истинных хозяев капиталистических стран — война, принесяшая неисчислимые бедствия народам, в том числе и японскому народу, еще более увеличила капиталы «Мицубиси». «Патриотические» призывы заправил этой монополии были только ширмой, прикрывавшей ее корыстные интересы. Например, еще до войны «Мицубиси» завязала тесные связи с американскими компаниями «Вестенгауз» и «Ассоиэйтед ойл». Война прервала непосредственные связи, но все годы войны «Мицубиси» переводила своим американским партнерам на секретные счета причитающуюся им долю прибыли. Вот вам и «служение государству».

Точно также «Мицубиси» нажилась на войне в Корее, на разбое американских империалистов против народа Вьетнама. Поэтому же в настоящее время «Мицубиси» выступает ярким поборником перевооружения Японии, оснащения японской

армии новейшим вооружением отечественного производства. Да и как хозяевам «империи» не ратовать за это, если из каждых десяти иен. затрачиваемых на вооружение, четыре иены идут в карман «Мицубиси». Она захватила сорок процентов — всех военных поставок Японии. Она поставляет сверхзвуковые самолеты, танки, ракеты и боевые корабли, броневики и радиоэлектронное оборудование, — все, на чем можно пожить.

Империя «трех бриллиантов» расширила сферу своей деятельности далеко за пределы японских островов. Она фактически стала международной монополией, вошла в число наиболее агрессивных эксплуататоров, грабящих естественные ресурсы слаборазвитых стран. Достаточно сказать, что на деньги «Мицубиси» создано свыше ста различных компаний более чем в тридцати странах мира. А сколько компаний создано совместно с монополиями других стран. Компаний, которые непонятно кому принадлежат. То ли американскому, то ли английскому, то ли японскому капиталу.

А ведь после поражения Японии в 1945 году американское командование во главе с Макартуром пыталось осуществить так называемый «план демократизации экономики». Согласно этому плану должны были быть разукрупнены или ликвидированы японские «дзайбацу», в том числе и империя «трех бриллиантов». Даже слово «Мицубиси» было запрещено в фирменных наименованиях. Конечно, американцы стремились не только ликвидировать оплот милитаризма в Японии, но и устранить конкурентов американских монополий.

Юрий Бандура подробно описывает всю эту историю, объясняя, почему план «демократизации» потерпел полный провал и мощь «Мицубиси» не пострадала, а вскоре и сам «план» был предан забвению.

По подсчетам японских экономистов, на империю «трех бриллиантов» работает миллион японских тружеников. Миллион! Исходя из того, что средняя японская семья состоит из четырех человек в число подданных «империи» попадает четыре миллиона человек. И правители «империи» строго следят за подданными, добиваясь беспрекословного подчинения.

Правители «Мицубиси» сумели ослабить и ликвидировать подлинный профсоюз рабочих, создав взамен его «карманные» профсоюзы, во главе которых стоят ставленники хозяев. На многих предприятиях рабочие обязаны сами контролировать качество продукции, и свирепо штрафуются в случае пропуска брака.

В гораздо более тяжелом положении находятся временные и поденные рабочие и труженики мелких и средних предприятий, выполняющих субподрядные работы для «Мицубиси». У последних рабочий день дольше, зарплата ниже, оборудование хуже и нет никаких профсоюзов.

Более того, империя «трех бриллиантов» создала контроль за работающими на нее и вне их сферы производственной дея-

тельности. Горе тому, кто будет покупать продукты или предметы домашнего обихода производства других монополий. Дело уже дошло до того, что совет президентов «Мицубиси» решил, что «жителям империи» незачем вступать в браки с Подданными других финансово-монополистических «империй». Для этого создан специальный «семейный клуб», оснащенный электронно-вычислительными машинами, в память которых занесены все потенциальные женихи и невесты. Из подданных «империи». И ЭВМ предлагает кандидатов, желающих вступить в брак. На этом владельцы «Мицубиси» предполагают заработать около восьми миллиардов иен, так как по предварительным расчетам в год будет заключаться сто тысяч браков. Ведь каждый из вступающих в брак обязан внести вступительные и «благодарственные» взносы: плату за обряд бракосочетания, за все нужное для свадебной церемонии и необходимое для начала семейной жизни. Таким «счастливым парам» не выбраться из тенет «Мицубиси» до конца своих дней, а следовательно обеспечено и их верноподданничество.

На многочисленных фактах Юрий Бан дура показывает, что монополия «Мицубиси» имеет своих ставленников, «представителей» во всех высших звеньях государственного аппарата. «Так оно и идет, — делает вывод автор, — государство служит «Мицубиси», а «Мицубиси» служит государству. И служат они друг другу весьма ревностно. Да иначе и не может быть. Ведь государство — это она, «Мицубиси», и есть».

Юрий Бандура написал очень полезную книгу для тех, кто желает подробнее познать механику взаимодействия между капиталом и властью в современном капиталистическом государстве.

В. ЕФИМЕНКО.

■ ■ ■

АКТУАЛЬНАЯ МОНОГРАФИЯ

«Среди узловых хозяйственных проблем, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — все большее значение приобретает развитие внешнеэкономических связей». Важность теоретического обоснования связанных с этим вопросов не вызывает сомнения. Монография¹ В. И. Степанова посвящена наименее разработанной в теоретическом отношении части этой проблемы — международному разделению труда и развивающимся на этой основе экономическим отношениям между социалистическими и капиталистическими странами.

¹ В. И. Степанов. Экономические отношения Восток—Запад: проблемы. (Очерк теории). Хабаровск, Кн. изд., 1974.

Опираясь на марксистско-ленинское теоретическое наследие, автор методологически верно подошел к вопросу о месте международного разделения труда в способе производства. Анализируя различные точки зрения экономистов-марксистов, высказанные в ходе многолетней дискуссии по поводу понятия разделения труда, автор приходит к выводу, что современное международное разделение труда следует рассматривать как процесс, имеющий вещественную и социальную стороны. «Международное разделение труда как социально-экономическая категория может быть правильно понята лишь как единство материальной и общественной стороны процесса, как категория, неразрывно связанная с производительными силами и производственными отношениями» (с. 28). Такой подход позволяет четко проследить различие между социалистическим и капиталистическим международным разделением труда.

Значительный интерес представляет попытка решения автором слабо разработанной проблемы всемирного разделения труда в современном переходном от капитализма к социализму всемирном хозяйстве, а также исследование системной связи между такими экономическими категориями, как международное разделение труда, интернационализация хозяйственной жизни, мировая система хозяйства, экономическая международная интеграция.

Автор считает, что «Наиболее общим процессом в современных международных экономических отношениях является интернационализация хозяйственной жизни» (с. 30), которая в современных условиях выступает как общий экономический закон общественного производства. При том, подобно другим общим законам, действие закона интернационализации хозяйственной жизни проявляется по-особому как внутри каждой из мировых систем хозяйства, так и в отношениях между ними. Хотелось бы только, чтобы автор более обстоятельно остановился на характеристике тех связей, которые выражает данный закон.

Процесс интернационализации хозяйственной жизни автор рассматривает как единство интернационализации производительных сил и интернационализации специфических производственных отношений. При этом особую трудность представляет анализ процесса интернационализации производственных отношений в современном мире. Автор монографии предлагает все экономические отношения современного всемирного хозяйства рассматривать как систему взаимоотношений первичных (национальных), вторичных (внутри каждой из мировых систем хозяйств), третичных и даже четвертичных (между странами с различным социально-экономическим строем).

Международные экономические отношения рассматриваются в монографии как «перенесенные» вовне первичные отношения, которые не являются простой копией

последних. «Перенесенные вовне первичные отношения модифицируются, взаимно адаптируются и обогащаются, образуя новый уровень (сферу) производственных отношений каждого из способов производства, действующих в международном масштабе» (с. 42). Это «перенесение» первичных отношений вовне и составляет, по мнению автора, содержание процесса интернационализации специфических производственных отношений, исторической формой проявления которых являются различные системы мирового хозяйства.

Внимание читателей привлечет раздел монографии, где автор предпринимает плодотворную попытку рассмотреть сущность и содержание таких экономических категорий, как «всемирное разделение труда» и «всемирное хозяйство». В отличие от экономистов, которые считают, что в настоящее время нет достаточных оснований говорить о существовании всемирного хозяйства, автор монографии исходит из того, что всемирное хозяйство — категория историческая, развивающаяся. Оно сформировалось в период империализма на базе капиталистических экономических отношений, а в наши дни «...представляет собой противоречивое единство двух мировых хозяйственных секторов — капиталистического и социалистического...» (с. 118), и по своему содержанию — это переходное хозяйство эпохи перехода от капитализма к социализму со всеми вытекающими отсюда особенностями. «Отношения между странами, представляющими две различные мировые системы хозяйства, отражают исторически переходное состояние всемирного хозяйства... к единому социалистическому (коммунистическому) всемирному хозяйству, к единому всемирному социалистическому кооперативу» (с. 139—140).

Раскрывая процессы, характеризующие интернационализацию хозяйственной жизни, мировое социалистическое и капиталистическое хозяйство, автор методологически правильно подходит к соотношению этих явлений и интеграционных процессов, протекающих в различных социальных системах. В монографии раскрываются принципиальные отличия социалистической и капиталистической экономической интеграции: по целям, движущим силам, характеру и социально-экономическим последствиям, дается критика буржуазных и реформистских теорий «всемирной интеграции» и «конвергенции двух систем» в таком аспекте, который недостаточно разработан нашей наукой — в плане международных экономических отношений.

Рассматривая необходимость и возможность развития нормальных экономических отношений между Востоком и Западом, автор дает критику теоретических постулатов противников развития этих отношений и в то же время анализирует действительные трудности, тормозящие или препятствующие развитию экономических отношений. В работе ставится вопрос о необходимости в современных условиях реализации

ленинской идеи разработки «безупречной программы» реорганизации всемирного хозяйства на «рациональных экономических основах» (см.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 42, с. 70, 72, 113) в виде подготовки социалистическими странами программы развития производительных сил мира и всемирного разделения труда.

В целом содержательная монография В. И. Степанова, написанная полемически, на хорошем теоретическом уровне имеет и недостатки. Прежде всего не совсем удачно, на наш взгляд, название монографии, которое акцентирует внимание читателя на проблеме взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами и тем самым сужает содержание работы. В действительности в ней рассматриваются в большей мере теоретические основы всемирного хозяйства в целом.

В работе затрагивается широкий круг проблем, рассматривается множество экономических категорий, и, очевидно, в связи с этим некоторые из них раскрываются неполно. Ряд положений, которые рассматривает автор, могли быть без ущерба для содержания удалены из данной монографии, тогда как другие, которые в монографии едва намечены, неплохо было бы раскрыть глубже. Например, автору следовало бы, на наш взгляд, в большей мере проанализировать социальную природу и границу применения таких явлений как создание смешанных (с участием частного капитала) предприятий, которые имеют место в Югославии, Румынии, Венгрии. Можно было бы в целях облегчения работы над монографией массового читателя выделить параграфы в главах книги и т. д.

Однако недостатки эти не снижают научной и пропагандистской ценности книги. Содержание монографии вызовет интерес не только у специалистов, занимающихся данными проблемами.

П. ТАТАРНИКОВ,
кандидат экономических наук.

ЛИНИЯ ОПАСНОСТИ

В издательстве «Современник» вышла новая книга Ольги Гуссаковской «Незабудки на скалах»¹. В аннотации к ней говорится: «В сборник костромской писательницы включены повести «Линия опасности», «Незабудки на скалах» и рассказы...» Все правильно, и все-таки мы привыкли считать Ольгу Николаевну Гуссаковскую дальневосточницей, магаданской писательницей. Сюда она приехала выпускницей педагогического института еще в 1955 году. На следующий год в альманахе «На Севере Дальнем» опубликовала свой

¹ О. Гуссаковская. Незабудки на скалах. Повести и рассказы. М., «Современник», 1976.

первый рассказ. Через несколько лет в Магадане вышла ее первая книга для детей «Дорогой приключений». Здесь была написана и увидела свет книга, принесшая известность молодой писательнице, «Ищу страну Синегорию», потом повесть «О чем разговаривают рыбы», роман «Перевал Подумай» и другие произведения.

Вот уже несколько лет писательница живет на своей родине в Костроме, и все-таки, как часто бывает, верна Северу, занявшему так много места в ее жизни и литературной судьбе. И обе повести, вошедшие в новую книгу, тоже о Севере и северянах. И хотя писались они не в Магадане, а в древнем городе на берегу Волги, перед писательницей вновь вставали заснеженные колымские трассы, соединяющие редкие рудники и поселки, чайки над Охотским побережьем, редколесье лиственниц и люди этой, обделенной природными благами, земли, — все, что увидела и почувствовала Ольга Гуссаковская, работая учительницей, журналистом, редактором местного издательства.

На мой взгляд, как и в прошлых своих произведениях, и в этих двух повестях О. Гуссаковская ищет ответ на вопрос, кто же такие нынешние колымчане, кого принимает Север. Ее интересуют не случайные люди, прибывшие сюда на промысловый или какой-то другой сезон, а те, кто прижился и обосновался здесь с завидной прочностью. Романтики? Любители экзотики? Люди, отжавшиеся поработать здесь несколько лет и собрать деньги на машину или на дачу во фруктовых широтах? Обиженные чем-то или кем-то в других местах?

Однозначного ответа на этот вопрос, пожалуй, нет.

Вот шахтер, бригадир Алексей Куренцов, парень с Псковщины. Когда-то в детстве он повстречал у своего села ребят шахтеров, прикативших на собственной «Волге». Поразили они псковского паренька и машиной, и палаткой, и даже тем, что варили еду не на костре, а на сухом спирте. С тех самых пор задумал Лешка стать шахтером. После армии он попал на Донбасс, а потом оказался на Севере в Эликчанской шахте, где не только высокие шахтерские заработки, но и северные надбавки. «Только, — пишет автор, — никакой машины Лешка себе не купил. И покупать не собирался. Дом старикам своим выстроил новый — это да. Приданое справил двум сестренкам — тоже было. А у самого деньги текли меж пальцев легко... А вот славы и почета Лешка хотел. Также не из мизерных расчетов с жизнью, а по самому глубокому свойству буйной своей натуры».

Более двадцати лет живет в том же шахтерском Эликчане Полина Егоровна, председатель поселкового Совета. На фронте она была медицинской сестрой. Там и познакомилась с везучим молодцеватым лейтенантом Павлом. Любила и не верила в него: «Больно уж многим нравился», —

и укатила от своей любви на Колыму. А Павел примчался за ней. Так и живут здесь и они. И Алексей Куренцов и другие люди из повести «Линия опасности».

А вот Таня (повесть «Незабудки на скалах») прилетела на Север в поисках той самой высокой романтики. Потому что жизнь в родительской семье, как в теплице, оказалась в конце концов немотогу. «Ей не разрешили гладить котят и шенят. Даже клубника гасла под струей кипятка, прежде чем попасть ей в руки».

Есть в обеих повестях люди, оказавшиеся на Севере и по многим другим причинам, в том числе и по чисто корыстным. И это естественно. И все-таки, кто же из них приживается, кто начинает считать эту землю своей?

Неожиданный ответ на этот вопрос дает секретарь обкома комсомола в разговоре с Таней. «Ты думаешь, сегодняшняя Колыма по-прежнему испытывает человека морозами да палаточным бытом?.. Нет, гораздо важнее знать, выдержит ли человек поселковое житье и, может быть, не самую интересную в жизни работу для начала».

В этом ответе есть определенная правда, и на какой-то период Таниной небогатой биографии он верен. Но жизнь всех других героев, и тех, с кем мы познакомимся в повести «Линия опасности» и в повести «Незабудки на скалах», говорит о том, что здесь на колымском Севере они нашли себя в работе, в Деле с большой буквы, в общении с людьми. И это, наверное, главное.

Таков начальник участка горно-капитальных работ Дроздов, секретарь комитета комсомола неутомонный Федя Глинский, дети знатного шахтера Дмитрия Николаевича Волошина, погибшего, предотвращая взрыв, Николай и Галя и многие другие.

Из прошлых книг Ольги Гуссаковской читатели, следящие за ее творчеством, наверное, заметили, что она любит писать женские образы. И в новой книге они, если не подавляют «сильный пол», то, по крайней мере, больше заставляют сопереживать читателя.

Так сюжетная канва повести «Линия опасности» связана с горняцкими делами, с шахтой Эликчанская-бис, где Алексей Куренцов со своей бригадой, вопреки осторожности опытного начальника участка Дроздова, ставит рекорд на проходке очень нужного шахте штрека, рекорд, который чуть не привел к трагическим последствиям. В этом ведущем конфликте «задействованы» многие персонажи повести, и все-таки центральной фигурой, тела этого или нет автор, стала председатель Эликчанского поселкового Совета Полина Егоровна. Стала не столько по долгу своей, в общем-то, скромной должности, а по складу характера, любви к людям, доброты, за которую в один из серьезных моментов жизни поселка ее даже упрекают очень уважаемые ею люди.

И еще потому, что ей до всего было дело. «Люди так привыкли к тому, что «Егоровна все может», что звали ее всюду — по делу и без дела», — пишет Ольга Гуссаковская.

Не случайно Егоровна принимает материнское участие в судьбе, отдававшей «горькой ягоды» Анжелики Басовой, в делах бригады Алексея Куренцова, в комсомольских начинаниях Феди Глинского. Сколько людей устроено, обогрето ею за почти двадцать лет председательской службы народу. Спихватится в какую-то минуту Полина Егоровна, вспомнит, что за делами и хлопотами не успела приготовить мужу обед, и опять он, не увидев ее, уйдет в шахту. Кинется домой, а тут остановят ее женщины по квартирным или другим делам, и, как бывало уже много раз, не застанет она Павла дома.

Фоном повести «Незабудки на скалах», ее стержнем является строительство Синегорской ГЭС. Строительство по совершенно новым инженерным принципам. Начальник этой стройки Суханов колоритная фигура, чем-то отдаленно напоминающая «Будду» из «Территории» Олега Куваева. Здесь выведены интересные образы водителя Николая, начальника старательской артели Приходько и других людей. О строительстве, о его принципах идут горячие споры. Но повесть написана не о новой стройке, а о судьбе Тани — девушки, стремящейся самоутвердиться, проверить себя в трудных делах. Это ей говорил секре-

тарь обкома комсомола о том, что современная Колыма испытывает человека не морозами и палаточным бытом, а поселковым житьем и не самой интересной работой для начала. Тот разговор с Таней он закончил следующими словами: «Ты выдержала, значит, тебе можно доверить и что-то более трудное...»

Рецензию эту мы назвали по заголовку первой повести — «Линия опасности». Пожалуй, это объединяющая всю книгу тема. Многие герои сборника О. Гуссаковской в какие-то дни своей жизни подходили к этой линии. И Лешка Куренцов, и Таня, и начальник строительства Суханов, и Лика (Анжелика), и Полина Егоровна, и Шустрик из рассказов о Саныче. Но, как и должно быть в нашем социалистическом общезнании, всегда в трудную минуту человеку, стоящему у «линии опасности», кто-то протягивал руку.

Заканчивается книга О. Гуссаковской циклом рассказов о Саныче, маляре из волжского города. Он тоже, как и Полина Егоровна, человек, которому до всего есть дело. И хотя действие рассказов разворачивается далеко от Севера, они не кажутся инородным телом в книге, а продолжают тему утверждения человека, тему «линии опасности». Поэтому и закрываешь книгу с хорошим чувством веры в людей, и тех, которых нарисовала нам писательница, и тех, с которыми мы живем рядом.

Н. НАВОЛОЧКИН.

Книги центральных издательств

о Дальнем Востоке

Л. Беляева. БЕССОННИЦА. Роман. М., «Сов. писатель», 1976. 294 с. Тираж 30 000 экз. Цена 42 коп.

Лилия Беляева долгое время жила на Сахалине, автор нескольких книг, очерков, рассказов и повестей.

Роман «Бессонница» посвящен сложной драматической истории молодой женщины, которая под влиянием чрезвычайных происшествий пересматривает свою судьбу. Напряженный сюжет, тонкий психологический анализ позволяют поставить в небольшой по объему книге многие волнующие проблемы.

С. Марков. ТАМО-РУС МАКЛАЙ. Повести. М., «Сов. писатель», 1975. 208 с. Тираж 100 000 экз. Цена 33 коп.

В новую книгу прозаика и поэта Сергея Николаевича Маркова входят повести, посвященные русским путешественникам, открывателям новых земель.

Герой одной из них «Подвиг Семена Дежнева» — отважный русский землепроходец и мореход XVII века, открывший пролив между Азией и Северной Америкой.

Вторая повесть, давшая название книге, посвящена этнографу, антропологу, исследователю народов Океании Николаю Миклухо-Маклаю.

Я. Мустафин. ЯНКАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ. М., Профиздат, 1975, 88 с. («Слава героям труда»). Тираж 50 000 экз. Цена 13 коп.

Автор очерка рассказывает о славных делах строителей Байкало-Амурской магистрали на ее труднейшем участке — строительстве моста через реку Тынду. В сложных условиях суровой природы, преодолевая климатические и организационные трудности, утверждают они себя как высокообразовательные, верные бойцы партии и комсомола.

А. Нежный. БЕРЕГ РАННЕГО СОЛНЦА. М., «Мол. гвардия». 1976. 176 с. (Бригантина). Тираж 65 000 экз. Цена 31 коп.

«Берег раннего солнца» — очерки о Дальнем Востоке, история освоения его земель, природе, народнохозяйственном значении края, о людях, которые самоотверженно трудятся здесь — плавят металл, ловят в океане рыбу, ремонтируют корабли, ведут разведку нефти, сооружают гидростанции.

Трасса Байкало-Амурской магистрали, Командорские острова, Камчатка и Сахалин, Владивосток и чукотское село Лорин, Охотск и озеро Ханка — такова география очерков.

П. Нефедов. ВЕРШИНЫ. Поэмы. М., «Современник», 1975. 85 с. (Новинки «Современника»). Тираж 10 000 экз. Цена 22 коп.

В новую книгу Петра Нефедова вошли три поэмы: «Колыма» и «Подвиг», повествующие об освоении природных богатств Севера в годы первой пятилетки, и «В поисках истины», ставящая морально-этические проблемы. Судьбы героев Нефедова неразрывно связаны с судьбой народа, страны. Нелегкие жизненные пути отмечены и утратами, и радостью свершений главного, определяющего ценность человека как личности. Герои поэта, пройдя через горнило испытаний, находят свое место в жизни, в общем созидательном труде народа.

А. Плетнев. ДИВНОЕ ДЕЛО. Повести и рассказы. М., «Мол. гвардия», 1976. 224 с. (Мол. писатели). Тираж 75 000 экз. Цена 34 коп.

«Шахтер по профессии, с талантом, любовью и художественным мастерством пишущий о людях труда», — так сказал об А. Плетневе первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков. Герои книги приморского прозаика — сельские труженики и шахтеры, их объединяет бескорыстная любовь к своему нелегкому, но благородному «дивному делу». События, о которых рассказано в повести и рассказах, охватывают период от предвоенных лет до наших дней.

А. Плетнев наблюдательный художник. Он точен в деталях, ясно, просто доносит до читателя то, что взволновало его, книга во многом биографична.

Г. Порогов. ПЕСНИ СТРАНЫ УЙКО-АЛЬ. Песни. Стихи. Поэмы. М., «Современник», 1975. 112 с. Тираж 10 000 экз. Цена 49 коп.

Дарить песню — обычай народностей Камчатки. Ительменский поэт Георгий Порогов собрал волшебные сокровища — песни, сказания, легенды своего народа, — от имени древних сказителей и певцов подарил их внукам и правнукам, всем людям.

Он создал на их основе повесть в стихах «Ое», поэму «Эльвель», песни древней страны Уйкоаль. Книга прославляет здоровый дух народа, его сметку, ум. Через судьбы своих героев поэт раскрывает эволюцию в жизни коряков и ительменов за годы Советской власти.

Ю. Рытхэу. ГОЛУБЫЕ ПЕСЦЫ. Роман и повесть. М., «Сов. Россия», 1976. 320 с. Тираж 50 000 экз. Цена 63 коп.

В книгу известного в нашей стране и за рубежом чукотского писателя Юрия Рытхэу вошли роман «Айвангу» и повесть «Голубые песцы». Произведения эти посвящены трудовым людям Чукотки, охотникам, звероведам, морякам. Осмысление переворота в материальной и духовной жизни чукотского народа, происшедшего после Октябрьской революции, — такова задача, которую ставил и успешно разрешил автор.

В. Санги ЖЕНИТЬБА КЕВОНГОВ. Роман. М., «Сов. писатель», 1975. 192 с. Тираж 30 000 экз. Цена 29 коп.

Новый роман нивхского прозаика и поэта «Женитьба Кевонгов» посвящен дореволюционной жизни нивхов — одной из народностей Дальнего Востока.

В центре романа — судьба Кевонгов, стойко и мужественно преодолевающих все невзгоды, отстаивающих свое человеческое достоинство и право на место под солнцем.

А. Ткаченко. И СЕВЕР И ЮГ. М., «Сов. писатель», 1976. 384 с. Тираж 30 000 экз. Цена 75 коп.

Повесть «Гридцать непрожитых лет» и рассказы вошли в новую книгу известного советского прозаика. Писатель верен своей теме. Он пишет о людях, обживающих отдаленные уголки нашей страны с хозяйской заботой, с думой о будущем земли.

Р. Фраерман. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ М., «Дет. лит.», 1976. 399 с. Тираж 100 000 экз. Цена 96 коп.

Рувим Исаевич Фраерман долго жил на Дальнем Востоке, в рядах красных партизан сражался с японскими интервентами. Это дало богатый материал для его произведений. В книгу включены известные произведения Фраермана «Валька — гилля» и «Золотой Василек» — повести о Дальнем Востоке в годы гражданской войны и становления Советской власти. В книгу входят также лучшие рассказы писателя и очерки «Готовы ли вы к жизни?» — своеобразный публицистический разговор с молодым читателем, одно из последних произведений Р. И. Фраермана.

Г. Ходжер. АМУР ШИРОКИЙ. Кн. 2. Белая тишина. М., «Сов. Россия», 1976. 544 с. (Гос. премия РСФСР имени М. Горького). Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 31 к.

Роман «Белая тишина» — вторая книга трилогии о нанайском народе. Первая книга — «Конец большого дома». В романе колоритно изображена жизнь небольшого по численности, но самобытнейшего по характеру нанайского народа.

Ч. Таксами. ОТ ТАЕЖНЫХ ТРОП ДО НЕВЫ. Л., Лениздат, 1976. 160 с. Тираж 5000 экз. Цена 37 коп.

Автор этой книги нивх Чунер Михайлович Таксами прошел многие «таежные тропы», прежде чем оказаться на берегах Невы, где окончил он исторический факультет Ленинградского университета, защитил кандидатскую диссертацию, написал несколько научных книг и статей. В своей книге он освещает один из важнейших вопросов социалистического строительства среди малых народов Севера — создание собственной национальной интеллигенции, развитие социалистической культуры в северных районах страны. О первых студентах-северянах и их учителях, об ученых, поэтах, писателях и художниках Севера рассказывается в этой книге. В ней использованы архивные документы, литературные источники, рассказы очевидцев.

В. Багров., Н. Сунгоркин. КРАСНОЗНАМЕННАЯ АМУРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ. Изд. 2-е испр. и доп. М., Воениздат, 1976. 198 с. Тираж 25 000 экз. Цена 48 коп.

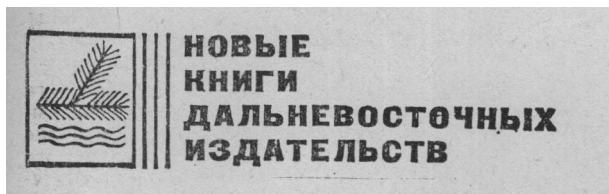
История Краснознаменной Амурской флотилии тесно связана с замечательными открытиями отважных русских землепроходцев, трудные походы и плавания которых завершились основанием на Амуре новых поселений — первых форпостов нашей Родины на Дальнем Востоке.

Вместе с моряками Балтики, Черного моря и Тихого океана военные моряки Амура были в первых рядах революционного движения в России, в борьбе за свержение царизма и установление Советской власти в Приамурье. Велика их роль в разгроме империалистической Японии в 1945 году.

Г. Щедрин. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ БОИ. М., Воениздат, 1975. 132 с. (Героическое прошлое нашей Родины). Тираж 50 000 экз. Цена 16 коп.

Очерк посвящен героической обороне Петропавловска-Камчатского в 1854 году. Победа доблестных защитников города над превосходящими силами англо-французской эскадры яркой страницей вошла в летопись борьбы русского народа с иноземными захватчиками. В масштабе Крымской войны блестящая победа Петропавловского гарнизона была лишь эпизодом, но эпизодом, который стал, по словам академика Е. Тарле, «лучом солнца... прорвавшимся сквозь мрачные тучи».

А. МАСЛОВА.

**ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

В. Анциферов. ЗОНА ТАЙФУНОВ. Хроника тихоокеанского рейса комсомольско-молодежного экипажа траулера «Тигиль» Отв. ред. и сост. Н. К. Кирюхин. Худ. Ю. Л. Семенов. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 224 с. («Адрес подвига — Дальний Во-сток»). Тираж 15 000 экз. Цена 64 коп.

Документальная книга «Зона тайфунов» Вениамина Анциферова выходит в молодежной серии «Адрес подвига — Дальний Восток». Составители так представляют этот сборник: «События я люди, о которых рассказывает эта книга, не выдуманы. Хроника повествует о рыбацких буднях комсомольско-молодежного экипажа траулера «Тигиль» в Тихом океане. Она вводит вас в вечно беспокойную, напряженную жизнь со многими ее радостями, огорчениями, проблемами, жизнью, где день за днем раскрываются неотъемлемые качества советской молодежи — трудовая самоотверженность, благородное чувство товарищества, упорство в достижении цели, творческое отношение к делу...»

М. Асламов. ЗЕМНАЯ ОСЬ. Стихи. Хабаровск, Кн. изд., 1976, 126 с. Тираж 10 000 экз. Цена 33 коп.

В новую книжку дальневосточного поэта Михаила Асламова вошли произведения последних лет, среди них — большой цикл стихотворений, посвященный строителям Зейской ГЭС. Через весь сборник проходит образ нашего современника, первопроходца, строителя, заботливого хозяина своей страны, воплощающего в делах лучшие замыслы народа.

А. Демченко. ПЕРВАННЫЙ ВЗЛЕТ. Повести. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 432 с. Тираж 50 000 экз. Цена 82 коп.

По новой повести «Перванный взлет» назван сборник повестей Александра Демченко, где печатаются и уже известные его повести «Серебряные крылья» и «Стелы разламывают небо». Автор — летчик по профессии — рассказывает о службе летчиков, о тех, кто испытывает новые

машины, и о тех, кто стережет наше мирное небо. Повести рассчитаны на широкий круг читателей, но главным образом на молодежь.

ЗВЕЗДЫ НАД ХИНГАНОМ. К 30-летию комбината «Хинганолово». Предисл. В. С. Приходько. Автор очерка и лит. записей Г. А. Иванов. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 192 с. с ил. (История заводов и фабрик Дальнего Востока). Тираж 2000 экз. Цена 41 коп.

«Звезды над Хинганом» выходит в серии «История заводов и фабрик Дальнего Востока» и посвящена трудовому коллективу первого в Приамурье оловорудного промышленного предприятия — комбината «Хинганолово», тридцатилетие со дня основания которого недавно исполнилось. В создании книги приняли участие те, кому довелось закладывать сруб первого дома будущего поселка горняков-оловодобывчиков, кто, победив в Великой Отечественной войне, возводил первенец отрасли на Дальнем Востоке, и те, кто достойно продолжает славные трудовые традиции старшего поколения горняков.

Г. И. Сухомиров ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 256 с. с ил. Тираж 15 000 экз. Цена 57 коп.

Двадцать лет отдал Г. И. Сухомиров, экономист-охотовед, изучению охотничьего хозяйства Дальнего Востока, его ресурсов, а также многих актуальных проблем, связанных с охраной природы. Книга — результат его долгой работы, наблюдений, поисков и открытий, связанных с жизнью тайги, ее обитателей, с трудом охотников и охотничье-промысловых коллективов. В ней рассматриваются история организации охотничьего хозяйства Приамурья и Приморья, его современное состояние и перспективы развития. Автор ставит ряд проблем, представляющих большой научный и народнохозяйственный интерес. Издание предназначено как для охотников и краеведов, так и для широкого круга читателей.

А. ЕВГРАФОВ

А. И. Кулибин — горный инженер и поэт

До нас дошли стихи горного инженера Александра Ивановича Кулибина, написанные им в Нерчинском заводе. Да это и не удивительно. В Забайкалье в то время не издавалось даже газеты. Как сообщал его друг и поэт Алексей Таскин, Кулибин писал стихи, но не печатал их, а читал в кругу друзей. «Он никому не передавал копий с них, а только читал их в кружке товарищей».

Александр Кулибин родился в 1799 году, в семье знаменитого механика XVIII века Ивана Петровича Кулибина, жившего в то время в Петербурге. Мать его Авдотья Васильевна Щербакова была второй женой Ивана Петровича.

В декабре этого же года отец писал о нем своей дочери:

«Вы, Елизавета Ивановна, желали знать о нашем попугае, или Александре, который начал было ходить да получил косыми поклонами оп пол побатухи две-три в голову, то и поробел до время».

В конце 1801 года И. П. Кулибин переехал из Петербурга в Нижний Новгород. Здесь скончалась его вторая жена Авдотья Васильевна, мать Александра. Младшие сыновья остались в Петербурге на попечение старшего. В одном из писем к нему И. П. Кулибин писал:

«Семен Иванович, люби и наставляй на добрые дела своих малолетних братьев, не так как другой матери, а так как единокровных, чем мне сделаешь в печали немалое утешение». Александр воспитывался под руководством брата, иногда выезжая к отцу в Нижний Новгород. Иван Петрович Кулибин писал сыновьям назидательные письма, призывая их быть послушными воле отца и его наставлениям.

В 1814 году Александр Кулибин поступает учиться в Горный кадетский корпус, считавшийся в то время одним из лучших привилегированных учебных заведений. Во время учебы Кулибин тесно сближается с Николаем Михайловичем Языковым, будущим поэтом. Они становятся неразлучными друзьями. Языков

учился в институте Корпуса инженеров путей сообщения, откуда, однако, был исключен за непосещение занятий. Кулибина и Языкова сближала страстная любовь обоих к поэзии, тот и другой были желанными гостями и вдохновителями Вольного общества Российской словесности.

Н. М. Языков почитал Александра как талантливого поэта. Читая Кулибину свои стихи, он прислушивался к критике друга и поражался его талантливости, трезвости суждений:

Когда я увлечен мечтой,
Почувствовал огонь поэзии сердечной,
Тебе вверять восторги приходил.
О, сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нелестивый!..

Сам же Александр Кулибин считал, что он не рожден «сердца людей гармонией прельщать», так как ему «не дан дар чудесный». Он готовил себя к другому. Нужно стать хорошим специалистом, чтобы работать там, где

...исполни Рефей!¹
Опершись огромною стеною
На длинный ряд бесчисленных степей
Средь облаков скрывается главою!
Где жизни нет, где все наводит страх,
Как будто бы сам ангел истребитель,
Поставил трон на вековых снегах
И основал во льдах свою обитель!..

Отец Александра не был склонен к тому, чтобы сын его напрасно тратил время в писании стихов и выступлениях в разных ассамблеях. Однажды, когда Александр принял участие в спектакле, о чем он сообщил брату Петру, готовившемуся поступить в тот же Горный кадетский корпус, отец резко отчитал сына за то, что он «дерзнул показать мысли». После этого Иван Петрович вскоре написал сыновьям-

¹ Рефей — Уральский хребет.

ям свои размышления», точнее, наставления на все случаи жизни.

В письме от 12 марта 1816 года Александр отвечал родителю:

«Прошу у вас прощения, Любезнейший Батюшка, за мое письмо брату Петиньке. В одном единственно я хотел показать мысли здешних Петербургских обществ... Но в иных случаях необходимость принуждает человека даже против воли. Есть ли бы я не согласился играть на корпусном театре, я бы мог тем на себя навлечьи гнев начальства.

Присланное вами размышление я читал и списал оное для себя. Я всегда считал и буду почитать для себя первым долгом следовать вашим наставлениям.

Покорнейший ваш сын Александр Кулибин».

И все-таки Александр в свободное от занятий время писал стихи, которые одобряли его товарищи. Подходило время окончания Горного корпуса.

Задумчивость! Ты нас печальных
утешаешь.

Сраженных бедствия рукой
В свои отверстыя объятия призываешь,
Чтоб примирить опять с судьбой!

Писатель, критик и переводчик, друг Кулибина Амплий Николаевич Очкин просил, чтобы он «для дружества бряцал на лире», чтобы «сердца людей гормонией прельщал». Но в ответном "Послании к А.Н. О.» А. И. Кулибин пишет:

Но, милый друг, безвестность мой удел!
...уже назначен час!
И вижу я жестокою разлуку!
«Подай друзьям! — ее вещает глас, —
В знак вечного прощанья с ними руку...»
Лишен всего там друг твой будет жить:
С подрукою несчастливых — тоскою.
С страданием часы свои делить
И улаживать печаль — одной мечтою!..
Быть может, здесь опять услышишь ты
Знакомый звук моей нестройной лиры:
То знай, мой друг, что сладкие мечты
Еще летят, как тихие Зефиры.
К моей душе и выотся надо мной...

Печатаю это стихотворение в «Трудах Вольного общества Российской словесности», редакция писала: «Общество с удовольствием помещает стихи сии, в которых виден возникающий талант молодого сочинителя, окончившего курс учения в Горном Кадетском корпусе и предназначенного на службу за высокие хребты Рифея». Окончил он Горный корпус в 1820 году с Большой серебряной медалью «за успехи в науках». Прощаясь с ним, поэт Н. М. Языков целых два послания посвящает А. И. Кулибину.

Итак, поэт унылый мой!
Тот скоро час промчится,
Когда тебе с родной страной,
С друзьями должно разлучиться...

Туда и музы прилетят,
В Сибирь, в жилище хлада.
Поэт! богинь не устрашат
Ни даль, ни мраз, ни льдов громада...
Дай руку! Милый друг, прощай!
Но там в стране той отдаленной,
Твоих друзей не забывая,
Живи надеждой озаренный,
Что некогда увидишь их...

Языков дает ему напутствие, чтобы он не забывал поэзию: «ты наделен талантом песнопенья, тебе героев воспевать... люби, но укрощай в душе любви стремленье... будь верен, не страшись обмана... и песнь твоя молвой к друзьям домчится».

Выпускники Горного корпуса в то время имели звание практиканта и по уставу первый горный чин получали после прохождения двухгодичной практики на рудниках и горных заводах. Александра Ивановича направляют на Алтай на Колывано-Воскресенские заводы. После прохождения практики и составления отчета он вместе со своей молодой женой Анной Тимофеевной направляется на работу в Нерчинские заводы.

Горный корпус выпустил замечательных для своего времени специалистов, которые прилагали все старания для того, чтобы принести сильную помощь своему отечеству. К моменту приезда на Нерчинские заводы А. И. Кулибина сюда же прибыли, окончившие корпус немного позднее Кулибина, горные инженеры И. Ковригин, А. Таскин и другие.

В этот период каждое лето для изучения геогнозии (геологии) края, открытия полезных ископаемых и составления геологических карт организуются геологоразведочные партии под руководством горных инженеров. Многие из них после производства полевых работ обобщают полученные данные, печатают статьи в «Горном журнале». Из материалов, опубликованных в журнале, видно, какими наблюдательностью и отличным знанием горного дела обладали выпускники Горного корпуса. Приборы, которыми пользовались поисковики, были несовершенны, ощущалась нехватка необходимых для поисковых работ средств, не хватало необходимых пособий по геологии. Но это никак не смущало молодых энтузиастов горного дела. Горные инженеры добились того, что с 1830 года ежегодно в течение пяти лет на поисковые работы стали выделять по десять тысяч рублей. И это дало возможность открыть первые промышленные россыпные месторождения золота в Нерчинском горном округе. Лучшим геологическим пособием того времени считалась «Геогнозия» французского геолога Добюсона. А. И. Кулибин, совместно с А. Н. Таскиным и И. Н. Ковригиным перевели этот труд на русский язык.

Во время работы на Нерчинских рудниках А. И. Кулибин изучал коллекции минералов и горных пород, собранных в музее Нерчинского завода со всех концов

Забайкалья. К 1826 году им был составлен большой список забайкальских минералов, горных пород и полезных ископаемых. Список был напечатан в «Указателе открытий», издававшемся Н. Щегловым. Издатель писал об авторе:

«А. И. Кулибин, правящий канцелярию начальника Нерчинских заводов, по любви своей к минералогии, доставил мне сей список, вероятно, полнейший всех прежних, помещенных в разных сочинениях, вместе с штуфами... Желательно, чтобы в обширной и богатой минеральными произведениями Сибири было поболее просвещенных и ревностных минералогов, каков г. Кулибин».

Среди присланных Н. Щеглову образцов находились «два куска смолевидного, очень похожего на канифоль ископаемого». Этот минерал, как писал о том Кулибин, был найден в Кокуйской горе. По определению Щеглова, это был какой-то новый, доселе неизвестный минерал, и Щеглов называет его кулибинитом.

Позднее, уже в 1870 году, кулибинит изучали минерологи П. В. Еремеев и Н. А. Кулибин — сын Александра Ивановича и составили краткое его описание. В 1891 году кулибинит изучал горный инженер М. П. Мельников 1-й, отметив, что «разновидность смоляного камня, весьма близко походит на Бугунитский венгерский гялит». Академик А. Е. Ферсман относит кулибинит к разновидности обсидиана (вулканического стекла).

В представленном Н. Щеглову списке и небольшом пояснении к нему А. И. Кулибин описал восемьдесят видов нерчинских минералов, из которых некоторые найдены и определены им впервые. Так, например, кроме кулибинита он представил еще один совершенно новый минерал, найденный на реке Слюдянке у Байкала. Минерал этот был назван бухгольцевитом, в честь ученого Бухгольца.

В 1826 году А. И. Кулибин изучал геологию и минералогию Адун-Челонского хребта, где еще в XVIII веке производилась разработка драгоценных и самоцветных камней. В то время добыча самоцветов уже не проводилась, и Кулибин видел только старинные «совершенно почти сравнявшиеся и заросшие травой копи». Оценку этой работы Кулибина дал минералог П. П. Сушинский. Он писал, что маркшейдер Кулибин сумел подметить такие детали в строении самоцветных камней и самих месторождений, «которые подчас ускользают от наблюдений современных исследователей».

Одновременно с изучением геологии он интересовался также местной топонимикой. В своих описаниях он сделал переводы на русский язык таких, например, названий, как Адун-Челон — «табун камней». Жаран-Цунгурук — «шестьдесят озер вместе», Тутхалтуй — «притон для зверей» или «место, где любят собираться звери», Михачин — «мясной». Ургуй — «длинный, долгий», Каптагой — «плоский»,

Кондуй — «долина». Происхождение названия одной из сопок Адун-Челона Лукавая он объяснил так: «сие название придано ей потому, что при множестве поверхностных признаков были открыты в ней только в немногих местах и весьма необширные месторождения цветных камней», гора как бы лукавила. Название Золотая гора совершенно не определяло наличия здесь золота и названа так «по высоко желтому цвету ломившихся в ней бериллов» — золотистых камней.

В 1827 году Александр Иванович руководил поисковой партией, которая проводила работы в долине Ишагинской, левом притоке Аргунь. Было открыто небольшое серебро-свинцовое месторождение. Исследованиями Кулибина, кроме серебросодержащих минералов, в Ишагинской долине были обнаружены и другие полезные ископаемые, в частности плавиковый шпат «изумрудно-зеленого и серовато-белого цвета, сплошными массами на поверхности горы». Местные жители уверяли Кулибина, что «при урочище Черные березы добывались некогда огромной величины кристаллы дымчатого кварца», но горный инженер не сумел отыскать этого месторождения.

В «Горном журнале» Кулибин опубликовал «Описание Удинского золотосодержащего прииска», одного из первых золотосодержащих россыпных месторождений Забайкалья, разведка которого проводилась еще в 1829 году. Месторождение оказалось бедным по содержанию в нем золота, и разработка его не производилась.

Кулибин был хорошо знаком с известным ученым-географом Александром Гумбольдтом. По его просьбе Александр Иванович написал статью «О месторождении яшмы в горе Ревневой» на Алтае.

Был А. И. Кулибин в дружеских отношениях с Федором Бальдауфом, забайкальским поэтом и горным инженером. Бальдауф посылал много записок Кулибину в стихотворной форме, проса почитать «листов Пчелы или Телеграфа» или благодаря «за Вальтера... за Пуритан». Бальдауф же написал послание Кулибину, в котором

Спросить имеет дерзновенье
Ужели ваше вдохновенье
Любовь прелестной отняла?
Кулибин! Нет, любовь была
Началом первых песнопений...

Поэт Алексей Таскин рассказал о таком случае с Кулибиным. Однажды на горном совете, зимой 1833/34 года, Вальдауф, зная о том, что Кулибин приобрел хорошего рысака и испортил его, лошадь во время езды обычно подворачивала к каждому двору, написал шутивное стихотворение:

Кулибин! Днесь смиря свой гордый взор!
Ты ветры обгонял в пустыне.
А ныне
Ворочаешь на каждый двор!

За время своей работы в Нерчинском Горной экспедиции и на Алтае Александр Иванович Кулибин прошел все горные чины того времени: шихтмейстера, бергшворена, гитенфервальтера, маркшейдера, бергмейстера.

Был награжден орденом Владимира 4-й степени.

После 1834 года он уехал из Забайкалья на Алтай, где работал управляющим Локтевского завода, а затем начальником и советником Алтайского горного правления.

Умер в 1837 году вследствие несчастного случая на охоте.

У А. И. Кулибина было три сына: Николай, Владимир и Константин. Все они впоследствии стали известными горными деятелями. Николай был профессором, директором горного департамента. Владимир явился изобретателем промывочного прибора, названного «кулибиной». Константин много времени посвятил исследованиям, путешествовал по Средней Азии, Крыму, Сибири, был в Китае.

В. БАЛАБАНОВ.

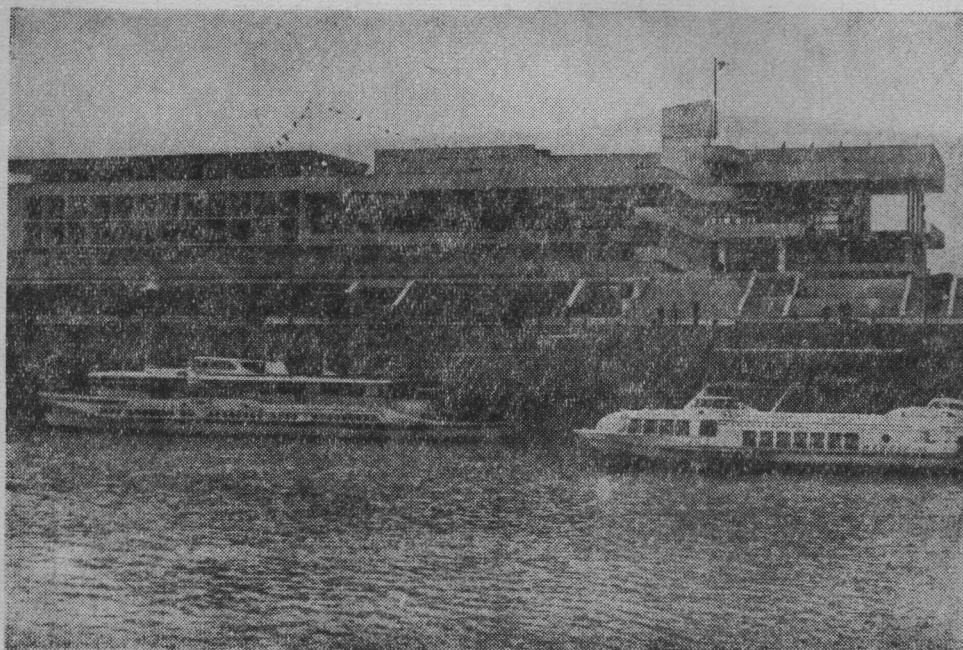

Семейный агрегат комбайнеров Чуприных из Амурского совхоза Октябрьского района Хабаровского края. Слева направо — Прокопий Васильевич, его сын Владимир, Иван Васильевич и его сын Николай

Фото В. Пильгуева

Речные ворота Комсомольска

Новый речной вокзал Комсомольска-на-Амуре напоминает белоснежный многопалубный корабль. Вначале навигации этого года он гостеприимно открыл свои двери перед пассажирами. В распоряжении тех, кто совершает путешествия по воде, часто пользуется водным транспортом большой операци-

онный зал с пятью билетными кассами. Здесь же разместились диспетчерская, справочное бюро, буфет, почта, телеграф. Современный интерьер, широкий обзор Амура, комфортабельная гостиница, ресторан и бар — все это привлекает сюда не только гостей города, но и его жителей.

Рядом с речным вокзалом построена причальная бетонная стенка с расположенными на разной высоте посадочными площадками. К ней сразу могут причаливать три судна.

А. ГАЛУШКО.

Фото автора.

БРАТ НА СМЕНУ БРАТУ

Стоял август 1945 года. Одна из застав получила приказ форсировать Амур и разгромить пограничный полицейский пост японцев. Пограничники переправились через реку и атаковали казармы врага. те ответили ураганным огнем. И тогда парторг заставы Иван Федько поднялся в атаку. Воодушевленные примером парторга, вои-

ны бросились вперед и разгромили засевших в казармах самураев. Но отважный парторг этого уже не видел: пуля врага сразила его во время атаки.

Прошло время. застава, где служил Иван Федько, носит теперь его имя. А служит на ней его племянник — сержант Петр Федько. Вот уже пол-

тора года ходит он в дозоры теми же тропами, что и его дядя. Мать Ивана Федько и многочисленные братья живут одной семьей, многие из них — участники войны. И племянник служит отлично. Петр является секретарем комитета ВЛКСМ заставы, неоднократно поощрялся командованием. Осенью кончается срок службы Петра. Но ему на смену готовится его младший брат — Иван. Сейчас он служит в учебном подразделении, но скоро придет на заставу имени своего дяди.

На снимке: сержант Петр Федько.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ПАРАШЮТИСТ

Могут ли животные совершать прыжки с парашютом? Странный вопрос, скажете вы. Ведь парашютисту нужны воля, мужество, мгновенная реакция, нужен ум в конце концов. Но в Хабаровском авиаспортивном клубе ДОСААФ подумали: собака легко поддается дрессировке, и, если щенка сызмальства готовить, может быть, он привыкнет и будет идти на прыжки с тем же удовольствием, что и спортсмены.

Решили взять смышленного щенка и попытаться выдрессировать его. Долго искать щенка не пришлось. Аэродромная собака Пальма ошенилась. Перворазрядник Геннадий Эбингер и мастер спорта Сергей Антипов выбрали щенка и взялись осуществить задуманное. При активной помощи всех спортсменов сшили парашют-купол, подвесную систему, ранец. Тем временем щенка (ему

дали кличку Бича) тренировали на парашютном городке. Бича прыгала с трамплина, ее приучали к подвесной системе. Бича оказалась удивительно умной и понятливой ученицей. Она совершенно не боялась рева моторов, высоты, терпеливо ожидала, пока на нее надевали подвесную систему.

Наконец все было готово. Наш доктор Петр Данилович Береговой тщательно осмотрел щенка и допустил его к выполнению прыжков.

На следующий день Бича, весело помахивая хвостом, вместе со спортсменами шла к старту.

Как всегда чувствовала она себя бодро.

Не проявила Бича признаков страха и беспокойства и тогда, когда самолет стал набирать высоту. На высотометре — 1000 метров. Открывается дверь, звучит сигнал «Приготовиться». Геннадий цепляет карабинчик вытяжной веревки от парашюта щенка к тросу, берет Бичу на руки и встает напротив двери. Тянет холодом, хоть на земле июньская жара. Бича удивленно смотрит вниз на домики, дороги, леса. Звучит сирена. «Пошел!» — командует выпускающий. Геннадий с силой бросает щенка в открытую дверь. Сама Бича не смогла бы преодолеть ураганного потока воздуха.

Пока не открылся парашют, умное животное летит, как стрела, вытянув вниз острую морду с длинными, развевающимися по ветру ушами. Но вот вспыхнуло белое облачко — купол открылся нормально. А на земле в зрительную трубу хорошо видно, как Бича спокойно висит в подвесной системе и, опустив голову, разглядывает землю. А к месту приземления уже бегут спортсмены.

Еще до земли оставалось метров 50, а Бича уже узнала знакомых парашютистов и радостно завизжала хвостом. Приземление прошло благополучно, за что отважная парашютистка получила

"премию" — вкусную косточку. Сейчас на Бичу выписана книжка прыжков. Их у нее уже одиннадцать, что дает право на присвоение третьего спортивного разряда. Прыгает Бича с явным удовольствием, ведь за каждый прыжок она получает очередную порцию еды и внимание спортсменов.

Г. ВЕДЕРНИКОВ,
член авиаспортивного клуба.
Фото автора.

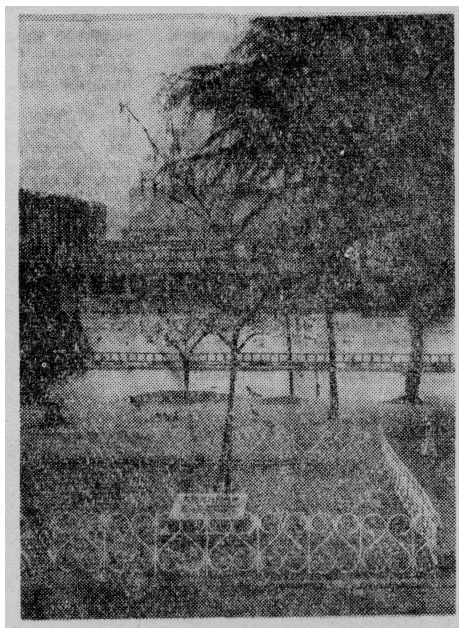
Растет в Хиросиме березка!

В апреле этого года мне в качестве переводчика большой группы советских туристов пришлось побывать в Японии. Мы посетили десять городов, в том числе и Хиросиму. Здесь, в Хиросиме, мы были приятно удивлены, увидев свою "землячку", — русскую березку, которая растет в мемориальном парке Мира города Хиросимы.

Березка эта еще совсем молоденькая, посажена четыре года тому назад, и вполне естественно пока что не может конкурировать с многочисленными деревьями цветущей сакуры, которыми любуются не только японцы, но и многочисленные иностранные туристы. И тем не менее, стоило нам взглянуть на это деревце, на его неокрепший ствол, только-только начинающие распускаться листочки и милые каждому русскому сердцу березовые сережки, как все мы — советские туристы, мыслями оказались на Родине.

Что это за березка, растущая в одиночестве на японской земле? Как она там оказалась? Ответ на эти вопросы дает гранитная мемориальная плита, лежащая у ее подножия. Надпись на плите гласит: "Береза. Мемориальное дерево, посаженное в память о заключении союза побратимства между городами Хиросима и Волгоградом. Сентябрь, 1972 года".

Так наша березка в городе, впервые испытывавшем ужасы атомной бомбардировки, стала сим-

волом города на великой русской реке Волге, символом героизма и мужества в борьбе с фашизмом за мир и светлое будущее человечества.

В. ТЮТРИН

ЗНАКОМТЕСЬ, КАМЕРНЫЙ ХОР!

Всесоюзный фестиваль народного творчества способствовал рождению многочисленных хоро-

вых самодеятельных коллективов. Возник такой коллектив и в Хабаровске — это камерный хор института культуры.

Кроме преподавателей кафедр хорового дирижирования в

его состав вошли также педагоги других музыкальных учебных заведений и любители хорового пения города Хабаровска, всего 25 человек.

Интенсивные репетиции молодого коллектива начались с сентября 1975 года, но настоящим днем рождения хора нуж-

но, пожалуй, считать его концертное выступление, состоявшееся на VI пленуме Дальневосточной организации композиторов 23 декабря 1975 года. Ха-

баровские любители музыки и гости пленума с одобрением встретили выступление молодого хора. В программу концерта

вошли хоровые миниатюры, впервые дебютировавшего в роли композитора В. Успенского и произведение владивостокского композитора Е. Казановского «Озеро».

Факт появления нового коллектива, тем более отраден, что уже давно в Хабаровске прилагаются усилия к созданию хорового коллектива подобного жанра.

В создании нового хорового коллектива несомненная заслуга художественного руководителя доцента В. Успенского и хормейстера Зем Ен Хе. Хабаровская музыкальная общественность знакома с В. Успенским уже давно. Начиная с 1970 года он является бессменным главным хормейстером сводного го-

родского хора. Его часто видят с эстрады, то в качестве дирижера хора, то за дирижерским пультом симфонического оркестра.

У молодого «камерного» большие творческие планы. Сейчас его участники трудятся над новой более сложной программой, в которую войдут произведения русских и зарубежных мастеров хоровой музыки, такие, как «Стабат Матер» Франца Шуберта, «Храни завет» Д. Бортнянского, «Да будет мир» Орацио Векки. «Радость ритм» Д. Гершвина, произведения советских композиторов — «Хор ля-минор» В. Овчинникова, «Капелла» Е. Казановского и другие.

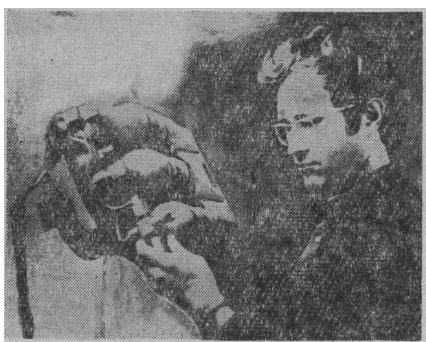
В октябре 1976 года новая

программа будет представлена на третьем туре Всесоюзного фестиваля.

Хабаровский «камерный» еще на стадии становления. Сейчас его участники обсуждают вопрос: каково же должно быть

его творческое направление? И все приходят к единому мнению, что основная творческая задача его — пропаганда советской хоровой музыки. Это не исключает, конечно, наличия в репертуаре русской и зарубежной хоровой классики. Первые успехи убеждают, что поставленная задача по плечу коллективу. Остается пожелать: «В добрый путь к новым творческим вершинам!»

П.ВОЛЬХИН,
хормейстер

ШКОЛА ДЛЯ УЧЕНЫХ

Кого не манит к себе, кого не притягивает загадочный радужный мир континентального шельфа? Уже немало есть любителей подводного царства, которые отправляются на "прогулки" в подводный мир, как другие в лес или на луга. Но есть немало и тех, кому по роду профессии необходимо освоить всю технику подводных погружений. Среди них — инженер нового отдела маркикультуры ТИНРО Евгений Козлитин, старший лаборант стационара по разведению лосо-

севых Юрий Фоменко, старший инженер Дальневосточного политехнического института Григорий Глухоманюк и его коллега преподаватель Александр Плутенко, конструкторы производственного

объединения Дальтехрыбпром Юрий Еремин Нина Потайкина, Василий Гущелюк. Все они из новой группы пока единственной в Советском Союзе водолазной школы для специалистов. Особенно много в группе, составленной из ученых и специалистов, сотрудников различных научно-исследовательских институтов ДВНЦ АН СССР.

— По окончании курсов на учебном судне «Капитан Смирнов», — говорит педагог Г. В. Зубов. — многие выпускники уйдут в далекие рейсы, за

экватор, примут участие в научных экспедициях с подводными исследованиями.

Школа была организована три года назад по проекту мастера спорта по подводному плаванию, ныне ее инструктора Г. П. Костина. В прошлом году она выпустила 119 водолазов. Из них 20 человек — водолазы первого класса. Кроме того, подготовлена группа инструкторов по подводному плаванию.

— Какие планы у школы на будущее? — поинтересовались мы.

— Будем больше крепить контакт с наукой, учитывая, что весьма перспективным становится в десятой пятилетке освоение биоресурсов континентального шельфа, — ответил главный водолазный специалист Дальрыбы В. И.

Нам хочется, чтобы для ученых и специалистов Мирового океана подводный мир с нашей помощью стал таким же родным, как суша.

— Вот почему подготовка водолазов-совместителей становится у нас особым профилем. — добавил начальник школы В. М. Яськов.

В. СВИРИДОВ,
старший научный сотрудник ТИНРО.
Фото автора.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Уже пролегли по Восточному участку БАМа сотни километров железнодорожных путей, завершается строительство Зейской ГЭС, горняки, строители, хлеборобы, рыбаки Дальнего Востока самоотверженным трудом выполняют решения XXV съезда КПСС. О наших современниках, преобразующих дальневосточную землю, расскажет наш журнал в 1977 году.

В журнале будут опубликованы новые произведения прозаиков и поэтов Дальнего Востока. Журнал расскажет об истории края, об его необычной природе и богатствах.

В 1977 году редакция намерена предложить читателям следующие произведения:

Георгий ХАЛИЛЕЦКИЙ — «Океанский проспект», роман о наших современниках, строителях городов, моряках Тихоокеанского флота.

Павел ХАЛОВ — «Тяжелая бригада», роман о сильных, страстных людях, строителях и водителях на дальних рейсах.

Василий НИКОНОВ — «Шилка», роман, посвященный труду и судьбам корабелов, строителей речных судов.

Николай ЗАДОРНОВ — «Хеда», исторический роман.

Роман ШОЙХЕТ — «Земля», повесть, рассказывающая о судьбе переселенцев на целинные приамурские земли.

Редакция готовит к печати также рукописи новых произведений:

В. Александровский — «Теплый дождь», повесть; Е. Гриценко — «Окно в соседнем доме», повесть; А. Максимов — «Открытые двери», повесть; А. Мишкин — «Облака на рассвете», повесть; Ю. Пшонкин — «На Камчатке березы каменные», повесть; Р. Райгородецкий — «Делай, как я», повесть; Н. Рогаль — «Пятое апреля», роман; В. Руссков — «Амурский бульвар», роман; В. Сукачев — «Военная», повесть; В. Христофоров — «Деньги за путину», повесть.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО В АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год — 6 руб.

На 6 месяцев — 3 руб.

На 3 месяца — 1 руб. 50 коп.

